

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (23)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 3 (23)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Жиряков И.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Исаков В.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Карпачев С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Мальшева О.Г.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Михайловский Ф.А.</i> заместитель главного редактора	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Сорокин А.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Мишанина Е.В.* Карамзины в истории государства Российского 8
- Журавлев О.В.* К истории образования Дворцовой полиции:
Дворцовая городовая стража. 1861–1881 годы 18
- Коломейцева М.А.* Развитие начального образования в среде
аграрного населения юга России во второй половине XIX века
(по материалам о крестьянстве Дона) 29
- Малышева О.Г.* Первые выборы в парламент Российской империи
в Москве и Санкт-Петербурге 37
- Ершова Т.В.* Состояние московской промышленности
в условиях Первой мировой войны 45
- Музафарова Н.И.* Ислам в национально-культурных традициях
народов Волжско-Уральского региона (исторический аспект) 52

Новейшая история России

- Багашвили И.Р.* Развитие химической промышленности СССР
в предвоенные годы 60

Всеобщая история

- Михайловский Ф.А.* К вопросу о реально-правовом значении
трибунской власти Августа 72
- Войтенко А.А.* Церковнославянское Похвальное слово
св. Онуфрию Великому 79
- Фурцев Р.В.* Итальянский поход Максимилиана I Габсбурга
в 1496 году 87
- Рыжков Е.Н.* Интерпретация начального этапа формирования
послевоенных правительств в государствах Восточной Европы
(1944–1945 годы) в работах А. Улама 102

Критика. Рецензии. Публицистика

Селезнев Ф.А. Рецензия на книгу: Пыжиков А.В. Питер – Москва.

Схватка за Россию. М.: Олма Медиа Групп, 2014. 464 с. 111

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки»,

2016, № 3 (23)..... 117

Требования к оформлению статей..... 119

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Mishanina E.V.</i> Karamzins in the History of the Russian State	8
<i>Zhuravlyev O.V.</i> About the History of Foundation of the Palace Police: The Palace Policeman Guards. 1861–1881.....	18
<i>Kolomeytseva M.A.</i> Development of Primary Education among the Agrarian Population of the South of Russia at the Second Half of the XIX Century (on Materials about the Peasantry of the Don).....	29
<i>Malysheva O.G.</i> The First Parliamentary Elections in the Russian Empire Held in Moscow and Saint Petersburg.....	37
<i>Ershova T.V.</i> The Condition of Moscow Industry in the First World War.....	45
<i>Muzafarova N.I.</i> Islam in the Natijnal Cultural Traditions of the Peoples of Volga-Ural Region (Historical Aspects).....	52

Modern History of Russia

<i>Bagashvili I.R.</i> The Development of the Chemical Industry of the USSR during the Prewar Years	60
--	----

General History

<i>Mikhailovsky F.A.</i> On the Problem of the Real and Legal Importance of the Tribunician Power of Augustus	72
<i>Voytenko A.A.</i> The Church Slavonic Eulogy of St. Onuphrius the Great	79

<i>Furtsev R.V.</i> The Italian Campaign of Maximilian I of Habsburg in 1496	87
<i>Ryzhkov E.N.</i> The Interpretation the Initial Stage of the Formation of the Postwar Governments in the States of Eastern Europe (1944–1945) in A. Ulam’s Works Criticism. Reviews. Publicism	102

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Seleznev F.A.</i> The Review of A.V. Pyzhikov’s Book «Peter – Moscow. Fight for Russia» (M.: Olma Media Grupp, 2014. 464 p.).....	111
---	-----

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2016, № 3 (23)	117
---	-----

Style Sheet	119
--------------------------	-----

История России: с древнейших времен до 1917 года

Е.В. Мишанина

Карамзины в истории государства Российского

На протяжении восемнадцатого века три поколения старинного дворянского рода Карамзиных находились на воинской службе. Егор Петрович и Михаил Егорович Карамзины — дед и отец историографа Н.М. Карамзина — стали активными участниками ряда важных событий военной истории Российской империи. Исследование, проведенное на основе выявленных в последние годы архивных документов, позволило составить биографии ближайших предков Н.М. Карамзина и опровергнуть устойчивый историографический стереотип относительно незначительности их ратных заслуг.

Ключевые слова: село Карамзино (Преображенское); село Карамзино (Знаменское); Н.М. Карамзин; Е.П. Карамзин; М.Е. Карамзин.

Подавляющая часть литературы о предках выдающегося историка, писателя и публициста Н.М. Карамзина относится к XIX – началу XX столетия [11: с. 431–435; 10: с. 135–155; 8: с. 363–367]. Характеристики, даваемые в ней, не изобилуют полнотой и подробностями, а порой и достоверностью. «...История этого рода, довольно сбивчивая, местами темная, тесно связана с Поволжьем. Это был мелкий дворянский род, сначала даже с трудом существовавший. Только царское жалованье поддерживало его. Талантами особенными никто из предков Карамзина не выделился, — все они были рядовыми слугами Русской земли» [11: с. 434]. Знаменитый российский историограф скупко информировал о себе самом и своих ближайших родственниках. В наполовину автобиографичном романе «Рыцарь нашего времени» дал единственную характеристику отцу: «...русский коренной дворянин, израненный отставной капитан, человек лет в пятьдесят, ни богатый, ни убогий, и — что всего важнее — самый добрый человек... добрый по-своему и на русскую статью» [3: с. 756–757].

Историк М.П. Погодин, библиограф Н.М. Карамзина, перефразируя слова Леона — героя карамзинского романа, добавляет: «Отец Карамзина

Михаил Егорович — человек очень добрый и простой, служил в молодости в Оренбурге, при Неплюеве, в легком полевом батальоне и пожалован землею в Оренбургской, ныне Самарской губернии» [6: с. 1]. Вот и все сведения, известные сегодня исторической науке об отце и деде Н.М. Карамзина. Основоположником военной династии явился дедушка знаменитого историка — Егор Петрович Карамзин (1669 – до 1746). До него Карамзины служили при разных правителях стольниками и стряпчими.

Начало XVIII века для российского дворянства ознаменовалось рядом серьезных перемен. Потребности государства, связанные с войной, на всю жизнь прикрепили привилегированное сословие не только к пожизненному служению в административных и судебных учреждениях, но и к несению воинской службы в регулярных армейских частях, начиная ее с рядовых солдат. Егору Петровичу Карамзину к призыву в 1704 году исполнилось 35 лет. И он, небогатый «городовой дворянин», помещик — «крестьян за ним в Симбирском уезде мужеска полу сто семьдесят две души» (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 304–305 об.) — был записан солдатом в «службу регулярную» в Анненков пехотный полк, который был сформирован в 1704 году в Смоленске и стоял гарнизоном в Полоцке [7: с. 27].

В 1706 году боярином Тихоном Никитичем Стрешневым он произведен в прапорщики, в 1707 году переведен в Галицкий пехотной полк и в том же году генералом Фон Алартом пожалован в капитаны. В июне 1707 года Галицкий полк принял участие в одном из сражений Северной войны — осаде крепости Быхов. После окончания осады полк стоял гарнизоном в Санкт-Петербурге, подавлял Башкирское восстание 1705–1711 годов. В 1709–1710 годы участвовал в боях при осаде и взятии крепости Выборг [7: с. 27]. В 1709 году генерал-адмирал и кавалер граф Ф.М. Апраксин произвел Е.П. Карамзина в майоры. В 1710 году «из военного приказа отослан в Киев и от Киевскаго губернатора, что ныне тайный действительный советник и ковалер князь Дмитрий Михайлович Голицин, определен в Постельников полк» (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 304). Дальнейшая служба Е.П. Карамзина была связана с украинской ландмилицией, куда его определили после генерального смотра 1718 года. В 1724 году генерал-фельдмаршалом и кавалером князем М.М. Голицыным он произведен в подполковники в ландмилицкий регулярный Севский полк. В 1727 году — в полковники. Полк именовался в официальных документах как Севским, так и полком Е.П. Карамзина, являясь регулярным. Его солдаты несли службу в летнее время, а на зиму распускались по домам [7: с. 28]. Прослужил Е.П. Карамзин до 1731 года и в возрасте 60 лет подал прошение об отставке. Отдав воинской службе 25 лет, был отпущен «в дом на ево пропитание» с жительство в селе Карамзино (Знаменское).

Е.П. Карамзин был женат на Екатерине Петровне Аксаковой. Это был второй и поздний брак, от которого родилось двое детей — Михаил и Пелагея. В 1737 году Егор Петрович был еще жив, а в официальных документах за 1746–1747 годы наследником и владельцем с. Знаменское (Карамзино)

указан его сын Михаил (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 454. Д. 31. Л. 1388–1403). Если судить о степени родства, то писатель Сергей Тимофеевич Аксаков доводился троюродным правнучатым племянником Н.М. Карамзину, т. е. дед писателя С.М. Аксаков и Н.М. Карамзин были троюродными братьями. Дальние родственники — Н.М. Карамзин и сыновья С.Т. Аксакова Иван и Константин, — имея общих знакомых и друзей, тесно общались, проживая в российских столицах.

Вероятным местом рождения Михаила Егоровича Карамзина (1726–7.11.1781) является имение его родителей в Симбирской провинции Казанской губернии — с. Карамзино (Знаменское) (ГА Самарской области. Ф. 97. Оп. 1. Д. 35). Получив первоначальное домашнее воспитание и образование, Михайла, как тогда писалось его имя в официальных документах, был представлен отцом на смотр дворянских детей в 1736 году в Симбирске, согласно сенатскому указу от 6 мая 1736 года (ПСЗ. Т. IX (1733–1736 гг.). № 6949 от 06.05.1736 г. с. 707–708) и определен для обучения грамоте, навигации и прочим наукам в Симбирскую школу (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 190. Л. 444). В 1742 году призван в армию и записан солдатом в Пензенский пехотный полк. Этот полк находился в Казани и был сформирован в 1721 году, с 1724 года назывался Казанским солдатским гарнизонным полком Анненкова, с 1727 года — Пензенским [7: с. 28]. В РГАДА автором выявлен уникальный документ о службе М.Е. Карамзина. Он назван иностранным забытым словом «промемория» и представляет собой выписку из дела о службе и отставке, данную из государственной военной коллегии в герольдмейстерскую контору, составленную на основании Указа императрицы и доношения оренбургского губернатора А.Р. Давыдова, датирован февралем 1763 года (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 514. Л. 208–208 об.).

Из текста следует, что воинская служба М.Е. Карамзина началась с двух походов из Самары в Орскую крепость в 1742 году и из Самары до Оренбургской крепости в 1743 году солдатом Пензенского пехотного полка.

Поход 1742 года подробно описан первым летописцем Оренбургского края и его непосредственным участником П.И. Рычковым. В 1742 году Оренбургскую комиссию по освоению Оренбургского края возглавил Иван Иванович Неплюев. 9 июля 1742 года начался поход в Оренбург под его предводительством из Самары через все крепости Самарской дистанции с детальным изучением каждой. Следуя из крепости Татищева пристань, отряд добрался до Бердской крепости, основанной в 1737 году П.С. Бахметевым, расположенной на р. Яик (Урал) [9: с. 5–6.]. На ее месте было решено заложить Оренбург, а Бердскую крепость перенести в устье р. Сакмары (современный жилой район Оренбурга — Бёрды). Далее И.И. Неплюев со своей командой направился в Орскую крепость, куда прибыл 23 июля 1742 года. Преодоленное расстояние составило более 700 км. В Орской крепости состоялся совет, на котором окончательно было решено строить Оренбургскую крепость на месте Бердской и гарнизоном определить в нее Пензенский

пехотный полк [9: с. 8]. До наступления осеннего бездорожья и холодов нужно было вернуться. 6 сентября команда Неплюева подошла к переправе через р. Яик, возвращаясь в Самару. По дороге Неплюев получил разрешение Сената строить г. Оренбург на месте Бердской крепости весной 1743 года: «...к строению города Оренбурга, на вышеозначенном и от Ея Императорскаго Величества определенном месте чинены были все надлежащая приуготовления, к чему на место умершаго подполковника Останкова, который... в Орской крепости и по всей Яицкой стране и над граничными делами команду имел, определен был подполковник Пальчиков» [9: с. 30]. Василий Григорьевич Пальчиков был командиром Пензенского пехотного полка (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 360. Л. 550). Перезимовав в Самаре, 19 апреля 1743 года команда, во главе с генерал-майором Г. фон Штокманом, прибывшая в Бердскую крепость, заложила г. Оренбург на том месте, где он стоит и сейчас. К осени 1743 года «прежде, чем морозы наступили, не только определенный там гарнизон, но еще и прибавочные к тому драгуны в теплыя казармы введены были» [9: с. 121]. 15 марта 1744 года была образована Оренбургская губерния и принят указ «О произвождении жалованья поселяемым по р. Яику, Улье и Самаре гарнизонным и ландмилицким командам по окладу остзейских гарнизонов, до совершенного их там водворения» (ПСЗ. Т. XII (1744–1748 гг.). № 8902 от 15 марта 1744 г. с. 52). Для основателей и жителей «новопостроенной» Оренбургской крепости 1742–1743 годы, сопровождавшиеся недостатком продуктов, холодом, цингой, были одними из самых тяжелых.

С 1744 года в Оренбургской крепости стала действовать Оренбургская губернская крепостная контора, которая регистрировала сделки купли-продажи недвижимости, земли, крепостных крестьян в Оренбургской губернии. В крепостных документах фигурируют названия первых улиц Оренбургской крепости: Большая, Пензенская, Солдатская, Унтер-офицерская — фигурантами сделок становились первые жители города. В вотчинных книгах за 1744 год сохранились описания первых оренбургских обывательских строений: деревянные избы «с сеньми, хлевом, воротами, под тем двором земля восемь поперек десять сажень в межень», в крепости также возводились дома с погребями, банями, огородами, расположенными за домом (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 7841. Л. 1 об.). В списке домовладельцев Оренбургской крепости за 1744–1745 годы в числе прочих значится сержант Михайла Карамзин, который имел дворовое место в Четвертой Большой улице (ГА Оренбургской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 514. Л. 94 об.–95). С 1742 по 1749 год М.Е. Карамзин прошел путь солдата, капрала, каптенармуса, сержанта. 20 мая 1749 года пожалован в низший офицерский чин прапорщика. Офицерам и солдатам из дворян в Оренбурге было разрешено жить не в казармах, а в частных домах. Единственная сохранившаяся исповедальная ведомость служащих Пензенского пехотного полка, расквартированного в г. Оренбурге, за 1761 год свидетельствует о том, что служащие несли гарнизонную службу, проживая в собственных домах с женами, родителями, детьми, дворовой прислугой (ГА Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 2. Д. 2. Л. 32 об.–57 об.).

К началу 1750-х годов Сенат (по представлению И.И. Неплюева) поощрил земель наиболее отличившихся в оренбургских походах дворян. Одним из первых землю получил командир Пензенского пехотного полка В.Г. Пальчиков — «сто четвертей в поле а в дву потомуж» с санными покосами и прочими угодьями по р. Большому Кинелю между г. Самарой и Красносамарской крепостью, — но уже в июле 1752 года пожелавший продать ее сержанту Санкт-Петербургского пехотного полка Ивану Чубавскому (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 783. Л. 1). В это же время часть офицеров получила пожалования в наиболее благоприятной в климатическом и сельскохозяйственном отношении Оренбургской губернии. В списке первых оренбургских дворян-землевладельцев оказались офицеры оренбургских полков, несших нелегкую службу на юго-востоке России.

Однополчанами М.Е. Карамзина были подполковник Роман Державин — отец Г.Р. Державина; сын П.И. Рычкова прапорщик Андрей Рычков — будущий симбирский комендант, погибший от рук пугачевцев; поручик Борис Мертваго — отец Д.Б. Мертваго, писателя и крупного российского чиновника и сенатора; поручик Андрей Луцкой — муж его родной сестры Пелагеи Егоровны. Сослуживцы М.Е. Карамзина по гарнизонным полкам стали его соседями — первопоселенцами оренбургских поместий: Василий Страхов — капитан Пензенского полка, помещик с. Никольское (Страхово); подполковник Роман Державин — владелец с. Державино; майор Александр Кудрявцев — с. Березовка (Кудрявцево); подполковник Уфимского полка Александр Языков — с. Богородское (Языково); капитан Билярского полка Алексей Гасвицкий — с. Гасвицкое; поручик Пензенского полка Иван Путилов — с. Путилово; капитан Нижегородского полка Василий Ляхов — с. Ляхово (Всесвятское). В марте 1753 года М.Е. Карамзин и его друзья — соседи В.А. Ляхов, Ф.М. Стригин, И.Д. Путилов, И.П. Толстой — обратились с почтенным доношением в Оренбургскую духовную консисторию о разрешении построить им одну церковь на несколько селений в своих новопоселенных деревнях, которые расположены «против Бузулукской крепости на реке Кундузле». В этом документе М.Е. Карамзин указал, что поселил свою деревню в количестве пятнадцати дворов (ГА Оренбургской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1404. Л. 1). Параллельно он продолжал службу. 20 февраля 1757 года М.Е. Карамзин был произведен в поручики.

Третий военный поход М.Е. Карамзина был связан с еще одной забытой страницей военной истории России. В его послужном списке этот период отражен довольно скупо: «в <1>759 командирован в Киев для препровождения черногорцев, коих и препроводил порядочно». На самом деле история с переселением в Россию черногорцев, албанцев и сербов началась в начале 1750-х годов. 8 августа 1756 года в Оренбург к губернатору И.И. Неплюеву из Сената был послан указ, по которому ему поручалось подобрать пустые плодородные земли ближе к р. Волге, на которых можно было разместить переселенцев, а также составить предварительную смету расходов на перемещение и расселение

черногорцев и албанцев «не вместе, а порознь между российскими жительство», «дабы они при отправлении из Киева и по прибытии в Оренбург в довольствии своем нужды и недостатка не имели» (ГА Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 216 об.). Под житье были определены земли недалеко от Самары по реке Ирғиз. Первая партия из 99 человек прибыла из Киева зимой 1755 года на ямских и уездных подводах через Москву и Арзамас [2: с. 471–478]. Переселенцы столкнулись с суровым континентальным климатом Заволжья. Черногорцы жаловались своему митрополиту Василью в начале 1759 года о претерпеваемых лишениях, сообщая, что они находятся «на таком поселении, где и у здоровых нос, зубы и уши отпадают» (ГА Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 72). Сетовали они также на невыплату денежного вознаграждения за их труды, притеснения самарских жителей, наказание «батожьями» вышестоящих офицеров и слезно просили их «от такой египейской работы избавить».

В императорском указе от 18 марта 1759 года сообщалось: «По собственным их желаніям как в Новую, так и в Славяносербию також буде, которыя пожелают в старья гусарския и новоучреждающіеся македонской и болгарской полки и на поселение в Оренбург и кто куды пожелает в те места и отправлять, а в неволе и не по желанію никого никуда не принуждать» (ГА Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 80).

Немалые средства, потраченные на переселение черногорцев, были израсходованы впустую. Начался обратный процесс перемещения их из Оренбургской губернии в Киев. В этой акции и довелось участвовать молодому офицеру М.Е. Карамзину в качестве сопровождающего. Поход проходил далеко не гладко. Черногорцы проявляли буйные наклонности, устраивали демарши под лозунгами «Больше России служить не хотим!», были замечены «в продерзостных поступках», «дрались, били и грабили обывателей» [2: с. 481]. П.И. Рычков, подводя печальные итоги проводимой акции, писал: «На самом том месте, где Мочинская слобода имелась, с 1756 году заводимо было новое селение черногорцев и албанцов, коим не только новые угоды, которыя к той слободе прежде были назначены, но и по Ирғизу реке и в других местах пространныя дачи приписаны, в том чаянии, что из Европы в Россию выдет на житье людство немалое; токмо перьвые оттоль выходцы поживши здесь года с три пожелали служить в армии, а другие просили, чтоб их уволить на житье в Новой Сербии в команде генерала майора Хорвата, почему все они в 1759 году туда и отпущены. И так сие место ныне паки впусе осталось» [12: с. 465].

Историк В.Н. Витевский, изучавший проблему, охарактеризовал это политическое мероприятие: «Таким образом, обитателям гор, с их неприступными скалами и утесами, были не по сердцу широкие и привольные равнины Оренбургского края, несмотря на все заботы об устройстве их быта на новых местах со стороны российского правительства» [2: с. 482].

Участие в походе окончательно расшатало здоровье М.Е. Карамзина, что привело к тому, что «в <1>760-м году приключилась ему цынготная болезнь,

от которой хотя находящемся при Оренбурге доктором Рындером пользован, токмо никакой свободы получить не мог и в рассуждении сего, дабы он имел себе прежнее здоровье, от командующаго генералитета отпущен впредь до указа в дом, где будучи, от болезни свобод не получил же, но она и более усилилась, так, что уже от ломот левою рукою мало владеет, а левою ж ногу в колене повело, и та нога от ран почернела. Да сверг того и в голове оказалась немалая ломота, от коей всегда глаза слезит, и притом еще впушечная грыжа, которая пуп против натурального увеличила. И за оными болезнями более службу продолжать не может» (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 514. Л. 208–208 об.). Оренбургский губернатор, тайный советник А.Р. Давыдов сообщал в военную коллегия: «Как де и ему известно, что оной Карамзин здоровьем своем весьма слаб, в должности звания своего находился добропорядочно... и ни в каких штрафах не бывал и к повышению чина аттестуется достойным. Почему и он тайной советник за добропорядочную и беспорочную ево службу при отставке и повышению чина удостоивается» (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 514. Л. 208–208 об.). В итоге «определено оногo порутчика Карамзина в сходственность состоявшагo о вольности дворянства имянного прошлаго <1>762 года февраля 18 дня указа и за имеющимися у него болезнями от воинской и статской службы отставить с награждением капитанского чина, на которой присягу учинить при коллегии, коя и учинена. И он з данным указом отпущен в дом на ево пропитание» (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 514. Л. 208–208 об.). Так полевой офицер «ротнаго примаплана» Пензенского гарнизонного пехотного полка, оренбургский и симбирский помещик капитан М.Е. Карамзин в возрасте 37 лет вышел в отставку, имея крепостных крестьян «мужеска полу сто дватцать душ». В сохранившихся списках офицеров оренбургских полков М.Е. Карамзин числится в штате с 1749 по 1762 год офицером Пензенского пехотного полка (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 360. Л. 390–391, 541–551, 806–808, 1355–1359, 1360–1365). Кроме промемории, имеются еще два документа, в которых говорится о возрасте М.Е. Карамзина. Во всех трех наблюдается расхождение в годе его рождения. Здесь, на наш взгляд, имеет место классическая «убавка лет» — распространенное, но караемое властью явление в дворянской среде. Михаил был единственным сыном Е.П. Карамзина. В сказке 1731 года отец указывает, что ему один год. В определении его к учебе в 1736 году — 8 лет, в промемории в 1763 году — 37 лет. Таким образом, если судить по первому документу, он рожден в 1730 году, по второму в 1728 году, по третьему в 1726 году. Третья дата представляется наиболее достоверной, так как в 12–13 лет он не мог быть зачислен на воинскую службу и участвовать в военном походе. Возраст призыва дворян составлял 15 лет [4: с. 349].

Все четыре сына Михаила Егоровича Карамзина, следуя семейной традиции, начинали свою биографию с несения воинской службы рядовыми солдатами.

Василий (ок. 1751 – 24.04.1827) произведен в поручики в 1770 году [10: с. 144]. После выхода в отставку занимал гражданские должности, был заседателем Симбирского верхнего земского суда в 1780–1781 годах (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 649. Л. 250 об.), симбирским и оренбургским помещиком.

Николай (1.12.1766 – 22.05.1826) зачислен в службу в армейские полки в 1774 году, явившись на первый смотр в возрасте 7 лет. В 1781 году переведен в Преображенский полк, 28 апреля 1781 года произведен в подпрапорщики и в 1782 году до выхода в отставку числился в бомбардирской роте. В 1781 году был отпущен в отпуск на год в с. Знаменское Симбирского уезда. В 1783 году отпущен в отпуск на 11 месяцев. Уже с 1 января 1784 года уволен от службы поручиком [5: с. 462–463]. На этом армейская служба Н.М. Карамзина благополучно завершилась. Он нашел свое призвание в литературной и исследовательской деятельности, став знаменитым писателем и историком.

Из всех сыновей Михаила Егоровича Карамзина Федор (1768 – 04.08.1838) дослужился до капитана (ГА Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 15. Д. 195. Л. 9.). «В службу вступил в артиллерийский инженерный кадетский корпус в 1783 г. кадетом, фурыером — 21 апреля 1784 г., сержантом — 27 сентября 1785 г., выпущен с армии поручиком — 27 сентября 1787 г., отставным капитаном 3 Софиевского пехотного полка — 1790 г., по выбору дворянства в оном же Департаменте с 4 сентября 1793 г. В походах и сражениях участия не принимал. Под штрафами и подозрениями не бывал. 3 декабря 1790 г. за болезнями штаб-лекарским аттестатом, засвидетельствованным от воинской службы отставлен на его пропитание по достоинству с награждением капитанского чина (Указ Сената от 10 декабря 1790 г.). В 1795 г. служил в Верхнем земском суде I Департамента заседателем» (РГАДА. Ф. 286 Оп. 1. Кн. 883. Л. 174, 179). После выхода в отставку поселился в родовом оренбургском имении отца, где и похоронен.

Александр (1770 – 13.12.1848) вышел в отставку гвардии прапорщиком в 1795 году и посвятил себя семье и жизни в своем оренбургском поместье Полибино (ГА Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 139. Л. 2). По воспоминаниям С.Т. Аксакова, «Карамзина все называли богатырем; и в самом деле редко можно было встретить человека такого крепкого, могучего телосложения. Он был высок ростом, необыкновенно широк в плечах, довольно толст и в то же время очень строен; грудь выдавалась у него вперед колесом, как говорится; нрав он имел горячий и веселый; нередко показывал он свою богатырскую силу, играя двухпудовыми гириями, как легкими шариками... Какой бы чудесный рыцарь вышел из Карамзина, если б надеть на него латы и шлем и дать ему в руки щит и копьё» [1: с. 549].

Таким образом, Е.П. и М.Е. Карамзины оказались в центре событий военной истории Российской империи XVIII столетия «и, всю свою службу продолжая без всякого пороку», прослужили, имея поощрения от вышестоящего командования, как в виде очередных офицерских званий, так и пожалований земель в Оренбургской губернии. Десятки их потомков — русских офицеров — вплоть до революционных событий начала XX века верой и правдой служили как в армейских частях, так и на государственной службе на благо России.

Литература

1. Аксаков С.Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. 639 с.
2. Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань: Типолитограф. В.М. Ключникова, 1897. 708 с.
3. Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени // Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. 770 с.
4. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Изд. кн. маг. П.В. Луковникова, 1914. 668 с.
5. Пекарский П.П. О годе рождения Карамзина // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. По поручению отделения рус. яз. и словесности Императ. АН издали с примеч. и указат. Я. Грот и П. Пекарский. СПб.: в Тип. Императ. АН, 1866. 483 с.
6. Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: в 2 ч. Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. 540 с.
7. Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М.: Советская Россия, 1977. 56 с.
8. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. 627 с.
9. Рычков П.И. История оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1759. Июль. С. 1–36.
10. Сиверс А.А. Генеалогические разведки. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1913. 182 с.
11. Сиповский В.В. О предках Н.М. Карамзина // Русская старина. 1898. Т. 93. № 2. С. 431–435.
12. Топография Оренбургская П.И. Рычкова: в 2 т. / под ред. чл.-кор. РАН А.А. Чибилёва. Т. 1. Оренбург: Печат. дом «Димур», 2010. 623 с.

Literatura

1. Aksakov S.T. Semejnaya xronika // Aksakov S.T. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. M.: Goslitizdat, 1955. 639 s.
2. Vitevskij V.N. Neplyuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. T. 2. Kazan': Tipolitogr. V.M. Klyuchnikova, 1897. 708 s.
3. Karamzin N.M. Ry'car' nashego vremeni // Karamzin N.M. Izbr. soch.: v 2 t. T. 1. M.; L.: Xudozhestvennaya literatura, 1964. 770 s.
4. Knyaz'kov S. Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni. SPb.: Izd. kn. mag. P.V. Lukovnikova, 1914. 668 s.
5. Pekar'skij P.P. O gode rozhdeniya Karamzina // Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu. Po porucheniyu otdeleniya rus. yaz. i slovesnosti Imperat. AN izdali s primech. i ukazat. Ya. Grot i P. Pekar'skij. SPb.: v Tip. Imperat. AN, 1866. 483 s.
6. Pogodin M.P. N.M. Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzy'vam sovremennikov: v 2 ch. Ch. 1. M.: Tip. A.I. Mamontova, 1866. 540 s.
7. Rabinovich M.D. Polki petrovskoj armii 1698–1725. Kratkij spravochnik. M.: Sovetskaya Rossiya, 1977. 56 s.
8. Rummel' V.V., Golubczov V.V. Rodoslovny'j sbornik russkix dvoryanskix familij: v 2 t. T. 1. SPb.: Izd. A.S. Suvorina, 1886. 627 s.

9. *Ry'chkov P.I.* Istoriya orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoj gubernii // Sochineniya i perevody', k pol'ze i uveseleniyu sluzhashhie. SPB., 1759. Iyul'. S. 1–36.
10. *Sivers A.A.* Genealogicheskie razvedki. SPb.: Tip. Glav. upr. udelov, 1913. 182 s.
11. *Sipovskij V.V.* O predkax N.M. Karamzina // Russkaya starina. 1898. T. 93. № 2. S. 431–435.
12. Topografiya Orenburgskaya P.I. Ry'chkova: v 2 t. / pod red. chl.-kor. RAN A.A. Chibilyova. T. 1. Orenburg: Pechat. dom «Dimur», 2010. 623 s.

E.V. Mishanina

Karamzins in the History of the Russian State

Throughout the eighteenth century, three generations of an old noble family of Karamzins were on military service. Egor Petrovich and Michael Egorovich Karamzins — historiographer N.M. Karamzin's grandfather and father — became active participants of a number of important events of the military history of Russian Empire. A research conducted by the author based on archival documents identified in recent years, allowed the author to compile biographies of N.M. Karamzin's nearest ancestors and thus refute the firm historiographical stereotype about insignificance of their military achievements.

Keywords: village Karamzino (Preobrazhenskoye); village Karamzino (Znamenskoye); N.M. Karamzin; E.P. Karamzin; M.E. Karamzin.

О.В. Журавлев

К истории образования Дворцовой полиции: Дворцовая городовая стража. 1861–1881 годы

Статья посвящена истории Дворцовой городской стражи — специальному подразделению по охране императора Александра II. Рассматриваются вопросы, связанные с изменением социально-политической ситуации в царской России, роста революционно-террористической активности и принимаемыми мерами по охране императора и императорских резиденций.

Ключевые слова: социально-политическая ситуация; император Александр II; террористическая активность; Дворцовая городовая стража; охрана императора; Зимний дворец.

Формирование Дворцовой полиции, как, впрочем, и становление системы государственной охраны в Российской империи, стало ответной, защитной реакцией властей на трагические события, связанные с убийством Александра II 1 марта 1881 года [12: с. 7] и нарастающим революционно-террористическим движением в России.

В основе устройства Дворцовой полиции лежала учрежденная Александром II 8 декабря 1861 года специальная команда — полицейская городовая стража в количестве 30 человек для несения охранной службы вокруг императорского Зимнего дворца (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9).

Решение о создании нового охранного подразделения императором было принято далеко не сразу. Еще в 1860 году военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев направлял на высочайшее имя свои предложения «по принятию мер предосторожности по Главному караулу Зимнего Дворца» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9). Однако император оставил предложения генерал-губернатора без дальнейшего движения, и до времени они были отложены в сторону.

Вновь вернуться к вопросу об усилении охранительных мер по Зимнему дворцу подтолкнула исключительно сложная внутривластная обстановка, которая стала складываться с самого начала 1861 года.

Обнародованный 19 февраля 1861 года Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости и начало проведения реформ, связанных с урегулированием отношений между помещиками и крестьянами, вызвали волнения и беспорядки среди последних. «На первых порах в уме крестьянина не совмещалось дарование свободы с обязательными повинностями, установленными в пользу помещика впрямь до ликвидации земельных отношений. Местами распространилось

среди крестьян убеждение, что им читали «облыжный» манифест, что настоящая Царская грамота предоставляет им «чистую волю», со всею помещичьею землею без всяких повинностей», — описывались происходящие события в историческом очерке о деятельности Министерства внутренних дел в царской России [6: с. 120].

По данным III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, только в течение 1861 года в 1176 имениях произошли крестьянские волнения и беспорядки [7: с. 17]. Число волнений в 1861 году достигло цифры крестьянских выступлений за все предшествующие 35 лет [8: с. 126].

Начало 1861 года также ознаменовалось волнениями в крупнейших университетах Российской империи, в частности в Санкт-Петербургском, Казанском и Московском. Студенты 60-х годов XIX века являлись наиболее социально-активным слоем общества того времени. Они хотели и ждали политических реформ в России, но в том виде, в котором они проходили, они принять их не могли. Ярким примером тому является череда демонстраций, прокатившихся по российским университетам.

1 марта 1861 года большое число студентов Санкт-Петербургского университета участвовало в панихиде по полякам, погибшим в ходе разгона манифестации 13 февраля в Варшаве. Именно участие русских студентов сделало это мероприятие политически выраженным [3: с. 46]. 17 марта подобная панихида была проведена в Москве, во французской католической церкви, где с паперти студенты критиковали деятельность правительства в отношении польского вопроса.

17 апреля состоялась «Куртинская панихида» казанских студентов по расстрелянным 13 апреля 1861 года безоружным крестьянам в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии [3: с. 48–49].

Эти и другие демонстрации вызвали усиление административного давления на студентов, вылившееся в первую очередь в изменение правил набора в университеты, оплаты и прохождения обучения, которые были обнародованы и разосланы в учебные заведения 31 мая 1861 года [3: с. 55], перед самыми летними каникулами.

Университетские волнения с новой силой вспыхнули в сентябре. Борьба студенчества за свои права, за свободный доступ в университет вывела их на улицы. 25 сентября прошла крупная студенческая демонстрация в Петербурге. 27 сентября — в Московском университете, 5–7 октября начались волнения в Казанском и Харьковском университетах.

Протесты в той или иной форме продолжались весь октябрь, и только к началу ноября ситуацию со студенческими волнениями правительству удалось взять под контроль.

Таким образом, вопрос об усилении мер по охране Зимнего дворца во второй половине 1861 года являлся весьма насущным и безотлагательным. По повелению императора в начале декабря была созвана комиссия и проведено совещание, касающееся усиления мер предосторожности по Зимнему дворцу.

В совещании под председательством министра императорского двора, генерал-адъютанта графа Владимира Федоровича Адлерберга I¹, приняли участие военный министр, генерал-адъютант Дмитрий Алексеевич Милютин, начальник III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов Василий Андреевич Долгоруков, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор, генерал-адъютант граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский, а также командир и начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал от кавалерии Николай Федорович Плаутин и генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов соответственно.

К обсуждению на совещании были представлены предложения генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева «по принятию мер предосторожности по Главному караулу Зимнего Дворца», поданные им годом ранее, когда он еще занимал пост военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Он предлагал усилить охрану около Зимнего дворца путем выставления постов особых городских стражей от Санкт-Петербургской городской полиции.

Меры, предложенные генерал-адъютантом графом Игнатьевым, были признаны комиссией своевременными, но недостаточными. Комиссией были поддержаны его предложения о создании подразделения особой городской стражи из «отборных, благонадежных городских в чине унтер-офицеров из столичной полиции или уволенных из Гвардейских полков для создания особой команды по охранению порядка вокруг Зимнего дворца» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Помимо указанного вопроса на комиссии обсуждалась необходимость принятия дополнительных мер предосторожности по охране Зимнего дворца, положение с расстановкой внутренних постов от Гвардейского корпуса в ночное и дневное время, их действие в чрезвычайных ситуациях. Кроме того, рассматривались подготовка инструкций для постов от лейб-гвардейских подразделений, несущих охрану в Зимнем дворце, в том числе и для вновь создаваемой дворцовой городской стражи; установка гальванических звонков в качестве сигнализации на основных подъездах Зимнего дворца и рядом с помещением Главной гауптвахты, использование их в экстренных случаях; проблема дублирования сигнализации особыми посыльными со специальными знаками, подтверждающими их полномочия.

¹ РГИА. Ф. 1614. Историческая справка // Владимир Федорович Адлерберг I (1791–1884), участник войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. С 1823 г. — управляющий Канцелярией генерал-инспектора по инженерной части. С 1825 г. — помощник правителя дел Следственной комиссии по делу декабристов и флигель-адъютант. С 1828 г. — директор Канцелярии начальника Главного штаба, с 1832 года — начальник военно-походной е. и. в. канцелярии, член Военного совета. С 1842 г. — главноначальствующий над Почтовым департаментом. С 1852 по 1870 гг. — Министр императорского двора, член Государственного совета.

Александр Владимирович Адлерберг II (1818–1889), сын В.Ф. Адлерберга, генерал-адъютант (с 1855 г.), генерал от инфантерии (с 1869 г.), с 1861 г. — командующий Императорской Главной квартирой, одновременно с 1866 г. — член Военного совета, член Государственного совета и Комитета для рассмотрения военно-судных уставов. С 1870 по 1881 гг. — Министр императорского двора и уделов.

8 декабря 1861 года Министр императорского двора генерал-адъютант граф В.Ф. Адлерберг I вышел с всеподданнейшим докладом к Александру II по вопросу принятия ряда действий, направленных на охрану Зимнего дворца. В числе основных выработанных мер было предложено «возложить на вновь учрежденную команду городских стражей, что бы таковые денно и ночно наблюдали за входами в Зимний Дворец снаружи онаго, имея у каждого из 8-ми подъездов означенного Дворца... по одному дежурному стражу, что на три смены составит 24 человека, а 6 останутся в запасе на случай надобности по болезни или другим обстоятельствам» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 10).

Далее в докладе говорилось: «...стражам же вменить в обязанность, чтобы о всяком сборище, хотя бы и в незначительном числе людей, составляющемся близ Дворца и Эрмитажного здания или приближающемся к оным, они предлагали первоначально таковому сборищу разойтись, или удалиться; в случае же ослушания, немедленно бы уведомляли бы Коменданта и Заведывающего Зимним Дворцом, в случае же когда это сборище намеревается проникнуть во Дворец, — противиться сему с помощью патрулей, а если увидят, что не будут в силах воспрепятствовать вторжению сборища, немедленно давать знать о сем: прежде всего швейцару ближайшего подъезда, а затем одновременно Коменданту, Заведывающему Дворцом, Военному Генерал-Губернатору и Обер-Полицмейстеру» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 11). Меры эти удостоились высочайшего утверждения. На подлиннике всеподданнейшего доклада Министра императорского двора графа Адлерберга I рукой Александра II написано: «Высочайше повелено иметь 30 полицейских городских стражей» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9).

Результат этого высочайшего повеления был сообщен министром императорского двора 14 декабря того же года Санкт-петербургскому военному генерал-губернатору для его исполнения (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 90). Осознавая всю серьезность и ответственность обязанностей, возлагаемых на создаваемое подразделение, граф Суворов-Рымникский, вступивший в означенную должность двумя месяцами ранее, в октябре 1861 года, лично руководил подбором для данной команды людей. В предписаниях для Санкт-Петербургской столичной полиции он требовал «выбрать для сей цели людей испытанной нравственности, заслуженных, отборных и представить мне для осмотра» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 12). В итоге созданное подразделение было сформировано из лучших городских унтер-офицерского и фельдфебельского званий и околоточных надзирателей Санкт-Петербургской полиции.

Годовое содержание для каждого городского данного подразделения было установлено в размере 411 рублей 60 копеек. Надзор за соблюдением дисциплины и порядка во вновь созданном подразделении был возложен на заведывающего Зимним дворцом. В отношении служебных обязанностей полицейская городская стража была подчинена приставу 1-й Адмиралтейской части полковнику Йодко, причем его полномочия ограничивались только выставлением постовых нарядов и проверкой несения службы. О всяком изменении

в личном составе городской стражи, о наложении взысканий, представлении к наградам и пособиям указанные начальствующие лица были обязаны обращаться с письменными рапортами к Санкт-Петербургскому обер-полицеймейстеру.

Планировалось, что полицейская городская стража закроет вопросы, связанные с осуществлением надзора за соблюдением общественного порядка вокруг Зимнего дворца, будет круглосуточно осуществлять наблюдение за входами в резиденцию императора и нести наружную охрану. Охране подлежали восемь подъездов дворца: Его Императорского Величества, Государыни Императрицы, комендантский, министра императорского двора, Государственного совета, Комитета министров, Государя наследника цесаревича и главного эрмитажного (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 59).

Дополнительно к несению службы на постах у вышеуказанных подъездов Зимнего дворца наряды полицейской городской стражи стали выставляться при выездах императора во дворцы великих князей и принца Ольденбургского, а также во время прогулок Александра II в Летнем или Александровском садах.

Подобная практика выставления нарядов полицейской городской стражи в местах пребывания императорской особы, исходя из логики дальнейших событий, была признана положительной и получила свое дальнейшее развитие.

В начале 1862 года была вновь созвана комиссия, собиравшаяся несколькими месяцами ранее. Дополнительно к работе в комиссии был приглашен командующий Императорской главной квартирой генерал-адъютант граф Александр Владимирович Адлерберг II. На этот раз комиссия собралась с целью выработки дополнительных охранительных мер уже по Большому Царскосельскому дворцу, которые были утверждены 29 апреля и сформулированы в виде «Правил охранения наружного и внутреннего порядка по Большому Царскосельскому дворцу».

Правилами предписывалось: «...для усиления способов к охранению наружного порядка около большого Царскосельского Дворца, на время пребывания там Императорской Фамилии из числа 30 городских, находящихся ныне при Зимнем Дворце, переводить в Царское Село, каждый раз 21 человека» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 17). Было установлено в общей сложности шесть постов: пять стационарных и один пост обходный. Следует отметить, что в схеме расстановки постов полицейской городской стражи в Царском Селе, принимал непосредственное участие лично император Александр II (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. Л. 73–78). Одновременно с утверждением «Правил охранения наружного и внутреннего порядка по Большому Царскосельскому дворцу» последовало распоряжение императора о назначении флигель-адъютанта полковника А.М. Рылеева главным руководителем по наблюдению за точным выполнением этих правил, а также за соблюдением порядка во дворце.

При переезде высочайшего двора в Петергоф дворцовые городовые несли охранную службу около Петергофского дворца и в парках. Начальником над ними был также назначен А.М. Рылеев. Ему, впоследствии генерал-адъютанту, были подчинены не только откомандированная из Зимнего дворца полицейская городовая стража, но и весь находящийся в командировке в местах пребывания императора состав Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Данное подразделение было создано в мае 1866 года в недрах III отделения специально для охраны императора.

В августе 1862 года часть дворцовых городовых была командирована в Новгород, где 8 сентября Александр II с августейшей семьей открыл памятник «Тысячелетие Руси». На них был возложен надзор за входами, а также за соблюдением общественного порядка у здания, в котором останавливался император.

С 1862 года полицейские городовые стражи в обиходе начинают именоваться городовыми унтер-офицерами, а в переписке по Министерству императорского двора идет упоминание об «унтер-офицерах из полицейской команды, состоящих при Зимнем Дворце». В последующей переписке городовые стражи начинают постоянно упоминаться как городовые унтер-офицеры Дворцовой полицейской команды или Дворцовая полицейская охрана. Такое разнообразие в наименовании городовых стражей сохраняется вплоть до реорганизации подразделения в 1881 году (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 90 об.).

Из записки Министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга I от 20 апреля 1863 года (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 23) видно, что утвержденные императором в 1861–1862 годах правила охраны по Зимнему, Царско-сельскому и Петергофскому дворцам соблюдались впоследствии практически без изменений. В апреле 1869 года был добавлен девятый пост полицейской городской стражи у главного входа Зимнего дворца.

В начале декабря 1879 года, по указу императора, численный состав полицейской городской стражи был увеличен с 30 до 42 человек с одновременным увеличением денежного довольствия. Им было назначено содержание околоточных надзирателей Санкт-Петербургской полиции, т. е. по 550 рублей в год каждому (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 91).

Поводом, повлекшим увеличение штатной численности городской стражи, стала ситуация, связанная с ростом террористической активности в стране. С начала 1879 года террористические акты в отношении представителей власти, и в первую очередь в отношении императора, приобретают систематический характер.

2 апреля А.К. Соловьев практически в упор стрелял в Александра II около Зимнего дворца. Спланированы и подготовлены к исполнению три покушения на Александра II путем подрыва императорского поезда, одно из которых привело к крушению свитского поезда. Смертельно ранен Харьковский

губернатор, генерал-адъютант князь Д.Н. Кропоткин. Совершено покушение на жизнь начальника III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа жандармов, генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна, заменившего на этом посту генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева, погибшего от руки террориста годом ранее.

Тем не менее, исходя из последовательности происходящих событий, последним толчком, послужившим к увеличению штатной численности полицейской городской стражи Зимнего дворца практически в полтора раза, стала информация, полученная от Санкт-Петербургской полиции.

24 ноября 1879 года на конспиративной квартире был арестован член Исполнительного комитета «Народной воли» А.А. Квятковский. При обыске его квартиры был найден динамит и части взрывного устройства в разобранном состоянии, а также нарисованный от руки план Зимнего дворца, на котором царская столовая была помечена крестом [2: с. 261].

Внутренние правила безопасности во дворце были существенно пересмотрены. Все помещения, прилегающие к царской столовой сверху, снизу, с боков, подверглись осмотру и самому тщательному надзору.

Значительно был усилен пропускной режим. Свободный вход и выход дворцовой прислуги ограничились. Осмотру стали подвергать всех временных рабочих и прислугу, идущую во дворец. Все были обязаны постоянно иметь при себе выданный номерной значок в виде медной бляхи.

Была введена система внезапных дневных и ночных обысков, которые проводила дворцовая охрана. Однако, как хорошо известно из событий 5 января 1880 года, обыски должного результата не дали.

Следует отметить, что основным участником этих событий Степан Николаевич Халтурин (Батышков), работавший с сентября 1879 года во дворце столяром-лакировщиком, сумел сойтись с городовым из дворцовой стражи и расположить его к себе. Городовой жил в соседней комнате в том же подвальном помещении, где размещались столяры. В дополнение к основной службе, исходя из имеющихся источников, на него был возложен надзор за своими соседями. Отношения Халтурина с городовым складывались таким образом, что он видел в Халтурине потенциального жениха для своей дочери. Как отмечает в своей книге Г.Д. Нагаев: «Как-то в воскресенье вместе с жандармом и его дочкой ходил к обедне в Исаакиевский собор... Поход Батышкова с жандармом к обедне произвел впечатление на вахтеров, дежуривших у ворот, через которые ходила обслуга дворца. К Степану стали относиться, как к будущему зятю дворцового жандарма, и перестали его обыскивать, когда он возвращался один» [9: с. 281].

Исходя из вышесказанного, нельзя исключать, что обыски, проводимые городской стражей у проживающих во дворце служащих и временных рабочих, в отношении Халтурина могли быть формальными. Как лицо, обличенное доверием дворцового полицейского, Халтурина действительно могли

обыскивать поверхностно, о чем неоднократно упоминали в своих мемуарах участники тех событий.

5 января 1880 года в седьмом часу вечера резиденцию императора потряс сильный взрыв. Основной удар от взрыва 36 килограмм динамита [10: с. 82], заложенных Халтуриным в подвальном помещении, пришелся на помещение главной гауптвахты, которое размещалось под царской столовой.

В результате взрыва лейб-гвардейский Финляндский полк, находившийся в тот день в карауле, потерял убитыми десять человек, тридцать три получили ранения различной степени тяжести. В общей сложности вместе с дворцовой прислугой число погибших достигло 11 человек, раненых — 56 [1: с. 34].

Террористический акт наглядно продемонстрировал неудовлетворительность и недостаточность мер в организации охраны императора, принимаемых министерствами и ведомствами, на которые возложена ответственность за жизнь августейшей особы и его семьи. Взрыв со всей очевидностью показал, что император не может находиться в безопасности даже в такой, казалось бы, хорошо укрепленной и охраняемой резиденции, как Зимний дворец.

Произошедшие события показали, что недостаточными были в первую очередь меры, касающиеся проверки всего обслуживающего персонала, поступающего на постоянную или временную работу к императорскому двору, на причастность к террористическому либо революционному движению, а также на выявление лиц, им сочувствующих. Недостаточными оказались меры по осуществлению допуска на территорию Зимнего дворца и загородных императорских резиденций, а также отсутствие соответствующего наблюдения за помещениями дворца и надзора за дворцовой прислугой, проживающими во дворце служащими и временными рабочими.

Попытка покушения на императора 5 января 1880 года повлекла за собой масштабные организационные меры в сфере обеспечения безопасности в царских резиденциях. В марте 1880 года в структуре Зимнего дворца вводится новая должность «заведующий охраной Императорского Зимнего и загородных Дворцов». На нее назначается полковник Отдельного корпуса жандармов Михаил Иванович Федоров с предоставлением широких полномочий по организации мер безопасности в императорских резиденциях и в первую очередь в Зимнем дворце (РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 201). По должности он находился непосредственно в подчинении министра императорского двора и уделов.

В первую очередь он переподчинил себе фактически все охранные подразделения, в той или иной мере участвующие в обеспечении личной безопасности императора или резиденций.

В подчинение Федорову была передана Дворцовая городовая стража, а также чины Служительской команды, швейцаров и придворнослужителей во время несения ими караульной службы (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 8), а чуть позднее офицеры Служительской команды и дежурные офицеры от гвардейских войск (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 11).

Здесь следует отметить, что действия полковника Федорова по концентрации в одних руках управления подразделениями, осуществляющими охрану Зимнего дворца, наводят на мысль о том, что им была предпринята попытка создать некий единый орган охраны, который бы в комплексе решал задачи по обеспечению безопасности императора на подведомственных ему дворцовых территориях.

Он пересмотрел расстановку постов в Зимнем дворце и его окружении. Одни посты были упразднены, другие введены, а третьи усилены.

Проводилась более тщательная проверка на политическую благонадежность всей дворцовой прислуги. С целью исключения попадания посторонних на территорию императорских резиденций были изготовлены специальные карточки для всей вольнонаемной дворцовой прислуги с отметкой заведующего охраной полковника Федорова, которые давали право прохода на территорию резиденций.

Паспорта рабочих, идущих на работу во дворец или территорию резиденций, проверялись путем направления запросов по месту их выдачи в губерниях, а на самих рабочих собиралась информация по каналам Санкт-Петербургской полиции.

Подрядчик, выполнявший работу во дворцах, распиской ручался за политическую благонадежность своих работников. В каждом помещении, где велись работы, должен был находиться унтер-офицер от службы Федорова при двух дворцовых городских стражах.

К этому периоду времени, как отмечает историк И.В. Зимин, относится начало использования «внутренней агентуры» с целью контроля за политической благонадежностью прислуги и служащих в императорских дворцах [5: с. 417].

В мае 1880 года должность заведующего охраной императорских дворцов, занимаемая генерал-майором Федоровым, упраздняется. Взамен упраздненной должности была учреждена должность полицмейстера Зимнего дворца, на которую был назначен боевой, проявивший личную храбрость в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов войсковой офицер подполковник Константин Михайлович Струков (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 17).

На него были возложены обязанности по охране только Зимнего дворца. Данная замена может говорить об одном: акцент в организации охраны императорской резиденции был перенесен с оперативной на караульно-постовую составляющую.

Тем не менее правила, введенные Федоровым, исполнялись и при Струкове. Изменения коснулись подчиненности отдельных подразделений, принимавших участие в охране императорских дворцов.

Следует отметить, что для рассматриваемого периода характерна определенная коллегиальность в организации охраны без выраженного единоначалия в данной области. Решения по организации охраны принимались, как

правило, комиссией, состоящей из руководства заинтересованных ведомств и военных подразделений. Как упоминалось выше, у Дворцовой городской стражи было двойное подчинение. К тому же подразделения ведомств, принимающие участие в охране императора, обладали практически равными правами в решении вопросов охраны, отнесенных к компетенции данного ведомства. Так, в день гибели Александра II, 1 марта 1881 года, его сопровождали каждый в своих санях полицмейстер первого городского отделения полковник Дворжицкий, за ним начальник Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии капитан Кох и командир лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона ротмистр Кулебякин [11: с. 9]. Каждый из вышеперечисленных лиц командовал чинами подразделений, осуществлявших охрану царя: Секретного отделения канцелярии обер-полицмейстера столицы, Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и собственного Его Императорского Величества конвоя [4: с. 597].

Именно трагедия 1 марта 1881 года заставит серьезно пересмотреть этот порядок, обратиться к анализу ошибок и поиску адекватных угрозам мер противодействия.

В итоге в августе 1881 года, уже при императоре Александре III, начнется формирование Собственной Его Императорского Величества охраны, в основу которой будет положен принцип единоначалия, а Дворцовая городская стража составит костяк нового подразделения охраны — Дворцовой полиции.

Литература

1. *Бурцев В.Л.* Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906. 236 с.
2. *Волк С.С.* «Народная воля» и «Черный передел» // Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.
3. *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 140 с.
4. *Григорьев Б., Колоколов Б.* Повседневная жизнь российских жандармов. М.: 2007. 852 с.
5. *Зимин И.В.* Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2014. 718 с.
6. Министерство внутренних дел: Исторический очерк. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1902. 265 с.
7. *Мороховец Е.А.* Крестьянское движение 1827–1869 гг. М.: Соцэкгиз, 1931. 152 с.
8. *Мороховец Е.А.* Крестьянская реформа 1861 года. М.: Соцэкгиз, 1937. 16 с.
9. *Нагаев Г.Д.* Казнен неопознанным... (повесть о Степане Халтурине). М.: Политиздат, 1970. 368 с.
10. *Пелевин Ю.А.* Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С. 73–89.
11. Суд над цареубийцами: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший государь Император Александр Николаевич /

Заседание Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях. СПб., 1881. 260 с.

12. Цареубийство первого марта. С четырьмя планами и чертежами разрывного снаряда. СПб., 1881. 42 с.

Literatura

1. *Burcev V.L.* Process shestnadcziati terroristov (1880 g.). SPb.: 1906. 236 s.
2. *Volk S.S.* «Narodnaya volya» i «Cherny'j peredel» // *Vospominaniya uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg.* L.: Lenizdat, 1989. 415 s.
3. *Gessen S.* Studencheskoe dvizhenie v nachale shestidesyaty'x godov. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshhestva politkatorzhan i ssy'l'no-poselencev, 1932. 140 s.
4. *Grigor'ev B., Kolokolov B.* Povsednevnyaya zhizn' rossijskix zhandarmov. M.: 2007. 852 s.
5. *Zimin I.V.* Lyudi Zimnego dvorcza. Monarshie osoby', ix favority' i slugi. M.: Centropoligraf, 2014. 718 s.
6. *Ministerstvo vnutrennix del: Istoricheskij ocherk.* SPb.: Tipografiya Ministerstva Vnutrennix Del, 1902. 265 s.
7. *Moroxovecz E.A.* Krest'yanskoe dvizhenie 1827–1869 gg. M.: Soce'kgiz, 1931. 152 s.
8. *Moroxovecz E.A.* Krest'yanskaya reforma 1861 goda. M.: Soce'kgiz, 1937. 16 s.
9. *Nagaev G.D.* Kaznen neopoznanny'm... (povest' o Stepane Xalturine). M.: Politizdat, 1970. 368 s.
10. *Pelevin Yu.A.* Stepan Xalturin, «Narodnaya volya» i pokushenie na Aleksandra II v Zimmem dvorce // *Novy'j istoricheskij vestnik.* 2011. № 1 (27). S. 73–89.
11. *Sud nad czareubijczami: Delo o sovershennom 1 marta 1881 goda zlodexanii, zhertvoyu koego pal v Boze pochivshij gosudar' Imperator Aleksandr Nikolaevich / Zasedanie Osobogo prisutstviya Pravitel'stvuyushhego senata dlya suzhdeniya del o gosudarstvennyx prestupleniyax.* SPb., 1881. 260 s.
12. *Czareubijstvo pervogo marta. S chety'r'mya planami i chertezhami razry'vnogo snaryada.* SPb., 1881. 42 с.

O.V. Zhuravlyev

About the History of Foundation of the Palace Police: The Palace Policeman Guards. 1861–1881

The article is devoted to the history of the palace policeman guard: the special unit for guarding Emperor Alexander II. The problems, connected with the change in socio-political situation in tsarist Russia, the growth of revolutionary and terrorist activity and the measures taken for the protection of the Emperor and his residences are considered.

Keywords: socio-political situation; Emperor Alexander II; terrorist activity; palace policeman guard; protection of the Emperor; the Winter Palace.

М.А. Коломейцева

Развитие начального образования в среде аграрного населения юга России во второй половине XIX века (по материалам о крестьянстве Дона)

В статье рассматривается развитие начального образования в среде крестьянства Области войска Донского во второй половине XIX века. Исследуется организация начального крестьянского образования, система управления сферой образования, проблемы развития сельской школы. Рассмотрены основные виды учебных заведений на селе, положение сельских учителей, финансирование школы, содержание изучаемого материала. Приводятся статистические данные, отражающие динамику показателей, связанных с изучаемым вопросом. Показано, что развитие начального образования в крестьянской среде было медленным, уровень образования оставался низким.

Ключевые слова: система образования; начальное образование; аграрное население; крестьянство; сельская школа.

В доиндустриальной России образование оставалось сословным, малодоступным, традиционным. В период проведения буржуазных реформ второй половины XIX века вырабатывались основания для создания массовой школы, преодоления сословности образовательной системы, модернизации самого содержания, однако эти начинания были свернуты в период контрреформ. Особенно трудным было положение сельских школ, обеспечивавших нужды основной массы крестьянского населения.

Данное исследование посвящено изучению состояния начального образования в среде аграрного населения на материалах, посвященных крестьянству Дона. Хронологические рамки исследования — вторая половина XIX века — обусловлены важнейшими модернизационными процессами, происходившими в России и связанными со становлением индустриального общества. Обращение к вопросу развития народного образования представляется актуальным для изучения государственной социальной политики в прошлом и определения направления последующего развития образовательной системы. Положение сельской школы в системе образовательных учреждений и в настоящее время является одним из самых проблемных вопросов.

Область войска Донского — один из крупнейших казачьих регионов страны, что и определяло специфику его правовой, производственной и социальной организации. Общероссийские процессы второй половины XIX — начала

XX века охватывали и Донскую область, где в то же время имели свою специфику, объяснявшуюся особым статусом войска, сложившейся системой военного и гражданского управления и особенностями социальной структуры, верхушку которой по праву привилегированного военного сословия занимало казачество. Крестьянство Дона, освобожденное реформой 1861 года от крепостной зависимости, составляло к концу XIX века свыше 30 % населения — около 750 тысяч человек [5: с. 229–242; 6: с. 11, 56]. Положение аграрного населения оставалось тяжелым, наименее социально защищенным.

Развитие крестьянской школы шло медленно, значительно отставая от образовательной системы казаков. Это объяснялось и сословными ограничениями, и более низким жизненным уровнем крестьян, и тем, что Войсковая администрация вполне оправданно основное внимание уделяла казачеству, финансируя образование, в то время как вплоть до введения земства на Дону в 1876 году сельские школы открывались, обустроивались и содержались полностью на счет того или иного сельского общества.

До введения земства основными учебными заведениями в крестьянских волостях и слободах были приходские и сельские школы, открываемые на средства общества. Школ не хватало; помимо этого по причине постоянной занятости на домашних и полевых работах далеко не все дети могли посещать уроки. Но самым главным препятствием к развитию образования являлось бедственное положение крестьянских общин: из-за возникающего дефицита средства то или иное общество вынуждено было приостанавливать работу школы или вовсе ее прекращать.

Результатом земской реформы стало открытие земских школ — крестьянских и казачьих. Капитал на развитие образования составлялся из земских сборов, т. е., как подчеркивалось в одном из отчетов, «школы, почту и медицину содержат землевладельцы, крестьяне, войско и казаки...» [7: с. 4]. Общий низкий материальный уровень населения не мог стать основанием для широкого развертывания образовательной программы. И если казачьи учебные заведения, кроме того, получали финансирование от правительства и Войсковой администрации, то крестьянские в основном содержались на средства обществ и земства.

Структура ведомств, занятых в управлении образованием, была довольно громоздкой. За общим состоянием школ, их инспектированием следил Директор народных училищ. Под его началом действовали окружные училищные советы и инспектора народных училищ по округам. Эта цепочка должностных лиц представляла Министерство просвещения. Областной распорядительный комитет по земским делам выполнял финансовое распределение, рассматривал вопросы об открытии и закрытии учебных заведений. На местах действовали окружные комитеты. Областное и окружные присутствия по крестьянским делам осуществляли контроль за развитием крестьянских обществ в целом. Общее руководство осуществляла Войсковая администрация, подчиненная Военному ведомству

(Главному правлению иррегулярных войск). Все более или менее значимые вопросы решались через войсковое правление, и далее — Военное ведомство, в том числе открытие учебных заведений, финансовые вопросы.

Финансирование образования основывалось на сметах расходов, утверждаемых на трехлетие. Земские средства тратились на оплату жалованья учителям, канцелярские расходы и закупку книг и прочих пособий. Из земских сумм поддерживались наилучшие учащиеся, осуществлялась выплата единовременных пособий для особых нужд. Расход на образование мог варьироваться, что зависело прежде всего от числа учебных заведений в той или иной местности, — от 8000 до 14 000 рублей (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 17, 69 об., 90 об., 94 об.).

Сложившаяся система финансирования имела ряд недостатков: наличие жестко ограниченной сметы приводило к тому, что все возникающие дополнительные или чрезвычайные расходы, в том числе на содержание вновь открываемых учебных заведений, не могли быть приняты вне сметы. Любые перераспределения средств проходили длительное согласование. Имелся и еще один нюанс: все население округа (станции, волости) в равной степени участвовало в отправлении земских повинностей, однако новые объекты открывались далеко не повсеместно, что приводило к росту недовольства подобным распределением.

Земство не финансировало открытие сельских школ. Для создания школы общество того или иного села или волости должно было выстроить или отвести из числа общественных здание, обеспечить жилье для учителя, приобрести на собственные средства мебель, нанять сторожа. Кроме того, общество брало на свой счет отопление, освещение и текущий ремонт здания. Очевидно, что открытие такого рода школ было доступно далеко не всем обществам. Довольно распространенными были случаи, когда, проработав несколько лет, школа закрывалась.

Согласование по открытию школы вследствие бюрократизации было процессом длительным и крючкотворным. Даже признавая острую необходимость открытия того или иного учебного заведения, администрация давала согласие только после того, как общество поселка выполнило все предъявляемые требования (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 45, 52, 56, 82).

По описаниям из источников, одна из наиболее благоустроенных школ представляла собой «дом, построенный на площади вблизи церкви, из разного леса, мерою в длину 21 аршин, в ширину — 7 аршин, в вышину — 3 $\frac{3}{4}$ аршина; имеющий 4 комнаты, из которых одна — передняя, крытые жостью, — вполне удовлетворительные для помещения училища и учителя. В доме... находится 7 ученических столов со скамьями на 25 учащихся; шкаф для библиотеки и классная доска — все это в хорошем виде» (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 82, 82 об.). Такие благоустроенные школы были редкостью.

Не все общества были в состоянии нести самостоятельно подобные расходы. Крестьянские общества регулярно подавали прошения об открытии

народных училищ за счет казны, так как не могли содержать школу на свои средства в связи с тем, что «несколько лет подряд неудовлетворительные урожаи хлеба... и за неимением других доходных источников» [4: с. 472–473].

Одной из главных проблем оставался дефицит квалифицированных специалистов. Учителями, как правило, были выходцы из мещан, отставные военные, духовные лица или грамотные крестьяне, окончившие курс в окружном училище или семинарии, нередко занимавшие должности писарей в сельской администрации. Отмечались случаи, когда крестьяне-самоучки наставляли детей частным порядком. Среди учителей были и женщины-вдовы, девицы, реже — замужние женщины. Положение учителей оставалось тяжелым. Жалованье учителю выплачивалось из земских сумм, а также от сельских обществ, и было крайне небольшим. Вопрос о низкой материальной обеспеченности учителей неоднократно поднимался на самых разных уровнях. Частыми были ситуации перебоев с выплатой жалованья или жалобы на его недостаточность (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 18, 20, 20 об., 21, 22, 77, 93–96, 107).

Основными предметами в школах были Закон Божий, первые четыре правила арифметики, чтение и чистописание, церковное пение. Обеспечение учебной литературой было слабым, чаще всего приходилось приобретать книги самостоятельно, что приводило к разному изучаемому материалу. По линии училищных советов и земств предпринимались попытки наладить систематические закупки учебников. На выделяемые кредиты закупались книги, часть которых раздавалась бедным ученикам, по усмотрению учителей, бесплатно, а остальные продавались, и вырученные деньги поступали в земскую кассу. Бюрократизация и недостаток средств не позволили развить данное начинание.

Отсутствие государственной поддержки делало образовательную систему уязвимой для внешнего воздействия, в том числе произвола местной администрации. В архивах нашли отражение документы о негативном влиянии местной администрации на школу постоянным вмешательством в образовательный процесс [4: с. 472–473]. Так, в рапорте окружного инженера начальнику юго-восточного горного управления о неограниченном вмешательстве в жизнь школ владельцев предприятий (1908 г.) указывалось, что «вмешательство в жизнь школы самого владельца или же директоров и управляющих этими предприятиями достигает чрезвычайного значения, начинаясь настоятельством перед инспекцией народных училищ назначить ту или другую учительницу... и кончая требованием удаления от должности того или другого лица из учительского персонала под угрозой, в противном случае, прекратить выдачу средств на содержание школы... Никаким законоположением существование вышеназванных школ не охраняется... Самое открытие школы на указанных предприятиях является делом личного вкуса и желания владельца предприятия...» [4: с. 475].

Сворачивание либеральных начинаний в последней трети XIX века привело, в частности, к существенному ухудшению условий функционирования учебных учреждений. Особенно усилилась реакция в 1880–1890-х годах.

Министерство народного просвещения уделяло особое внимание борьбе с «тлетворными и пагубными» влияниями, подразумевая распространение революционных идей (ГАРО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 148. Л. 4). Школа находилась под постоянным контролем государства. В архивах сохранились дела, составленные из сведений, характеристик, проверочных листов претендентов на учительские должности, проверки осуществлялись полицейским ведомством. Одобрительная характеристика была сформулирована следующим образом: «нравственно и политически благонадежен» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2424. Л. 4–67).

Между тем просвещение и образование народонаселения являлось одной из важнейших задач модернизации. Необходимость разработки государственной образовательной программы, защищавшей школу, обеспечивавшей ее полноценное функционирование, могла бы стать альтернативной радикальным идеям, распространявшимся в народной среде. И это понимали наиболее просвещенные представители общества. Активно в дело развития просвещения включалась прогрессивно настроенная интеллигенция, местные меценаты, неравнодушные к делу народного образования люди. Важную роль в развитии образования играло священничество, местные профессиональные объединения. Так, в 1886 году начало свою работу в городе Новочеркаске Донское общество сельского хозяйства, которое вело активную деятельность, направленную на развитие сельскохозяйственных знаний на Дону. Общество ходатайствовало об открытии «сельскохозяйственных школ с опытными фермами при них», организации сельскохозяйственных курсов и т. д. [2: с. 32].

В начале XX века на Дону действовали местные сельскохозяйственные комитеты, ставившие своей целью улучшение сельского хозяйства и жизни аграрного населения. В своих заседаниях члены комитетов подчеркивали «безусловную необходимость народного образования и повышения общего уровня умственного развития населения», указывали, что «во главе общих мероприятий надо поставить дело народного образования, которое составляет основу всякого прогресса...». Грамотность открывала путь к усвоению производственных, и даже правовых знаний: «...одними карательными мерами, — указывалось в выступлениях комитетов, — не достичь цели в борьбе с посягательствами неразвитого населения на чужую собственность, и что самым надежным “забором” является в этом деле школа» [1: с. 33]. Принципами совершенно новой системы образования должны были стать всеобщее обучение и его бесплатная основа; также предлагалось устройство воскресных курсов для взрослых по сельскохозяйственным вопросам, вечерних классов, народных чтений, бесплатных библиотек-читален. Предусматривалось «свободное предоставление частным лицам права открытий народных школ ввиду недостатка на это средств у наших станичных и крестьянских обществ» [1: с. 33–34]. Однако усилий энтузиастов и отдельных обществ или лиц было недостаточно для создания действенной структуры образования на ее средней и особенно низшей ступени.

Нужда в образовании была высокой. Крестьянские общества сами ходатайствовали об открытии новых учебных заведений, причем не только там, где их не было, но и в местностях, где учебные заведения уже имелись, но не могли охватить всех детей (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 62, 62 об., 63–64). Многие крестьяне самостоятельно осваивали грамоту и арифметику, наиболее состоятельные стремились дать своим детям полноценное образование. Выходцы из зажиточных семей получали образование в средних учебных заведениях. По договоренности обществ крестьянские дети могли проходить обучение и в других казачьих учебных заведениях, ремесленных училищах (ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 156. Л. 40 об.). В сельской местности создавались для нужд просвещения библиотеки, избы-читальни, число которых за недостаточностью средств росло крайне медленно. Больше становилось и книжных магазинов: в 1915 году в Донской области их насчитывалось более 60 [3: с. 229].

Но для большинства крестьянства образование оставалось недоступным из-за общего низкого материального уровня жизни народа. Бедственное положение основной массы крестьянства, уровень доходов которого был на грани нищеты, а в случае неурожаев — уходил в отрицательное значение, моделировало ситуацию, когда образование детей отступало на задний план, так как вносить плату на содержание школы и за обучение детей возможности не было. Едва выучившись писать и читать, крестьянская молодежь погружалась в тяжелый и беспросветный труд. Ухудшающееся положение основной массы производителей в связи с ростом недоимок по налогам, сокращением земельных площадей, поляризацией крестьянства привело к тому, что в основной массе крестьянское население оставалось чуждым просвещению. Из-за недостаточности средств многие крестьянские школы закрывались.

В целом уровень грамотности населения Дона во второй половине XIX и даже в начале XX века, как и повсеместно в России, оставался крайне низким. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, он составил всего 19 % [6: с. 56]. Причем львиную долю в образовательном процессе составляло просвещение представителей войскового сословия (в среднем 70–80 %). Грамотность мужчин была выше, чем грамотность женщин, — 32 % и 8 % соответственно [6: с. 56], что объяснялось глубоким укоренением патриархально-родовых предрассудков донского и российского общества в целом. По данным школьной переписи 1911 года, около 70 % детей на Дону оставалось вне школы. Большую часть средств на народное образование составляли городские, земские и прочие сборы с населения, а также из сумм частных пожертвований и платы за обучение. В 1916 году государственные ассигнования на школы области составляли лишь 57 % [4: с. 459]. Между тем связь между прогрессивным развитием общества и уровнем его просвещения является очевидной и неоспоримой.

В заключение отметим, что правительственная политика в области образования среди крестьянского населения на Дону оставалась малоэффективной.

Вместе с тем в условиях нарастания социального кризиса в России, разразившегося в конце XIX – начале XX века, широкое развитие просвещения могло стать реальной альтернативой распространению радикальных идей, ибо еще в 1803 году в Указе императора Александра I отмечалась огромная роль школьных заведений: «...имеющих возвысить в нынешнее и утвердить на предбудущее время благосостояние и основу Отечества» [8: с. 140]. Однако и к концу XIX века в силу господства традиционных отношений на Дону образование для массы крестьянства оставалось малодоступным.

Литература

1. Греков А.М. Нужды Дона. Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник Области Войска Донского статистического комитета. Вып. 5. Новочеркасск, 1905. 148 с.
2. Исторический очерк о жизни и деятельности Донского общества сельского хозяйства за 25 лет: 18 января 1889 г. – 18 января 1914 г. Новочеркасск, 1914. 49 с.
3. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / под ред. А.М. Анфимова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 258 с.
4. Наш край. Документы по истории Донской области. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство, 1963. 576 с.
5. Памятная книжка Области войска Донского на 1892 год. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892. 347 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 12: Область Войска Донского. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 255 с.
7. По земскому вопросу // Донские областные ведомости. 1880. № 82 (18 октября).
8. Попов Х.И. Материалы по истории народного Просвещения на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 5. Новочеркасск, 1905. 148 с.

Literatura

1. Grekov A.M. Nuzhdy' Dona. Istoricheskij ocherk o zhizni i deyatel'nosti Donskogo obshhestva sel'skogo hozyajstva v trudax mestny'x sel'skoxozyajstvenny'x komitetov // Sbornik Oblasti Vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Vy'p. 5. Novoherkassk, 1905. 148 s.
2. Istoricheskij ocherk o zhizni i deyatel'nosti Donskogo obshhestva sel'skogo hozyajstva za 25 let: 18 yanvary 1889 g. – 18 yanvary 1914 g. Novoherkassk, 1914. 49 s.
3. Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma / pod red. A.M. Anfimova. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 1991. 258 s.
4. Nash kraj. Dokumenty' po istorii Donskoj oblasti. Rostov n/D.: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 576 s.
5. Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1892 god. Novoherkassk: Oblastnaya vojska Donskogo tipografiya, 1892. 347 s.
6. Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii. 1897 g. / pod red. N.A. Trojniczkogo. T. 12: Oblast' Vojska Donskogo. SPb.: Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del, 1905. 255 s.

7. По земскому вопросу // Донские областны'е ведомости. 1880. № 82 (18 октыабрыя).
8. Попов Х.И. Материалы' по истории народного Просвешheniya на Donu // Sbornik Oblasti vojska Donskogo statisticheskogo komiteta. Вы'п. 5. Novocherkassk, 1905. 148 s.

M.A. Kolomeytseva

**Development of Primary Education among the Agrarian Population
of the South of Russia at the Second Half of the XIX century
(on Materials about the Peasantry of the Don)**

In the article the development of primary education among the peasantry of the areas of the Don Army at the second half of the XIX century is considered. The organization of primary peasant education, the system of management of the sphere of education, problems of development of rural school is investigated. Main types of educational institutions in the village, position of rural teachers, financing of school, the content of the studied material are considered. The statistical data reflecting dynamics of the indicators connected with the studied question are provided. It is shown that development of primary education in the peasant environment was slow, education level among peasants remained low.

Keywords: system of education; primary education; agrarian population; peasantry; rural school.

О.Г. Малышева

Первые выборы в парламент Российской империи в Москве и Санкт-Петербурге

В статье анализируются особенности организации, проведения и итоги избирательных кампаний в две первые Государственные думы Российской империи в Санкт-Петербурге и Москве. Рассмотрены расстановка политических сил в ходе выборов, некоторые вопросы организационной работы, предшествующей им.

Ключевые слова: Государственная дума; выборы; избиратели, политические партии.

В условиях становления и развития политической системы в современной России выборы в представительные органы разного уровня стали обычной практикой. Определена периодичность выборов, единые дни голосования, отработаны многие процедурные вопросы. А ведь всего 110 лет назад российское общество впервые столкнулось с избирательной практикой, а часть российских граждан получила право избирать и быть избранными в нижнюю палату российского парламента — Государственную думу.

Зарождение Думы совпало с глубоким кризисом, охватившим все стороны жизни страны: шла первая русская революция 1905–1907 годов. Это не могло пройти бесследно и для избирательного законодательства, и предвыборных кампаний, и состава первых двух Дум. Не вдаваясь в особенности избирательного законодательства по выборам в начале XX века, ограничимся самыми общими его оценками. Оно было, по мнению исследователей, одним из самых сложных и запутанных в мире. Признавали это и современники: «Это самая сложная система, которая когда-либо существовала» [1: с. 6], отмечали «крайнее несовершенство нашей выборной системы» [3: с. 2], считали, что «современник не может достаточно оценить все правовое и социальное несовершенство этого избирательного порядка» [4: с. 55]. Но, пожалуй, наиболее точную оценку дал Ф. Мускатблит: «Применяемая в России система выборов является одной из самых уродливых. В полной гармонии с нею находились и те общие условия, в которых она осуществлялась» [8: с. 23].

Внутреннюю ситуацию, в которой разворачивалась первая избирательная кампания, можно назвать чрезвычайной. К началу работы I Думы в 82-х из 87-ми губерниях и областях Российской империи было объявлено военное положение и введена усиленная или чрезвычайная охрана. Собрания и митинги

практически по всей стране были запрещены, предвыборные собрания разрешились с огромным трудом и проходили под контролем полиции [6: с. 5–6].

Еще одно обстоятельство серьезно осложняло выборы: в стране напрочь отсутствовали демократические традиции по участию общества в формировании высших органов власти, а также участию в политических партиях, союзах, избирательных объединениях [7: с. 11]. Для российского избирателя первые выборы стали серьезным испытанием. И если в крупных городах население имело хотя бы приблизительные представления о партиях, включившихся в предвыборную гонку, то провинция представляла собой нечто неопределенное, бесформенное и туманное, хотя при этом и весьма оппозиционное. Провинциальные жители крайне мало знали о политических партиях, процесс формирования которых не был завершен. Они руководствовались скорей соображениями, касающимися личных качеств кандидатов, чем программами тех партий, к которым они принадлежали. В этом смысле провинциальные выборы, давшие подавляющее большинство депутатов Думы, были, скорее, личные, а не партийные.

Важно помнить, что после Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором в том числе содержалось обещание политических свобод, страна переживала взрыв многопартийности. Общество, десятилетиями жившее «с кляпом во рту», получило возможность через политические объединения разного свойства начать борьбу за реализацию своих программных устремлений. Число партий, объединений, партийных групп, союзов, кружков избирателей и т. п. стремительно росло. Разобраться в их партийных программах, заявлениях, предвыборных обещаниях было не под силу даже опытному политику, а что уж говорить о малограмотном, а порой и вовсе неграмотном российском избирателе [5: с. 16–17].

На основании губернаторских отчетов о ходе выборов в первую Государственную думу в 54-х губерниях и областях Российской империи, сосредоточенных в материалах комиссии по выборам под председательством графа В.А. Дмитриева-Мамонова, видно, что за голоса избирателей боролась 141 политическая партия, общественное объединение и избирательный комитет. Оговоримся, что такое количество организаций, принимавших участие в выборах, было суммарным по стране, в целом в каждой губернии и области за голоса избирателей боролись от двух до шести партий и объединений. Но и этого было больше, чем достаточно [5: с. 19].

Выборы в столичных городах — Санкт-Петербурге и Москве существенно отличались от выборов в провинции. Помимо того, что это были два мегаполиса, в которых проживало свыше миллиона человек в каждом, они имели особое значение для политической и экономической жизни страны в целом. Как метко подметил один из современников зарождения российского парламентаризма в начале XX века, причина заключалась в том, что в России два центра государства: «Москва — экономический и Петербург — политический, чему

мы обязаны Великому Петру» [2: с. 3]. При этом четко просматривался характер Петербурга как чиновничьей столицы, Москвы — как экономического центра, тесно связанного с российской провинцией. Это привело к различиям в организации и проведении избирательных кампаний в этих городах.

В чиновничьем Петербурге разрабатывались все избирательные законы, правила проведения выборов, многочисленные разъяснения по то и дело возникающим в ходе выборов вопросам. По этой причине в Петербургскую городскую управу, которая отвечала за организацию выборов в Северной столице, полетели многочисленные обращения из Москвы, Киева, Харькова, Пскова и других городов с просьбой разъяснить порядок выборов. Авторы обращений мотивировали это тем, что «она ближе, чем все другие общественные учреждения России, стоит к центральной власти, желающей создать для выборов определенное русло» [9: с. 3].

В соответствии с правилами выборы в обеих столицах проводились в два этапа. На первом горожане выбирали 160 выборщиков в городское избирательное собрание, на втором — выборщики голосовали за кандидатов в Думу от Санкт-Петербурга и Москвы (6 и 4 депутата соответственно). К городским выборщикам должны были присоединиться представители рабочей курии. И если рабочие Москвы воспользовались правом послать своего представителя в I Думу, для чего избрали 18 своих выборщиков в городское избирательное собрание, то пролетариат Петербурга поддержал призыв большевиков о бойкоте Государственной думы.

Более 200 заводов Петербурга отказались послать уполномоченных из своей среды на съезд для избрания выборщиков от рабочих. В результате в работе съезда участвовало только 117 уполномоченных. Сами выборы, по словам очевидца, носили беспорядочный характер, обнаруживший полную дезорганизованность. Явившиеся на съезд не знали, кого выбирать в выборщики. Рабочие так мало знали друг друга, что попросили у председательствовавшего городского головы разрешения «предложенным записками кандидатам стать у своих ящиков. Избиратель, прежде чем опустить шар, пристально вглядывался в лицо стоявшего у ящика кандидата, и потом уже опускал свой шар» [9: с. 43]. Так и голосовали, что называется, «вприглядку». Во второй избирательной кампании рабочие Северной столицы откажутся от бойкота и примут в ней участие, однако, как и в первом случае, провести своего представителя в Думу не смогут.

Обратимся к вопросу о том, какие политические партии избрали для реализации своих программных установок и проведения в Думу депутатов столичные города. В Москве в предвыборной борьбе в первую Думу участвовали Конституционно-демократическая партия (второе название Партия народной свободы), блок «Союза 17 октября» и Торгово-промышленной партии, Союз монархических организаций. На этих выборах абсолютную победу одержала кадетская партия: были избраны три члена партии и один представитель от рабочих, которого кадеты поддержали.

На вторых выборах партийная картина в Москве изменилась. Боролись уже четыре крупные политические организации: блок монархических организаций от имени Московской областной управы Объединенного русского народа; «Союз 17 октября»; Партия народной свободы (конституционно-демократическая) и левый блок, объединивший в себе сторонников Российской социал-демократической рабочей партии, Партии социалистов-революционеров, Всероссийского избирательного трудового союза (в него вошли: Трудовая парламентская группа, Всероссийский железнодорожный союз, Всероссийский почтово-телеграфный союз, Всероссийский учительский союз, Всероссийский союз медицинского персонала), московской группы Народно-социалистической партии. И снова кадеты оказались абсолютными победителями: все избранные депутаты в Думу были представителями этой партии.

По результатам партийной борьбы в Петербурге победителями в предвыборном марафоне также стали кадеты: все шесть мандатов на первых выборах получили представители партии кадетов, на вторых — шесть из семи.

Сокрушительное поражение на выборах в обеих столицах потерпели правые партии и союзы: в целом они получили 5 % на первых выборах и чуть больше на вторых.

Существенные различия были и в организационной работе по подготовке выборов. Учет населения в столицах проводился от случая к случаю, и, когда встал вопрос, сколько городских жителей могут претендовать на статус избирателя в Думу, столичные власти городов не готовы были дать исчерпывающий ответ на него. Городские управы, которым поручено было составить списки избирателей, решали вопрос по-разному.

Петербургжцы, стремясь упростить и удешевить процедуру составления списков избирателей, наняли для этой работы так называемые артели, которые отнеслись к своим обязанностям весьма халатно.

В результате значительная часть избирателей не могла принять участия в выборах, так как не получила именные объявления, дающие право участия в голосовании. Причина в том, что артели, разносившие пакеты, из 143 227 пакетов 24 715 возвратили в Городскую управу с различными отметками: «не значится», «выбыл», «не проживает». Небрежность в доставке ценных для избирателей пакетов превзошла всякие пределы, вызвала массу жалоб. Достаточно сказать, что отметки «Не проживает» делались на конвертах таких адресатов, которые жили по указанному в адресе дому около 20, 30 и даже 40 лет. Свидетельством вопиющей халатности стало то, что не получили пакетов с названными документами городской голова Н.А. Резцов и товарищ городского головы Д.И. Демкин [9: с. 12]. Они вынуждены были восстанавливать свои права на общих основаниях. Такого рода действия артелей могли бы подлежать уголовному суду, но Петербургская дума отнеслась к ним весьма снисходительно и даже отказалась от взывания штрафа, наложенного городской управою на основании заключенного с ними договора, за преступно небрежную доставку документов, имеющих столь серьезное значение [9: с. 12].

В отличие от своих коллег Московская городская управа поручила эту трудоемкую работу своему Статистическому отделу. Составление списков потенциальных избирателей, проверка их статуса, информирование их о времени и месте предстоящих выборов были проведены на высоком уровне. На выборах в первые две Думы сотрудники Статистического отдела работали буквально не покладая рук: в две смены днем, вечером, а также в праздничные дни. В конечном счете это сказалось на явке избирателей в день выборов, которая была существенно выше, чем в Северной столице.

Серьезно повлиять на исход выборов могла партийная печать и предвыборные собрания. Что касается последних, то правительство, всерьез обеспокоенное «политической физиономией будущей Думы», сделало все, чтобы максимально ограничить возможность их проведения для оппозиции (прежде всего кадетов). Так, в соответствии с законодательством в Петербурге в преимущественном положении оказались зарегистрированные партии. Таким образом, в Петербурге могли легально участвовать в предвыборной борьбе Партия мирного обновления, «Союз 17 октября», Партия правового порядка, Союз русского народа, Русское собрание и некоторые другие из примыкающих к правым и составляющих центр.

Схожая картина складывалась и в Москве. На законных основаниях участвовали в предвыборной борьбе легализованные Союз 17 октября, Всенародный русский союз, Кружок дворян, Союз русских людей, Общество русских патриотов, учрежденное в память Всемилодивейшего манифеста 17 октября 1905 года, Русское монархическое собрание, Аксаковское литературное и политическое общество и Союз старообрядцев. Остальные существовавшие в Москве политические организации, в том числе Конституционно-демократическая партия, легализованы не были. Это делало их заведомо неравноправными участниками предвыборной гонки.

Легализованные партии свободно вели агитационную деятельность на страницах своих изданий. Периодическим изданиям нелегализованных партий власть объявила настоящую войну. Так, закрылись следующие кадетские издания: в Петербурге — выходившие под редакцией Милюкова и Гессена «Свободный народ» и «Народная свобода», в Москве в разгар предвыборной кампании была приостановлена «Жизнь и свобода». Однако репрессии утроили энергию кадетов в предвыборной борьбе. Даже официальное издание «Русское государство» оказалось вынужденным «отдать справедливость партии кадетов: она вела выборную игру с большой точностью и расчетом. Теми или другими способами, но шансы свои на выигрыш она значительно увеличила, и уверенность ее в нем настолько же тверда, насколько нерушима чуть не клятва рекомендуемых выборщиков голосовать именно за тех будущих членов Думы, которые намечены и объявлены во всеобщее сведение партией. Такой дисциплины, такой сплоченности, а главное, энергии и своего рода талантливости нет у ее соперников, что, конечно, в значительной доле

должно быть отнесено насчет явной несостоятельности отстаиваемого ими дела» [8: с. 18].

Наступил решающий день — день выборов. В силу существовавших правил выборы проводились не в один день по стране, а по мере готовности к ним того или иного региона. В столичных городах первыми голосовали жители Северной столицы. Там выборщиков избирали 20 марта 1906 года. Накануне все прогрессивные газеты («Наша жизнь», «Народная газета», «Речь», «Русь») напечатали призыв к избирателям отдать голоса за кадетов. Участвовало в выборах около 46 % избирателей (от числа разосланных повесток). Кадетская партия получила во всех участках абсолютное большинство голосов (от 54 до 65 %), правые и черносотенные — от 5 до 6 %. [8: с. 43]. На первом этапе в выборах приняло участие около 50 % городских избирателей. На втором этапе 14 апреля Городским избирательным собранием депутатами Государственной думы были избраны кадеты Н.И. Кареев, В.Д. Набоков, Е.И. Кедрин, Л.И. Петражицкий, М.М. Винавер, М.И. Петрункевич.

После выборов в Петербурге все взоры обратились к Москве. Надо заметить, что в течение шести дней, прошедших с выборов в Северной столице, у москвичей было время на размышление. Выборы в Москве состоялись 26 марта 1906 года. Выяснилось, что вторая столица отнеслась к выборам с должным вниманием: с раннего утра к избирательным бюро потянулись вереницы избирателей. К открытию избирательных участков на улице уже стояли длинные очереди. В ряде районов, где полиция придерживалась политики невмешательства, на улицах непосредственно вблизи от избирательных участков продолжалась активная агитация. Воззвания сыпались дождем.

На Садовой, Пресне и в других местах члены Партии народной свободы раздавали «Русские ведомости» и «Путь», несмотря на то, что блок «Союза 17 октября», Торгово-промышленной партии и Партии правового порядка, с целью не допустить в среду избирателей воззваний кадетов, скупил 20 000 розничных номеров кадетских «Русских ведомостей» и все номера «Пути». Днем «Русские ведомости» вышли вторым изданием [8: с. 51]. Кадеты в этом смысле продемонстрировали высокую организованность и мобильность. В Москве ими были апробированы особые приемы борьбы за голоса избирателей. Так, в Рогожской части местным комитетом партии были наняты специальные лихачи, снабженные зелеными лентами с надписью «Партия народной свободы», подвозившие избирателей к помещению избирательной комиссии. В Яузской части для этой цели служил автомобиль.

Избирательная активность москвичей оказалась на четверть выше, чем в Северной столице и составила 74 %. В Москве при избрании выборщиков кадеты также одержали абсолютную победу. Провалились такие столпы от блока октябристов и Торгово-промышленной партии, как крупный предприниматель, общественный деятель, один из руководителей партии октябристов А.И. Гучков, видный земский деятель, лидер октябристов Д.Н. Шипов,

предприниматель, банкир, лидер Торгово-промышленной партии Г.А. Крестовников, известный адвокат Ф.Н. Плевако и др. Второй блок «Всероссийский русский союз» едва собрал 3 %. (В том числе редактор «Московских ведомостей» Грингмут получил один голос, редактор «Кремля» Илловайский был провален) [8: с. 52].

Подведем итоги. Выборы в столичных городах имели существенные отличия от остальных регионов Российской империи. В первую очередь потому, что это были города-мегаполисы. Кроме того, Петербург для подавляющего большинства политических партий являлся штаб-квартирой, что накладывало на ход избирательной кампании особый отпечаток.

Второе. Абсолютное большинство выборщиков (до 4/5) в столицах составляли представители материально обеспеченных слоев, что, несомненно, определяло состав городских избирательных собраний, непосредственно голосовавших за кандидатуры депутатов в Государственную думу.

На выборах в первые две Государственные думы Партия конституционных демократов (Партия народной свободы), несмотря на мощный административный прессинг, оставалась абсолютным лидером в борьбе за голоса избирателей. И в первую, и во вторую думы в Петербурге и Москве победили представители партии. Властям потребовалось поменять избирательный закон, чтобы переломить сложившуюся ситуацию. Оговоримся, что победа кадетов на этих выборах была обусловлена не только грамотной организацией ими предвыборной тактики, но и оппозиционными настроениями избирателей, которые только в Партии народной свободы видели реальную силу, способную противостоять правительственной политике.

Минуло более столетия. Изменилась страна, избирательные законы, избирательная система, другие информационные возможности при освещении предвыборной борьбы, многочисленные политические партии сегодня активно борются за голоса российских избирателей, преследуя все ту же цель: добиться полноценного партийного представительства в нижней палате российского парламента. Однако и сегодня избиратели, отдавая свои голоса за ту или иную политическую партию, того или иного кандидата, связывают свои надежды с реальными улучшениями в жизни как страны в целом, так и собственными. Тем важнее учитывать первый избирательный опыт наших предшественников, который давался весьма непросто.

Литература

1. *Березин М.Г.* Избирательное право в Государственную Думу. Рига: Наука и жизнь, 1913. 48 с.
2. *Гутьяр В.Д.* Предвыборный памфлет. Пора прямо смотреть на вещи перед выборами в 4-ую Государственную думу в 1912 г. М.: б/и, 1912. 69 с.
3. *Ермолов А.С.* Избирательный закон и его последствия. СПб.: Тип. СПб. ведомостей, 1907. 22 с.
4. *Кату Л.З.* Наше избирательное право. М.: Тип. М.В. Саблина, 1912. 289 с.

5. *Мальшева О.Г.* Выборы в Первую Государственную думу: взгляд через столетие // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (20). С. 13–20.
6. *Мальшева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. Ч. 2: Обновленный строй. М.: РАГС, 2003. 175 с.
7. *Мальшева Г.Г., Токарева Е.А.* Россия начала XX века на пути к гражданскому обществу // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: материалы VIII международной научно-практической конференции (9–10 марта). North Charleston, USA, 2016. С. 11–15.
8. *Мускатблит Ф.* Первый русский парламент (Избирательная кампания и ее итоги). Одесса: Буревестник, 1906. 88 с.
9. *Хряпин К.* Что необходимо знать избирателям в Государственную думу. Освещение различных фазисов избирательной кампании 1906–1907 гг. СПб.: Городская типография, 1907. 57 с.

Literatura

1. *Berezin M.G.* Izbiratel'noe pravo v Gosudarstvennyuyu Dumu. Riga: Nauka i zhizn', 1913. 48 s.
2. *Gut'yar V.D.* Predvy'borny'j pamflet. Pora pryamo smotret' na veshhi pered vy'borami v 4-uyu Gosudarstvennyuyu dumu v 1912 g. M.: b/i, 1912. 69 s.
3. *Ermolov A.S.* Izbiratel'ny'j zakon i ego posledstviya. SPb.: Tip. SPb. vedomostej, 1907. 22 s.
4. *Katez L.Z.* Nashe izbiratel'noe pravo. M.: Tip. M.V. Sablina, 1912. 289 s.
5. *Maly'sheva O.G.* Vy'bory' v Pervuyu Gosudarstvennyuyu dumu: vzglyad cherez stoletie // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2015. 4 (20). S. 13–20.
6. *Maly'sheva O.G.* Dumskaya monarxiya: rozhdenie, stanovlenie, krakh. Ch. 2: Obnovlenny'j stroj. M.: RAGS, 2003. 175 s.
7. *Maly'sheva G.G., Tokareva E.A.* Rossiya nachala XX veka na puti k grazhdanskomu obshhestvu // Aktual'ny'e napravleniya fundamental'ny'x i prikladny'x issledovaniy: materialy' VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9–10 marta). North Charleston, USA, 2016. S. 11–15.
8. *Muskatblit F.* Pervy'j russkij parlament (Izbiratel'naya kampaniya i ee itogi). Odessa: Burevestnik, 1906. 88 s.
9. *Xryapin K.* Chto neobxodimo znat' izbiratelyam v Gosudarstvennyuyu dumu. Osveshhenie razlichny'x fazisov izbiratel'noj kampanii 1906–1907 gg. SPb.: Gorodskaya tipografiya, 1907. 57 s.

O.G. Malysheva

The First Parliamentary Elections in the Russian Empire Held in Moscow and Saint Petersburg

This article analyzes the features of organizing, conducting and results of the election campaigns for the first two State Dumas of the Russian Empire in Saint Petersburg and Moscow. The author considered the alignment of political forces during elections along with some issues of organizational work preceding the elections.

Keywords: the State Duma; elections; voters; political parties.

Т.В. Ершова

Состояние московской промышленности в условиях Первой мировой войны

В статье рассматривается состояние московской промышленности в годы Первой мировой войны, показана система ее мобилизации для нужд обороны государства.

Ключевые слова: Первая мировая война; промышленность Москвы.

Ведущими отраслями экономики Москвы накануне и в начале войны являлись текстильная, металлообрабатывающая, пищевкусовая, швейная, полиграфическая и другие, где были заняты основные массы рабочих города. Москва была самым крупным в России железнодорожным центром России.

В Москве было 973 промышленных предприятий, на которых трудилось более 159 тыс. рабочих [12: с. 159]. В текстильной промышленности насчитывалось 219 фабрик, где трудилось 66,6 тыс. человек, в металлообрабатывающей и электротехнической было 180 заводов, на которых работали 25,7 тыс. рабочих, в пищевкусовой промышленности трудилось 19,6 тыс. человек, в полиграфической было занято 12,5 тыс. рабочих [2: с. 211, 212].

В Москве в 1913 году производилось продукции на сумму более 556 млн золотых рублей. По отдельным отраслям производства стоимость валовой продукции металлообрабатывающей промышленности оценивалась в 57 982 тыс. рублей, химической — 93 558 тыс. рублей, пищевкусовой — 187 619 тыс. рублей, текстильной — 143 208 тыс. рублей [14: с. 2].

В предвоенные годы в Москве была достаточно высокая концентрация промышленности. На крупных фабриках и заводах города с числом рабочих более 500 в 1910 году находилось 49,2 % общего числа рабочих. В таких отраслях промышленности, как хлопчатобумажная и шелковая, процессы концентрации проявились более сильно. Например, на фабриках по обработке хлопка в Москве с числом рабочих более 1000 человек трудилось 74,34 % от всех рабочих этой отрасли промышленности, по обработке шелка — 63,7 % рабочих. На металлообрабатывающих заводах с числом рабочих свыше 500 человек было занято более 33,2 %, и с числом рабочих от 100 до 500 человек, т. е. на крупных и средних предприятиях данной отрасли промышленности, находилось 69,4 % рабочих-металлистов [7: с. 106, 107].

Наряду с крупными промышленными предприятиями в Москве насчитывалось много мелких кустарных и полукустарных заведений, на которых работало менее 20 человек. Так, по переписи 1910 года, в городе их было более 650 [2: с. 208].

Война повлияла на состояние московской промышленности. Основными причинами сокращения производства в начале войны были: прекращение приема железными дорогами коммерческих грузов, резкое подорожание и недостаток продуктов, выписываемых из-за границы, призыв в армию многих квалифицированных рабочих [5: с. 588]. Отвлечение железнодорожного транспорта на нужды армии привело к резкому сокращению подвоза сырья, материалов и продуктов питания к Москве. В результате произошли значительные сокращения, например, в винокуренной промышленности. Сократилось производство в электротехнической промышленности, которая получала сырье из Германии (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 19. Л. 158 об., 159).

С большими перебоями в начале войны работали химические предприятия Москвы, главным образом из-за нехватки импортного сырья и материалов. В результате на москательные товары цены поднялись на 100 %, а на отдельные сорта красок от 300 до 500 % против своей нормальной рыночной стоимости (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 865. Л. 29).

В начале войны наблюдалось сокращение производства в текстильной промышленности. Так, в середине августа 1914 года фабрики Э. Цинделя, А. Гюбнера, Даниловская, Прохоровская, Рябовская мануфактуры и ряд других сократили производство до трех дней в неделю [2: с. 279]. Вместе с тем необходимо отметить, что сокращение производства в первые дни войны проходило с целью «оздоровить» рынок и ликвидировать излишки на фабриках и складах, скопившиеся в результате интенсивной работы предприятий перед Нижегородской ярмаркой [4: с. 191]. Об этом свидетельствует и тот факт, что на многих текстильных предприятиях имелись большие залежи хлопка, так как «в течение летнего времени многие мануфактуры, вынужденные к тому стачечным движением, работали не полное время». В общей сложности на 1 июля 1914 года, по сведениям Московского биржевого комитета, на 72-х промышленных предприятиях 16-ти торговых фирм Центрального района находилось более 5 млн 700 тыс. пудов хлопка (ЦИАМ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 2).

К октябрю 1914 года на предприятиях по обработке хлопка картина совершенно изменилась. Бумагопрядильни, где вырабатывались ткани тонких номерных клатур, сокращали производство, продолжая работать по 4 дня в неделю; фабрики, вырабатывающие грубые ткани, наоборот, заработали полным ходом. В аналогичном положении оказалась шерстяная промышленность. Предприятия, изготовляющие грубые сорта сукна, стали получать крупные заказы от интендантства. Большие заказы от казны получили льняные фабрики, что привело к увеличению производительности предприятий, и в некоторых из них была введена третья ночная смена для подростков и женщин (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 286. Л. 2). Большинство московских предприятий стали работать на интендантское ведомство.

В начале войны с трудностями столкнулась и металлообрабатывающая промышленность. Проблемы были вызваны тем, что большинство фабрик

и заводов имели оборудование, приобретенное за рубежом. После закрытия границ многие предприятия не могли получить запасные части к станкам и машинам (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 865. Л. 35, 36). Сокращение производства в металлургической промышленности и прекращение подвоза сырых материалов (руды, флюсов, угля, кокса и пр.) вызвало много трудностей на ряде заводов Москвы. Одновременно цены на металл начали быстро подниматься (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 865. Л. 50, 51).

Однако московская машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли промышленности очень быстро приспособились к военному рынку, получив ряд крупных заказов на изготовление снарядов, снаряжения, станков, машин и прочее (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 865. Л. 35).

К весне 1915 года ряд крупных промышленных предприятий Москвы — металлообрабатывающие заводы, текстильные фабрики, фабрики по пошиву одежды, химические предприятия — стали обслуживать нужды фронта. Однако подавляющая часть московской промышленности работала на частный рынок.

Весной и летом 1915 года западным губерниям России стала угрожать немецкая оккупация. Началась эвакуация предприятий в тыл. Эвакуированные промышленные предприятия оказали определенное влияние на структуру московской промышленности: в городе увеличилось общее количество металлообрабатывающих предприятий, выросла вместе с ними и численность рабочих-металлистов, развивалась быстрыми темпами авиационная промышленность, в которой ведущее место занял завод товарищества «Мотор». С восстановлением заводов «Каучук» и «Проводник», вывезенных из Прибалтики, Москва стала общероссийским центром резиновой промышленности [6: с. 15].

Однако восстановление промышленных предприятий, перевезенных из западных районов России, шло очень медленно. Много фабрик и заводов не было пущено в ход, их оборудование было реквизировано и распределено, а частью и расхищено. Несмотря на это, Москва сыграла заметную роль в деле обеспечения армии боеприпасами, снаряжением, продовольствием и прочими припасами в годы Первой мировой войны.

Как известно, правительство не предвидело величины спроса, который предъявит промышленности фронт. Не имело правительство и какого-нибудь плана военно-экономической мобилизации частной промышленности для удовлетворения нужд действующей армии. Правящие круги России рассчитывали воевать за счет запасов, сделанных в мирное время, пополнений, изготовленных на казенных заводах, и поставок из-за границы [13: с. 17].

Война показала, что Россия к ней была совершенно не подготовлена. После первых успехов на фронте войска стали терпеть одно поражение за другим. В результате русская армия оказалась в очень трудном положении. В январе 1915 года недокомплект солдат и офицеров доходил до полумиллиона человек, артиллерийских снарядов «для доведения только подвижных запасов до нормы

не хватало свыше 200 тыс., винтовок не было, не было и укрепленных позиций» [1: с. 169–171].

Как свидетельствовал генерал А.А. Брусилов, пополнение, поступающее на фронт, было плохо обучено и без оружия. В полках росли команды безоружных солдат, боеспособность частей быстро снижалась. Все запасы, сделанные в мирное время, были потрачены в течение полугода. Были израсходованы и запасы военного времени. К весне 1915 г. наступил кризис боевого снабжения русской армии. На все требования ставки прислать боеприпасы великий князь Сергей Михайлович отвечал отказом, так как последних не было (РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 9).

В условиях снарядного голода зимой 1914 – весной 1915 года казенные и некоторые частные заводы не могли обеспечить армию боеприпасами. На заказы, сделанные за границей, надежды не было. Все это приводило к мысли о необходимости привлечь к делу изготовления снарядов частную промышленность.

Одной из первых организаций, которая привлекла к делу производства снарядов частную промышленность, стала организация генерала С.Н. Ванкова. Она была создана весной 1915 года [3: с. 1–8]. Военный Совет предоставил генералу Ванкову широкие полномочия по изготовлению снарядов. Он разрешил ему определять заводы и сроки поставки, способы доставки гранат к местам снаряжения, выдавать авансы (РГВИА, Ф. 512. Оп. 1. Д. 57. Л. 81, 81 об.).

В первые дни войны, стремясь как можно быстрее провести мобилизацию, правительство призвало в армию значительную часть рабочих России. Мобилизация вызвала убыль квалифицированных рабочих на 15 % за первый год войны. Всего же московские фабрики и заводы потеряли до 20–25 % кадровых рабочих [4: с. 48–49].

Генерал Ванков принял меры для освобождения рабочих-специалистов от службы в войсках и к возвращению заводских рабочих из тыловых и запасных частей, тем самым на практике осуществлял милитаризацию труда. Однако организация генерала С.Н. Ванкова не могла решить всех вопросов, связанных с обеспечением армии боеприпасами и снаряжением. После начала наступления немецких войск на Восточном фронте весной 1915 года положение русской армии оказалось очень тяжелым. Германские войска захватили большую территорию, угрожая жизненно важным районам страны. В этих условиях под давлением отечественной буржуазии в августе 1915 года было создано четыре Особых совещания, которые должны были решить все вопросы, связанные с войной. Основным было Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства во главе с военным министром [9: с. 44–46].

Для оперативного решения народнохозяйственных, организационных и технологических вопросов на местах создавались Особые заводские совещания. Одним из крупнейших в России было Особое заводское совещание

Московского района, в состав которого входили губернии Центральной России (за исключением Нижегородской). Председатели заводских совещаний получили широкие права. Они имели право требовать от предпринимателей производить продукцию для обороны государства и вмешиваться в проблемы рабочего движения (ЦИАМ. Ф. 848. Оп 1. Д. 7. Л. 7 об.).

После поражений русской армии весной 1915 года московская буржуазия выдвинула идею о мобилизации промышленности на нужды государственной обороны и в мае 1915 года явочным порядком создала Центральный военно-промышленный комитет, в который вошли представители 12 губерний Центрального района и Козловский уезд Симбирской губернии [5: с. 599]. Буржуазные деятели рассчитывали использовать его для давления на правительство.

В Московском военно-промышленном комитете было создано несколько секций, которые охватывали те или иные отрасли промышленности, решали вопросы набора рабочих, получения заказов и их распределения. Активную деятельность развернули снарядная, химическая, хлопчатобумажная, льняная секции.

Следовательно, через год после начала войны в Москве были созданы органы, которые приступили к мобилизации промышленности для нужд государственной обороны. Привлеченные к делу государственной обороны промышленные предприятия Москвы и Московской губернии в первый год войны получили заказы на производство продукции для государственной обороны. Уже в первый год войны для армии работало 294 фабрики и завода (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 19. Л. 29 об.). В 1916 году число промышленных предприятий, получивших военные заказы, быстро увеличивалось. В Москве в феврале их насчитывалось 419 (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 19. Л. 75 об, 76), в мае — 445 (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 277. Л. 102 об.), а к концу года было привлечено к работе на оборону государства 578 предприятий города, на которых работали около 100 тыс. человек [8: с. 65].

Таким образом, в условиях Первой мировой войны московские промышленные предприятия продолжали функционировать и выпускали самую разнообразную военную продукцию. Они получали крупные заказы на производство военной продукции для действующей армии и военно-морского флота России.

Литература

1. *Зайончковский П.* Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М.: Воениздат, 1924. 361 с.
2. История Москвы. Т. 5: Период империализма и буржуазно-демократических революций в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 827 с.
3. История организации Уполномоченного Главного артиллерийского управления по заготовке снарядов по французскому образцу, генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915–1918 гг. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1918. 285 с.
4. *Касаров Г.Г.* Московские рабочие в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М.: Изд-во МАДИ (ТУ), 1996. 163 с.

5. *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1963. 423 с.
6. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.
7. *Панфилова А.М.* История завода «Красный богатырь» (1837–1925). М.: Изд-во МГУ, 1958. 227 с.
8. *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: СОЦЭКГИЗ, 1959. 623 с.
9. Россия в мировой войне 1914–1918 годов. М.: Изд-во ЦСУ, 1925. 101 с.
10. *Сидоров А.Л.* Кризис Российской империи в период Первой мировой войны // Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1970. С. 43–57.
11. *Сидоров А.Л.* Эвакуация русской промышленности во время Первой мировой войны // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 3–25.
12. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. М.: б/изд., 1916. 100 с.
13. Статистический ежегодник г. Москвы. Вып. 4. 1911–1913 гг. М.: б/изд., 1916. 218 с.
14. *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. (На примере металлургической промышленности). М.: МГУ, 1958. 263 с.
15. Фабрично-заводская промышленность гор. Москвы и Московской губернии. 1917–1927 гг. М.: ЦСУ, 1928. Таблицы.

Literatura

1. *Zajonchkovskij P.* Mirovaya vojna 1914–1918 gg. Obshhij strategicheskij ocherk. М.: Voenizdat, 1924. 361 с.
2. *Istoriya Moskvy*. Т. 5: Period imperializma i burzhuzno-demokraticeskix revolyucij v Rossii. М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. 827 с.
3. *Istoriya organizacii Upolnomochennogo Glavnogo artillerijskogo upravleniya po zagotovke snaryadov po francuzskomu obrazczu, general-majora S.N. Vankova.* 1915–1918 gg. М.: Tipografiya A.I. Mamontova, 1918. 285 с.
4. *Kasarov G.G.* Moskovskie rabochie v gody' Pervoj mirovoj vojny' (iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g.). М.: Izd-vo MADI (TU), 1996. 163 с.
5. *Lavery'chev V.Ya.* Monopolisticheskij kapital v tekstil'noj promy'shennosti Rossii (1900–1917 gg.). М.: Izd-vo MGU, 1963. 423 с.
6. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo xozyajstva SSSR. Т. 2. М.: Gospolizdat, 1956. 728 с.
7. *Panfilova A.M.* Istoriya zavoda «Krasny'j bogaty'r» (1837–1925). М.: Izd-vo MGU, 1958. 227 с.
8. *Rashin A.G.* Formirovanie rabocheho klassa Rossii. Istoriko-e'konomicheskie ocherki. М.: SOCE'KGIZ, 1959. 623 с.
9. Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 godov. М.: Izd-vo CSU, 1925. 101 с.
10. *Sidorov A.L.* Krizis Rossijskoj imperii v period Pervoj mirovoj vojny' // Istoricheskie predposy'lki Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. М.: Nauka, 1970. С. 43–57.
11. *Sidorov A.L.* E'vakuaciya russkoj promy'shennosti vo vremya Pervoj mirovoj vojny' // Voprosy' istorii. 1947. № 6. С. 3–25.

12. Spisok fabrik i zavodov g. Moskvy' i Moskovskoj gubernii. M.: b/izd., 1916. 100 s.
13. Statisticheskij ezhegodnik g. Moskvy'. Vy'p. 4. 1911–1913 gg. M.: b/izd., 1916. 218 s.
14. *Tarnovskij K.N.* Formirovanie gosudarstvenno-monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny'. (Na primere metallurgicheskoy promy'shlennosti.) M.: MGU, 1958. 263 s.
15. Fabrichno-zavodskaya promy'shlennost' gor. Moskvy' i Moskovskoj gubernii. 1917–1927 gg. M.: CSU, 1928. Tabliczy'.

T.V. Ershova

The Condition of Moscow Industry in the First World War

The article considers the condition of Moscow industry during the years of the First World War. The author shows the system of its mobilization for needs of defense of state.

Keywords: the First World War; Moscow industry.

Н.И. Музафарова

Ислам в национально-культурных традициях народов Волжско-Уральского региона (исторический аспект)

В статье показана роль ислама в укреплении политических, бытовых, национально-культурных сфер жизни народов Волжско-Уральского региона. Прослеживаются этапы становления исламской культуры с начала проникновения ислама в VII веке и до конца XX века.

Ключевые слова: Ислам; Волжская Булгария; национальные меньшинства; Духовное управление мусульман; исламская культура.

Волжско-Уральский регион исторически сосредоточил полиэтничный состав населения. Он охватывает восточные районы Татарстана и Башкортостана с соседствующими территориями. На протяжении длительного времени регион неоднократно подвергался административным делениям, что отразилось на формировании морально-этических стереотипов. На территории данного региона сконцентрировалось мусульманское население, и ныне имеются два государственных образования, представляющих культурные центры башкир и татар. Народы эти сохранили и приумножили духовные ценности, национальные традиции, чему способствовал ислам, пришедший в Россию в VII веке.

Рассматривая национально-культурные традиции народов Поволжья и Урала, коснемся исторического аспекта. Народы данного региона входили в состав Волжской Булгарии, достигшей своего расцвета в IX–XIII веках. Булгарское население составляли интегрированные племена угро-финских, тюркских и славянских народов, которые отличались разным социально-экономическим и культурным уровнем развития. В научных кругах идут споры о происхождении булгар. Истоки их происхождения неоднозначны и вызывают споры. Априори можно сказать, что историческая территория Булгарии явилась родиной таких коренных национальностей, как татары, башкиры, мордва, мари, чуваша, удмурты, зыряне. Верования этих народов носили языческий характер, но с VII века сюда стал активно проникать ислам. В 922 году правитель Волжской Булгарии Айдархан (815–855) признал ислам государственной религией.

Распространение ислама обуславливалось внутренними и внешними геополитическими факторами. Контакты с торговцами, путешественниками-

исследователями Ближнего Востока вносили новый стиль общения, обряды, которые импонировали местному населению. Местные жители, поклоняясь разным богам, испытывали хозяйственную и духовную разобщенность, а вера в единого Бога — Аллаха — сближала людей и была привлекательной для правителей.

В силу своей универсальной значимости и адаптационной способности ислам распространялся успешно. В районах Поволжья и Урала он интегрировался с обычаями и традициями местных племен и этносов. Это нашло отражение в толерантном совместном участии татар, башкир, мари, мордвы, чувашей в национальных, православных, языческих праздниках. Привлекательным праздником для народов региона из глубины веков являлся сабантуй, посвященный окончанию весенне-полевых работ. На празднике демонстрировались таланты народных умельцев, перенимался опыт, укреплялись взаимосвязи людей. В процессе сосуществования этносов изменялись социально-бытовые условия, формировались новые морально-этические нормы, которые отличались от обычаев и норм мусульман Средней Азии и Кавказа. Тяготение племен к старым традициям обусловило фактор синкретизма, что накладывало интеграционный отпечаток на быт и верования людей. Так, маришцы совершали обряды жертвоприношений, не потребляли в пищу свинину. Чуваше перенимали стили молитвенных сооружений. Татары и башкиры заимствовали элементы прикладного искусства, пошива одежды и изготовления украшений и т. д.

Принятие ислама способствовало росту культурного уровня народа: строились мечети, открывались школы, в столице — городе Булгар — был открыт университет, который привлекал учащихся из других стран. Булгария превратилась в страну высокого культурного уровня. Спад ее начался с захватом столицы монгольскими завоевателями и созданием Золотой Орды. Однако, осознав объединительную роль и силу влияния мусульманства на разные племена и народности, ордынское ханство в период правления Узбекхана (1312–1343) объявило ислам государственной религией [4: с. 26].

До XVI века Булгарское государство, а затем Казанское ханство представляли центр исламской цивилизации на территории нашей страны. С укреплением Московского государства началось разрушение исламской культуры и заметное разобщение национальных меньшинств. Завоевание Иваном IV ордынских ханств, захват Казани в 1552 году привели к уничтожению основ исламской цивилизации, разрушению ее культурных центров, мечетей, уникальных рукописей, представлявших бесценное наследие ученых Востока. Проводились насильственная христианизация местных жителей, казнь мужского населения. По дошедшим сведениям устной истории с холмов Казанского кремля текли ручьи крови.

Московское государство взяло курс на вытеснение ислама из сфер общественной и культурной жизни. Г.В. Вернадский по этому поводу писал, что если

ранее князья сохраняли традиции золотоордынской эпохи и дорожили статусом в мусульманском мире, то с XVI века сделали ставку на «православное царство» [1: с. 224]. Соборное уложение 1649 года усилило давление на мусульман. Было ограничено землепользование, приобретение недвижимости, занятие должностей, строительство мечетей. Поощрялся переход в христианство, а переход в ислам из православия карался смертной казнью. Такая дискриминация верующих вызывала протест, свидетельством чему явилось участие мусульман в крестьянских восстаниях Степана Разина (1667–1671), Е. Пугачева (1773–1775) и др. Устная история дает богатую информацию о легендарном герое башкирского и татарского народа Салавате Юлаеве, боровшемся за освобождение народа от двойного гнета.

Улучшение положения мусульманских народов произошло в эпоху правления Екатерины II, которая была заинтересована в налаживании контактов со странами Востока. В установлении связей с исламскими государствами она использовала мусульманских духовных лидеров, интеллигенцию, дипломатов, купцов, продвинутую часть татар и башкир. В декабре 1789 года по указу императрицы было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) во главе с муфтием М. Хусаиновым. Хусаинов, бывший офицер, дипломат, проводил политику государственных интересов, прилагал усилия по возрождению исламской культуры и сохранению национальных ценностей. В результате стали свободно функционировать мечети, налаживаться сеть учебных заведений, было заведено делопроизводство на татарском языке. Духовенство и национальная элита получили равные права с русским дворянством. В стране стала возрождаться и развиваться национальная культура.

В XIX веке возросла плеяда мусульманских просветителей, ученых, предпринимателей. Среди духовенства появились сторонники модернизации методики обучения (джадиды). Духовный лидер, историк Ш. Марджани (1818–1889), предлагал провести реформу системы образования соответственно требованиям эпохи, используя достижения мировой цивилизации. На позициях нового осмысления исламского вероучения стояли просветители К. Насыри (1825–1902), Х. Фаизханов (1828–1866), И. Гаспринский (1851–1914). Они вели полемику с ортодоксальными муллами-кадимистами. Духовные лидеры Урало-Волжского региона Г. Баруди (1857–1921), Р. Фахретдин (1859–1936), М. Бигиев (1870–1949) отстаивали позиции толерантного взаимодействия ислама и православия с присущими им культурными ценностями. Таким образом, мусульманские лидеры активизировали деятельность, направленную на просвещение народа в соответствии с достижениями культуры и науки.

На международной арене модернистские тенденции развития ислама и государства проводил руководитель Турции Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938). Он явился основателем светского мусульманского государства. В основе его концепции была заложена идея пантюркизма и панисламизма. Ататюрк добивался

независимости тюркских (мусульманских) народов, ратовал за сохранение их культуры и объединение под эгидой Турции. Он поддерживал связи с представителями разных стран, его идеи были известны многим мусульманским лидерам. В России эти идеи ставились на обсуждение представителем думской фракции И. Гаспринским, ответственным работником советских органов М. Султан-Галеевым и др. Однако широкой поддержки они не нашли.

В XX веке положение ислама изменилось. Мусульманские лидеры добились вхождения во все четыре Государственные думы. Созданная фракция мусульман выражала интересы национальных меньшинств. Она способствовала открытию школ во всех национальных селениях, настоятельно требовала предоставления возможности получения специального среднего и высшего образования молодежи, настаивала на решении земельного вопроса, упорядочивании налогов. Революционная эпоха 1917 года внесла свои коррективы, привела к изменению статуса религий как ненужного института. Вместе с тем в отношении мусульманских народов было заявлено о предоставлении свободы вероисповедания, соблюдения традиций религиозно-национальных праздников. Однако тактика лояльного отношения к исламу была изменена в конце 20-х годов.

В ноябре 1917 года было принято обращение СНК и Наркомнаца «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором объявлялось о свободе вероисповедания, обычаев и традиций, неприкосновенности национальных и культурных учреждений. Для руководства преобразованиями жизни мусульманских народов в январе 1918 года было создано Бюро коммунистов народов Востока, а в марте Татаро-Башкирское Уралбюро ЦК ВКП (б) [2: с. 4]. Местные партийные работники проводили указания Центра, сочетая новые преобразования с сохранением национальных традиций. Многие рекомендации получали они от М.Г. Султан-Галеева — советника И.В. Сталина по мусульманским народам.

В среде национальной интеллигенции ставился вопрос о возможном объединении родственных народов — татар и башкир — и создании единой государственности Татаро-Башкирской Республики. Одним из инициаторов такого реформирования был М. Султан-Галеев, который настаивал на методах последовательного и тактичного внедрения советского образа жизни, не нарушая исламских духовных ценностей и не противопоставляя их социалистическим идеалам (БГАСПИ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 12. Л. 82–83). По сути, данное предложение представляло аналог созданному в первые годы после революции партийному аппарату.

С политических позиций создание Татаро-Башкирской Республики в центральных районах России представляло угрозу существованию Советской власти как унитарного государства. Поэтому Советское правительство создало два самостоятельных государственных объединения — Татарская автономная советская социалистическая республика и Башкирская автономная

советская социалистическая республика. Более того, в Башкирии в качестве литературного языка было взято наречие одного из кочевых племен, в большей степени отличающееся от татарского языка. Так советское правительство отреагировало на попытки объединения родственных народов. Предложение М. Султан-Галеева было оценено как отход от коммунистической идеологии в угоду националистической политике. Сталин назвал данное идейное течение «султан-галеевщиной» и подверг его критике как разновидность пантюркизма и панисламизма. М.Г. Султан-Галеев попал в опалу, и в 1930-е годы был репрессирован. Реабилитирован он в постсоветский период.

После революции 1917 года Духовное управление мусульман во главе с муфтием Галимджаном Баруди заявило о признании Советской власти, сумело настоять на сохранении автономии мусульман. К этому времени Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) было переведено из Оренбурга в Уфу. Муфтий Г. Баруди — крупный ученый-богослов — прилагал усилия в целях налаживания хозяйственно-бытовой жизни мусульманских народов. Правительство потребовало от муфтия сбора пожертвований верующими для помощи голодающим. В 1921 году по этому вопросу Баруди был вызван в Москву. Напряженные переговоры со Сталиным об изъятии средств у без того голодающего населения Поволжья подорвали здоровье муфтия.

Новый муфтий Ризаутдин Фахретдин — богослов, ученый, писатель, общественный деятель — проводил духовное служение в условиях воинствующего государственного атеизма. Принципы свободы совести, провозглашенные Советской властью, были попорчены. Массово закрывались мечети, подвергались гонению и репрессиям муллы, представители интеллигенции, запрещались национально-религиозные традиции. Муфтий обращался к властям, настоятельно требуя соблюдения объявленных прав и свобод мусульман, ратовал за освобождение несправедливо заключенных лиц. Благодаря поддержке зарубежных авторитетных лиц ему удалось освободить в 1923 году незаконно осужденного ученого-богослова Мусу Бигиева. Подобные справедливые исходы были редкими, а репрессии мусульман, особенно интеллигенции, многочисленны.

Своей подвижнической деятельностью муфтий прилагал усилия по подготовке кадров священнослужителей, развитию духовного и светского образования. Он отстаивал труды по богословию, философии, издал популярные книги «Машхур ирлэр» («Знаменитые мужчины») и «Машхур хатыннар» («Знаменитые женщины»).

Отмечая трудности функционирования ислама в советский период, коснемся позитивных факторов, которых добивались инициативные активисты в развитии культуры мусульманских народов. В июне 1924 года вышло постановление президиума ЦИК РСФСР «О разрешении преподавания вероучения ислама». Это способствовало росту числа национальных школ и более широкому охвату учащихся. Вместе с тем открывались учебные заведения

для нацменьшинств по подготовке квалифицированных специалистов среднего и высшего звена. В вузах создавались группы татар, башкир, мари, чувашей и др., принятых на льготных условиях. Национальные духовные традиции интегрировались с новыми светскими обычаями.

Первое десятилетие Советское государство придерживалось объявленных принципов свободы совести, однако официальная социалистическая идеология и воинствующий атеизм изменили положение дел. Национально-религиозные традиции постепенно подвергались резким нападкам, а культурные центры — разрушениям. Выпады против национально-религиозных традиций участились с созданием Е. Ярославским общественной организации воинствующих безбожников. Сохранению народных обычаев, духовных ценностей способствовал ислам, который функционировал на бытовом уровне.

В 1928 году запретили преподавание мусульманского вероучения, вместе с тем были уничтожены сочинения и книги, написанные арабским шрифтом. Распространенная среди мусульманских народов арабская письменность была заменена латинской, а позже кириллицей. Этот неоднократный перевод алфавита затормозил рост грамотности и обучения мусульман. Активизировалась деятельность организации безбожников — «Дегриляр», — что привело к отрыву новых поколений от богатого пласта духовной национальной культуры, народных традиций.

В 1930-е годы репрессивная политика в отношении мусульманского духовенства достигла пика. В 1930 году было закрыто 10 тыс. мечетей из 12, находившихся в ведении ЦДУМ. Обращения муфтия Р. Фахретдина к правительству по поводу незаконно закрытых мечетей и необоснованных арестов духовных лиц не имели успеха. Более того, органы НКВД под угрозой расстрела требовали от муфтия подписать фальшивую статью о свободе традиций и верований мусульман в СССР. Муфтий не согласился и в результате постоянных угроз и давления заболел и умер [4: с. 51].

Следующим муфтием в истории ЦДУМ стал Габдрахман Расули (1881–1950). На его долю выпал не менее тяжелый период гонения ислама, репрессий духовенства, интеллигенции, разразившаяся Великая Отечественная война. В годы войны Советская власть перешла на позиции лояльности и сотрудничества с религиозными организациями. Р. Габдрахман был образованным духовным лидером, которого называли «духовным королем татар». С началом Великой Отечественной войны он призвал духовенство и всех мусульман встать на патриотические позиции и вести борьбу с врагами за Родину.

В 1942 году муфтий ЦДУМ Г. Расули был вызван на прием к И.В. Сталину. По воспоминаниям духовных иерархов, фронтовиков-мусульман, состоялась беседа о роли ислама в судьбоносные годы, отношении к сакральным реликвиям (в частности, праху Тамерлана), проведении съездов мусульман и разработке форм и методов борьбы с фашизмом. Существует легенда, что И. Сталин и Г. Расули с прахом Тамерлана облетели прифронтовые зоны, и вскоре наметился перелом в пользу советских войск. В мае 1942 года на съезде

мусульман было принято обращение муфтия к верующим, в котором с позиций ислама разъяснялась необходимость борьбы против фашизма [5].

Мусульмане принимали участие в сборе денежных средств на постройку танков, самолетов, а также отправке теплых вещей фронтовикам. Расули, будучи инициатором неоднократных сборов средств на нужды фронта, в 1943 году пожертвовал все свои сбережения — 50 тыс. рублей — для фронта. В ответ И.В. Сталин направил благодарственную телеграмму Г. Расули и всем мусульманам, участвовавшим в сборе средств [3].

Г. Расули пытался сохранить традиции мусульманской учености: он (правда, тщетно) ходатайствовал об открытии богословских курсов, ежегодно публиковал мусульманские лунные календари, в 1945 году издал учебное пособие «Ислам дине» («Религия Ислама»).

В период правления Н.С. Хрущева стала возвращаться политика государственного атеизма и наступления на национальные традиции. Национальные школы закрывались, обучение переводилось на русский язык, даже при отсутствии учителей, владеющих русским языком. Прекратили издавать учебники на родном языке народов нацменьшинств. Молодое поколение было оторвано от национальных корней, поскольку было лишено обучения родному языку, литературе. Народные традиции, родной язык сохранялся в татарских, башкирских селениях. Бытовые традиции и наличие лиц, которые выполняли полномочия мулл, в определенной мере способствовали сохранению мусульманской культуры.

В постсоветский период были созданы национально-культурные автономии как очаги, способствующие возрождению национально-религиозных традиций, приобщению молодежи к истокам и ценностям народной культуры, обучению родному языку. Участились международные контакты с зарубежными исламскими центрами, расширились культурные связи, открылись высшие богословские учебные заведения, доступными стали архивы и уникальные сочинения мусульманских ученых

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. 368 с.
2. Жизнь национальностей. 1918. № 3.
3. Известия. 1943. 3 марта.
4. *Музафарова Н.И.* Ислам: история, вероучение, практика. М.: ГОУ ВПО МГПУ. 2011. 135 с.
5. Труд. 1942. 18 мая.

Literatura

1. *Vernadskij G.V.* Nachertanie russkoj istorii. M.: Ajris-Press, 2002. 368 s.
2. Zhizn' nacional'nostej. 1918. № 3.
3. Izvestiya. 1943. 3 marta.
4. *Muzafarova N.I.* Islam: istoriya, verouchenie, praktika. M.: GOU VPO MGPU, 2011. 135 s.
5. Trud. 1942. 18 maya.

N.I. Muzafarova

**Islam in the National Cultural Traditions of the Peoples of the Volga – Ural region
(Historical Aspect)**

The article shows the role of Islam in the strengthening of political, domestic, national and cultural spheres of life of the peoples of the Volga-Ural region. The stages of formation of Islamic culture are traced from the beginning of the spread of Islam in VII century and up to the end of the XX century.

Keywords: Islam; Volga Bulgaria; national minorities; the Spiritual Administration of Muslims; Islamic culture.

И.Р. Багашвили

Развитие химической промышленности СССР в предвоенные годы

В статье представлен авторский подход к анализу государственной политики по развитию химической промышленности СССР в 1930-е годы, который заключается в сопоставлении ее первоначального замысла и результатов практической реализации. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что политический курс советского государства отвечал национальным интересам, стратегическим задачам развития страны, способствовал укреплению обороноспособности СССР.

Ключевые слова: индустриализация; химическая промышленность; государственная политика; технология; промышленное предприятие.

Современные реалии экономического развития Российской Федерации с новой остротой ставят вопрос организации национальной промышленности, независимой от зарубежных источников финансирования и наукоемких технологий. Экономические трудности, возникшие перед руководством современной России после введения санкций, требуют обращения к историческому опыту становления и развития советской промышленности в схожих условиях международной изоляции СССР в первые десятилетия советской власти. Актуальность подобному исследованию придает необходимость замещения импорта товаров химической промышленности, преодоления зависимости от поставок зарубежной продукции и оборудования. Предельно ясно об этом сказал президент В.В. Путин: «Мы совершенно точно всё можем сделать сами, всё абсолютно»¹. Для решения этой стратегически важной задачи требуется знание исторического опыта, с опорой на который можно вывести химическую промышленность на качественно новый уровень развития, придать новый импульс ее отдельным секторам, переоснастить отдельные предприятия отрасли высокотехнологичным

¹ Совещание по вопросам импортозамещения 28 июля 2014 года. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46370> (дата обращения: 12.10.2014).

оборудованием, разработать и внедрить перспективные научные проекты в области химической технологии. Сегодня важно с современных позиций переосмыслить советскую практику территориального размещения предприятий химической промышленности, опыт подготовки квалифицированных кадров, принципы мотивации трудящихся. Анализ достижений и просчетов в развитии советской химии в период индустриализации открывает новые возможности для наращивания современных производственных мощностей, позволяет обеспечить конкурентоспособность отечественной химической продукции.

До начала форсированной индустриализации химическая промышленность СССР значительно отставала от США и стран Западной Европы. Потенциал обширных территорий СССР, богатых природными ресурсами, не использовался в целях индустриальной модернизации, наращивания производственной мощности страны. Централизация власти после окончания внутрипартийной борьбы 1920-х годов и переход к жесткому государственному управлению позволили сконцентрировать финансовые, научно-технические и людские ресурсы в целях форсированного строительства предприятий химической промышленности, продиктованного объективными потребностями развития советской экономики.

Постановка на уровне правительства сверхзадачи по ускоренному формированию современного производства в стране практически с нуля отразилась на формах и методах создания химических предприятий, самом характере форсированной модернизации. Строительство химических комбинатов часто проводилось спонтанно, без продуманной программы и технического обоснования, при слабой организации транспортной сети, отсутствии квалифицированных кадров. В этих условиях обычной практикой стало применение чрезвычайных мер, внеэкономическое принуждение к труду, насильственное перераспределение трудовых ресурсов, широкое использование труда заключенных.

Советская власть придавала большое значение руководству предприятиями химической отрасли, которые находились в ведении партийных (ЦК ВКП (б)) и хозяйственных (ВСНХ, СНК) органов, регулировавших развитие государственного, кооперативного и частного производства. Главной задачей партийных структур являлось общее руководство, расстановка кадров и идеологический контроль, тогда как аппарат ВСНХ разрабатывал нормы и планы развития химической промышленности, отвечал за организацию работы отдельных предприятий, согласовывал и объединял деятельность центральных и местных регулирующих учреждений.

С апреля 1923 года на место главной хозяйственной единицы в химической промышленности вышли тресты, осуществлявшие свою деятельность на основе хозрасчета [5: с. 133]. В задачу аппарата ВСНХ входило назначение и увольнение членов правления трестов, контроль над деятельностью ревизионных комиссий, утверждение инструкций по хозяйственно-экономической деятельности. Руководящие органы устанавливали для трестов планы

производства и проверяли их выполнение, отслеживали движение основных фондов. С переходом к нэпу тресты химической промышленности лишились государственной поддержки, самостоятельно заготавливали сырье и реализовывали на рынке свою продукцию [4: т. 1, с. 45]. В середине 1920-х годов в химической промышленности насчитывалось более 30 крупных трестов, в числе которых выделялись «Химуголь», «Уралхим», «Мосхимоснова», «Фосфатотук», «Лакокраска» и др. [11: т. 1, с. 152].

Несмотря на определенное смягчение методов руководства экономической жизнью страны в годы нэпа, в химической промышленности происходили непрерывные процессы централизации и концентрации производства, ужесточался контроль, повышалась ответственность директоров заводов и управленцев всех уровней. В середине 1920-х годов советское правительство решило вместо множества мелких трестов создать несколько крупных объединений, подчинив их ВСНХ СССР. Первым таким объединением стал образованный в 1924–1925 годах Северный химический трест, основу которого составляли предприятия уральской химии. Кроме них в состав нового треста входили «Фосфатотук», Бондюжский завод и ряд других мелких и средних производственных центров [2: с. 62]. Тенденцию укрупнения предприятий химии и ужесточения производственного контроля закрепил XIV съезд ВКП (б), состоявшийся в декабре 1925 года [6: с. 89]. Курс на индустриализацию предполагал техническое перевооружение предприятий химической отрасли под непосредственным руководством партийных и хозяйственных органов, пресекавших любые проявления хозяйственной и коммерческой инициативы.

В 1926 году в составе ВСНХ СССР было создано Главное управление химической промышленности, а в следующем 1927 году появились Химстрой и Химсиндикат. Главхим управлял непосредственно производственной деятельностью общесоюзных предприятий, регулировал и планировал работу республиканских и местных предприятий. Химстрой отвечал за техническое проектирование и капитальное строительство в отрасли, а Химсиндикат руководил сбытом продукции. Согласно принятому в декабре 1929 года постановлению ЦК ВКП (б) «О реорганизации управления промышленностью» руководящие органы получили право утверждать уставные фонды и промфинпланы химических трестов, контролировать их работу, руководить расстановкой кадров [7: с. 211].

Несмотря на практически полную монополизацию управления химической промышленностью, советское правительство учитывало мнение независимого экспертного сообщества в деле создания новых производственных мощностей и освоения ресурсов. В марте 1928 года большая группа ученых (37 человек) во главе с академиком А.Н. Бахом обратилась к руководству страны с запиской, в которой был разработан план химизации народного хозяйства СССР [15: с. 720–724]. Для рассмотрения предложений, изложенных в записке, была создана специальная правительственная комиссия во главе с видным деятелем партии, последовательным защитником идеи химизации

народного хозяйства Я.Э. Рудзутаком². Уже в апреле 1928 года правительство приняло постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства СССР» [12: с. 248–356; 10: с. 99]. При СНК СССР был образован Комитет по химизации народного хозяйства, который возглавил Я.Э. Рудзутак.

В исследуемый период химическая промышленность развивалась опережающими темпами по сравнению с другими отраслями индустрии. В числе факторов, определивших ускоренные темпы восстановления и развития химического производства, выделяются стремление руководства ВКП (б) догнать передовые в промышленном отношении страны, обеспечить военную безопасность СССР в условиях нарастания международной напряженности, необходимость подъема смежных отраслей народного хозяйства (производство минеральных удобрений, азотной и серной кислоты, аммиака и т. д.). В соответствии с решениями XIV съезда ВКП (б) началась масштабная реконструкция старых и строительство новых химических заводов, находившихся в постоянном фокусе внимания со стороны партийных и хозяйственных органов [21: с. 32]. Форсированные темпы строительства объясняются тем, что по уровню развития химической промышленности СССР намного отставал от передовых капиталистических стран. Серной кислоты на душу населения в СССР в 1925 году было произведено 0,8 кг, тогда как в Германии — 15,3, в Англии — 18,3, а в США — 54,8 кг (РГАЭ. Ф. 8348. Оп. 2. Д. 1. Л. 35). В Советской России отсутствовали важные отрасли химической промышленности, и руководство страны было вынуждено ввозить большое количество продуктов химии из-за границы. В 1925–1926 годы импорт химикатов составил 75 млн руб. [20: с. 30]. В отличие от капиталистических стран основным приоритетом индустриализации в СССР стало первоочередное развитие тяжелой промышленности группы «А». Новые химические предприятия размещались в стратегически важных местах с учетом близости сырьевых баз и наличия трудовых ресурсов. Важную роль при выборе места расположения играли соображения военной безопасности на случай нападения. На XVI конференции ВКП (б) В.В. Куйбышев подчеркивал, что строительная программа в области химии является наиболее сложной и трудной из всего строительного плана промышленности [19: с. 68]. По удельному весу нового строительства химическая промышленность занимала первое место среди ведущих отраслей тяжелой индустрии. В конце первой пятилетки на вновь построенных предприятиях планировалось выпускать 56,3 % продукции химической промышленности группы «А», тогда как в черной металлургии этот процент должен был составить 22,1, в цветной металлургии — 29,1, в машиностроении — 33, нефтяной промышленности — 39,7, электротехнической — 52 % [1: с. 243].

² Термин «химизация» возник в первые годы индустриализации по предложению Д.Н. Прянишникова и означал одно из направлений технического прогресса, характеризующее всемерное развитие современных видов химических производств, внедрение химических процессов во все отрасли народного хозяйства, наиболее полное, комплексное, рациональное использование вещества и энергии, обеспечиваемое химическими методами.

На первом месте по объему капиталовложений стояли Украина, Урал, Северо-Западный и Центральный промышленный район. При выборе места размещения предприятий учитывались не только запасы сырья и энергетические ресурсы, но и близость центров потребления химической продукции. Например, выбор Урала в качестве одного из центров химического производства определялся не только наличием огромных запасов сырья, крупных транспортных магистралей, но и близостью уже развитого металлургического и лесохимического производства, а также потребностью региона в минеральных удобрениях, кислотах, щелочах и других продуктах химической промышленности. Учитывалось и стратегическое положение Урала, призванного сыграть заметную роль в укреплении обороноспособности Советского государства. В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР отмечалось: «Как район, удаленный от границ, с весьма благоприятным составом продукции (черный металл, ответственные стали, цветные металлы, химикалии, древесина), Урал — естественная оборонная база СССР» [14: с. 180].

Приоритетным направлением развития промышленной химии в СССР являлось производство пороха, хлора, хлорпикрина, фосгена, прочих боевых газов и средств массового химического поражения. Такие выводы были сделаны из опыта Первой мировой войны и иностранной интервенции. Партийное руководство СССР ощущало себя в кольце капиталистического окружения и по этой причине не жалело сил и средств на развитие военной химии. И.В. Сталин неоднократно отмечал, что ведение современной войны требует ускоренного развития экономики, наличия гигантской индустрии, способной производить в массовых количествах различное вооружение, военную технику и снаряжение. Центральным вопросом стратегии для И.В. Сталина был вопрос ресурсов, главным образом нефти: «Воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне» [17: с. 139]. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), проходивший в августе 1927 года, в резолюции «О международном положении» отметил, что в странах капитала «наблюдается своеобразная военизация промышленности, поскольку на первый план все более продвигается химическая индустрия наряду с металлургией» [9: с. 464].

В исследуемый период в стране остро стояла проблема массовой неграмотности, препятствовавшей развитию сложного химического производства. Несмотря на усилия власти по массовому созданию школ и училищ, к началу первой пятилетки в основной химической промышленности СССР неграмотные составляли более 16 % рабочих [10: с. 314]. Основной формой подготовки квалифицированных рабочих кадров стали школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), созданные почти на всех стройках и предприятиях химии. Если в 1928–1929 годы в них обучалось 3370 учащихся, то в середине 1930 года — уже 20 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 5470. Оп. 13. Д. 183. Л. 41). Крупные школы ФЗУ создавались на специализированных предприятиях,

таких как Соликамский калийный комбинат, Охтинский химкомбинат, Магнитогорский коксохимический комбинат и др. Учащиеся совмещали обучение с трудовой практикой, осваивая новые технологии и сложное оборудование.

В начале 1930-х годов в контексте политики централизации управления промышленностью место главков и синдикатов заняли крупные отраслевые объединения («Всехимпром», «Союзуголь», «Сталь»), являвшиеся самостоятельными хозяйственными единицами, действовавшими по плановым заданиям ВСНХ. В химической промышленности наметился пересмотр подведомственности предприятий: наиболее крупные из них, в какой бы республике они ни находились, приравнивались к предприятиям общесоюзного значения и передавались в ведение общесоюзных органов. В распоряжении Всехимпрома были сосредоточены огромные материально-технические и финансовые ресурсы и средства, ранее находившиеся в ведении Главхима, Химстроя, Всесоюзного химического синдиката и ряда других организаций. В результате Всехимпром стал одним из крупнейших управлений ВСНХ СССР [18: с. 87].

В январе 1932 года непосредственное государственное управление химической промышленностью было передано Наркомтяжпрому, руководившему отраслью на всей территории СССР с помощью региональных комитетов, главных управлений и комиссий. В целях повышения эффективности управления химической отраслью в рамках Наркомтяжпрома помимо Главхима действовали отделы планирования, технические, производственные и иные подразделения, сбытовые конторы и иные вспомогательные структуры. К середине 1930-х годов была ликвидирована система совнархозов, трестов и синдикатов, а предприятия лишились права устанавливать цены, распоряжаться капиталовложениями и собственной продукцией. Чрезмерная централизация государственного управления отраслью не может быть оценена однозначно: с одной стороны, она позволяла оперативно решать масштабные государственные задачи по строительству новых заводов и их техническому оснащению, а с другой — громоздкая система управленческих структур препятствовала эффективно распределению средств и трудовых ресурсов на местах. Для преодоления данного противоречия во второй половине 1930-х годов началась перестройка руководства отраслью по производственно-территориальному принципу.

Стратегия промышленного развития СССР предполагала наращивание темпов развития химической индустрии, превращения ее в одну из ведущих отраслей отечественной экономики. Если во всей промышленности СССР в начале 1930-х годов капиталовложения увеличились примерно в 4 раза, то в химической — почти в 7 раз. Из общей суммы капиталовложений 1367,1 млн руб. большая часть (1207,2 млн руб.) направлялась на развитие тяжелой химии. Причем 819,8 млн руб. предполагалось вложить в основную химию, главным образом в производство минеральных удобрений [13: с. 190]. В связи с этим председатель Госплана СССР Т.М. Кржижановский на XVI конференции говорил, что «мы поднимаем наиболее отсталое звено нашей промышленности — химию и средства

этой химии прежде всего бросаем в наиболее узкое место народного хозяйства в целом — в наше сельское хозяйство» [19: с. 30]. Планом первой пятилетки были предусмотрены также значительные вложения в коксобензольную, лакокрасочную, анилинокрасочную, лесохимическую и другие отрасли химической промышленности группы «А». К этой же группе была отнесена промышленность искусственного волокна, на создание которой планировалось израсходовать почти столько же (156 млн. руб.), сколько и на всю химию группы «Б» (159,9 млн руб.) [13: с. 190].

При создании новых промышленных предприятий руководящим органам приходилось преодолевать серьезные трудности. Темпы строительства часто задерживались из-за нехватки цемента, кирпича, леса и других материалов. В ряде случаев оборудование для строящихся и реконструируемых предприятий химии приходилось закупать за границей. Заводы испытывали острый недостаток в инженерно-технических и рабочих кадрах. Так, для выполнения плана строительных работ по сооружению апатитового рудника в Хибинах в июле 1930 года требовалось 7740 рабочих, а было всего 2052 человека (РГАЭ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 236. Л. 41). На стройки и предприятия страны прибывали тысячи бывших крестьян, не имевших специальности и не знакомых с производственной дисциплиной. В поисках лучшего заработка они часто меняли место работы, иногда с началом полевых работ возвращались в деревню. Несмотря на трудности, намеченная партией программа ускоренных темпов развития химической промышленности в годы первой пятилетки в основном была выполнена. Выступая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 года И.В. Сталин отметил: «У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь» [17: с. 178].

Во второй пятилетке руководство страны поставило задачу значительно расширения сырьевой базы химического производства, его комбинирования с черной и цветной металлургией, коксовой промышленностью. Помимо масштабного капитального строительства, планировалось осуществить техническую реконструкцию уже построенных заводов, добиться роста выпуска продукции и улучшения ее качества [4: с. 458]. Планом второй пятилетки предусматривалось первоочередное развитие тех отраслей химической индустрии, в продукции которых особенно нуждалось народное хозяйство страны. К числу таких отраслей относилась прежде всего промышленность минеральных удобрений, которая должна была увеличить свое производство в 10 раз. Особенно высокие темпы развития демонстрировала азотнотуковая промышленность (выпуск продукции в 1937 году возрос по сравнению с 1932 годом почти в 55 раз) (РГАЭ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 76. Л. 4–11). Увеличилась мощность аммиачных установок, возросло производство суперфосфата (с 800 тыс. т в 1933 году до 2 млн 270 тыс. т в 1937 году), ускоренными темпами шла добыча калийных солей (рост за пятилетку с 500 тыс. т до 1 млн 500 тыс. т) (РГАЭ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 76. Л. 38). Активно развивались новые отрасли химической промышленности, главным образом производство синтетического каучука и пластмасс.

В 1930-е годы в СССР на новый уровень развития вышло химическое машиностроение, было налажено собственное производство компрессоров высокого давления, турбокомпрессоров для контактных серноокислотных систем, крупных центрифуг, вакуумных аппаратов для концентрации растворов едкого натра, колонн для синтеза аммиака и других специальных агрегатов и установок. К середине 1930-х годов на предприятиях химии большая часть оборудования была отечественного производства. На некоторых химических комбинатах строились собственные машиностроительные заводы и цеха. В составе Бобриковского энергохимического комбината находился ремонтно-механический завод, ставший фактически предприятием химического машиностроения. В Березниках был построен механический городок, состоявший из целого комплекса заводов и цехов. В целях снабжения химических предприятий электроэнергией создавались новые энергетические установки и электростанции. Например, в Бобриках кроме ТЭЦ удалось в короткие сроки создать электростанцию, по мощности равную Днепрогэсу [13]. Мощная ТЭЦ входила в систему Березниковского химкомбината. На Кольском полуострове появился новый Северный энергетический узел [8: с. 360].

За годы первых пятилеток развитие химической промышленности достигло такого уровня, что управлять ей из одного центра — Наркомата тяжелой промышленности СССР — стало невозможно. В этой связи Указом Президиума Верховного совета СССР от 24 января 1939 года Наркомтяжпром был разделен на шесть самостоятельных наркоматов, в числе которых появился Народный комиссариат химической промышленности [16: с. 179]. Структура управления химической промышленностью была определена Положением о Наркомхимпроме, утвержденным СНК СССР в сентябре 1939 года. В состав наркомата были включены девять отраслей химической промышленности: основная, азотная, горно-химическая, лакокрасочная, анилинокрасочная, водобромная, резиновая, каучуковая и промышленность пластмасс. Производства, имеющие к химии косвенное отношение (стекольное, фарфоровое, спичечное) были выведены из сферы управления химической промышленности.

Партийные органы ВКП (б) в системе управления выполняли далеко не только руководящие функции первого ранга, но и обеспечивали множество горизонтальных связей между предприятиями. Присутствуя в химической отрасли множеством ячеек и организаций, находясь в центре происходящих процессов, партия, помимо выполнения идеологической работы, часто обеспечивала оперативное решение широкого спектра хозяйственных задач. Наличие в отрасли дублирующих структур управления и контроля позволяло высшему руководству страны координировать производственные процессы, получать больше оперативной информации о деятельности отдельных предприятий, мобильно распределять ресурсы и контролировать хозяйственных управленцев на местах. Такая управленческая система показала отличную для своего времени эффективность, позволила в итоге многократно увеличить объемы выпускаемой химической продукции.

Итогом первых двух пятилеток стало создание в СССР мощной и современной на тот момент химической промышленности. В различных регионах страны были созданы целые промышленные районы, включавшие десятки новых предприятий. Многократно возросли объемы производимой химической продукции, расширилась ее номенклатура. Задачи ускоренной индустриализации в химическом производстве в целом были выполнены, причем некоторые из них решены досрочно. Стратегический замысел правительства СССР оправдался: химическая промышленность не только дала стране широкий перечень современной продукции, но и сыграла роль катализатора в создании и развитии смежных индустрий. Положительным итогом разветвления химического строительства стал рост индустрии стройматериалов, возникновение большого числа кирпичных, цементных и иных предприятий, продукция которых использовалась для возведения не только промышленных объектов, но и новых городов.

Несмотря на все трудности и противоречия, система управления химической промышленностью успешно прошла проверку на наиболее сложном этапе становления химического производства в СССР. Лучшим показателем эффективности ее работы стало создание сети современных высокотехнологичных промышленных предприятий по производству огромного перечня химических продуктов — кислот, солей, синтетических материалов, химических реактивов, удобрений и другой продукции. Структура управления химической промышленностью соответствовала принятым в СССР управленческим стандартам. Ей были свойственны жесткая централизация административной системы, быстрое доведение указаний вышестоящих органов до руководства конкретных предприятий, непрерывный контроль их выполнения и высокая ответственность за принятые на всех уровнях решения. Вертикально-интегрированная структура дополнялась множеством гибких горизонтальных связей и пронизывала всю отрасль вплоть до отдельных цехов на химических заводах.

Международная изоляция СССР не помешала руководству страны изыскать возможности для широкого привлечения иностранных специалистов, раскрывших новые технологические возможности химического производства. К концу исследуемого периода химическая промышленность СССР опиралась на собственные квалифицированные кадры, подготовленные в созданной за короткое время сети специализированных учебных заведений. Недостатки материального обеспечения рабочих, методы внеэкономического принуждения к труду, репрессивная практика, жесткий государственный контроль над развитием отрасли (осуждаемые в постсоветской историографии) во многом являлись вынужденными мерами, обусловленными спецификой развития СССР в условиях неблагоприятной международной обстановки, приближавшейся войны, а также осознанной необходимостью сохранения любой ценой экономической самостоятельности и суверенитета страны.

Литература

1. *Блинков Б.С.* Первая пятилетка большой химии // Журнал химической промышленности. 1926. № 5. С. 240–250.
2. *Блинков Б.С.* Химическая промышленность СССР. Экономический очерк. М.; Л.: Госхимтехиздат, 1932. 142 с.
3. *Вольф Ф.Ф.* Основная химическая промышленность Урала в прошлом и настоящем: статистически-исторический очерк с 20 рисунками и 15 диаграммами в тексте. Свердловск: Изд. Уралхим, 1924. VIII, 73 с.
4. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М.: Госплан СССР, 1934. 458 с.
5. Декрет ВЦИК «О местных трестах» // Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг.: сборник документов / ред. В.З. Дробижев. М.: Экономика, 1968. 238 с.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1957 гг.: сб. док. 1929–1957 годы / сост. В.Н. Калинин, В. Коробов. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. 888 с.
7. Директивы ВКП (б) по хозяйственным вопросам [1919–1931 г.] / М. Савельев, А. Поскребышев. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. 890 с.
8. История КПСС: в 6 т. Т. 4. Кн. 2. М.: Политиздат, 1971. 607 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 8-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1970–1984. Т. 3. 552 с.
10. *Лельчук В.С.* Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации. М.: Наука, 1964. 383 с.
11. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1956. 644 с.
12. Материалы I Всесоюзного съезда по вопросам химической промышленности. М., 1930. 446 с.
13. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. М.: Плановое хозяйство, 1930. 904 с.
14. Пятилетний план народно-хозяйственного развития СССР. Т. 3. М.: Плановое хозяйство, 1930. 608 с.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1917–1967 гг.: сб. документов за 50 лет: в 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 783 с.
16. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1956) / под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.
17. *Сталин И.В.* Сочинения: в 18 т. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1952. 422 с.
18. *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.
19. XVI конференция ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1962. 30 с.
20. *Юлин А.И.* Советская химическая промышленность. Л.: Науч. хим.-техн. изд. НТУ ВСНХ, 1928. 48 с.
21. XIV съезд ВКП (б): стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с.

Literatura

1. *Blinkov B.S.* Pervaya pyatiletka bol'shoj khimii // Zhurnal khimicheskoy promy'shlennosti. 1926. № 5. S. 240–250.
2. *Blinkov B.S.* Khimicheskaya promy'shlennost' SSSR. E'konomicheskij ocherk. M.; L.: Gosximtexizdat, 1932. 142 s.
3. *Vol'f F.F.* Osnovnaya khimicheskaya promy'shlennost' Urala v proshlom i nastoyashhem: statisticheski-istoricheskij ocherk s 20 risunkami i 15 diagrammami v tekste. Sverdlovsk: Izd. Uralxim, 1924. VIII, 73 s.
4. Vtoroj pyatiletnij plan razvitiya narodnogo khozyajstva SSSR (1933–1937 gg.). T. 1. M.: Gosplan SSSR, 1934. 458 s.
5. Dekret VCIK «O mestny'x trestax» // Upravlenie narodny'm khozyajstvom SSSR. 1917–1940 gg.: sbornik dokumentov / red. V.Z. Drobizhev. M.: E'konomika, 1968. 238 s.
6. Direktivy' KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyajstvenny'm voprosam, 1917–1957 gg.: sb. dok. 1929–1957 gody' / sost. V.N. Malinin, V. Korobov. T. 2. M.: Gospolitizdat, 1957. 888 s.
7. Direktivy' VKP (b) po khozyajstvenny'm voprosam [1919–1931 g.] / M. Savel'ev, A. Poskreby'shev. M.; L.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izd-vo, 1931. 890 s.
8. Istoriya KPSS: v 6 t. T. 4. Kn. 2. M.: Politizdat, 1971. 607 s.
9. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyax i resheniyax s'ezdov, konferencij i plenumov CK / Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS. 8-e izd., ispr. i dop. M.: Politizdat, 1970–1984. T. 3. 552 s.
10. *Lel'chuk V.S.* Sozdanie khimicheskoy promy'shlennosti SSSR. Iz istorii socialistichekoy industrializacii. M.: Nauka, 1964. 383 s.
11. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR: v 3 t. M.: Gospolitizdat, 1956. 644 s.
12. Materialy' I Vsesoyuznogo s'ezda po voprosam khimicheskoy promy'shlennosti. M., 1930. 446 s.
13. Pyatiletnij plan narodno-khozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. T. 2. Ch. 1. M.: Planovoe khozyajstvo, 1930. 904 s.
14. Pyatiletnij plan narodno-khozyajstvennogo razvitiya SSSR. T. 3. M.: Planovoe khozyajstvo, 1930. 608 s.
15. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvenny'm voprosam 1917–1967 gg.: sb. dokumentov za 50 let: v 5 t. T. 1. M.: Politizdat, 1967. 783 s.
16. Sbornik Zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR (1938–1956) / pod red. Yu.I. Mandel'shtam. M.: Gosyurizdat, 1956. 500 s.
17. *Stalin I.V.* Sochineniya: v 18 t. T. 13. M.: Gospolitizdat, 1952. 422 s.
18. *Xlevnyuk O.V.* Khozyain: Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury'. M.: ROSSPE'N, 2010. 478 s.
19. XVI konferenciya VKP (b). Stenograficheskij otchet. M., 1962. 30 s.
20. *Yulin A.I.* Sovetskaya khimicheskaya promy'shlennost'. L.: Nauch. xim.-texn. izd. NTU VSNX, 1928. 48 s.
21. XIV s'ezd VKP (b): stenograficheskij otchet. M.; L.: Gosizdat, 1926. 1029 s.

I.R. Bagashvili

**The Development of the Chemical Industry of the USSR
during the Prewar Years**

The article presents the author's approach to the analysis of state policy for the development of the chemical industry of the USSR in the 1930s. This approach consists in comparison of its original plan and the results of practical implementation. The conducted analysis allowed the author to draw a conclusion that the line of policy of the Soviet state met the national interests, strategic objectives of development of the country, helped to strengthen the defense capabilities of the Soviet Union.

Keywords: industrialization; chemical industry; state policy; technology; industrial enterprise.

Ф.А. Михайловский

К вопросу о реально-правовом значении трибунской власти Августа

Статья посвящена изучению свидетельств об использовании трибунских прерогатив Августом и его преемниками. Автор считает, что трибунская власть принцепса имела не только идеологическое, но и реально-правовое значение.

Ключевые слова: трибунская власть, принципат Августа.

Для правового оформления своего господствующего положения в государстве Октавиан Август использовал два магистратских компонента власти: империй и трибунскую власть. В 23 г. до н. э. он отказался от консульства и принял вместо этого трибунскую власть. При этом Август сохранил за собой империй, поскольку еще в 27 г. до н. э. получил под свое управление несколько провинций (в научной литературе этот империй принято называть «проконсульским»). Соединение проконсульского империя и трибунской власти было необычным в государственно-правовом отношении: «изобретением» Августа, по выражению А.Г. Рооса [10: с. 675]; «новой и особой формой», по выражению Д. Тимпе [12: с. 7]; по существу, это соединение и стало формулой императорской власти на весь период раннего принципата.

Оценивая оба компонента императорской власти, исследователи ставят акцент на большом идеологическом значении трибунской власти, так сказать, маскировавшей империй, который в свою очередь имел реально-правовое значение и служил основной опорой правителю [3: с. 94–97]. Такая оценка двух компонентов власти принцепса во многом вызвана тем бесспорным обстоятельством, что именно армия служила главной опорой режима. Но в определенной мере — также и невысокой оценкой компетенции и конституционных возможностей трибунской власти. Например, Э.Т. Сэлмон рассматривал получение Августом в 22 г. до н. э. права созывать по своему усмотрению сенат, в 19 г. до н. э. знаков консульской власти, в 8 г. до н. э. специальных полномочий (ценз на основе консульского империя), в 5 и 2 гг. до н. э. консульства как показатель недостаточности прерогатив трибунской власти [11: р. 471, 473–474, 478].

Можно согласиться с Э.Т. Салмоном относительно конституционного дополнения 22 г. до н. э., о котором сообщает Дион Кассий (Dio., LIV, 3, 3). Дело в том, что, как указывает Варрон у Авла Геллия, консулы и преторы обладали по сравнению с плебейскими трибунами преимущественным правом на созыв сената (Aul. Gell., XIV, 7, 4). Может быть, именно в связи с этим потребовалось предоставить принцепсу особое право. Однако дополнения 19 и 8 гг. до н. э., как и консульства (не на полный срок) в 5 и 2 гг. до н. э., скорее, имеют отношение к характеристике другого компонента императорской власти — империя. Этот империй, как и трибунская власть, был принят без магистратуры, он тоже был властью без должности, так что не трибунской власти недоставало каких-то прерогатив, а самому Августу недоставало магистратского статуса.

Более важный аргумент состоит в том, что источники сообщают очень немногое о применении Августом трибунской власти. Действительно, в источниках об этом содержится так мало сведений или же они настолько неопределенны, что на их основе оказывается возможным говорить как о незначительности реально-правового содержания трибунской власти, так и прямо противоположное. Так, концепция М. Гранта об использовании трибунской власти Августом в качестве формальной базы для проведения его *auctoritas* в сенате, результатом чего были многочисленные сенатские постановления [3: с. 93; 7], не противоречит данным источников. Но, по крайней мере, неизвестно, использовалась ли трибунская власть для того, чтобы послать проконсула на Кипр (ILS, 915) или учредить новые должности, которые формально учреждались декретом сената, но инициатива их учреждения исходила от самого Августа (Dio., LIV, 1, 4; Suet., Aug., 37).

К тому же имеются случаи, когда сенатское постановление выносилось явно без использования трибунской власти (Ed. Cug., V) или когда *auctoritas* Августа использовалась помимо сената и независимо от какого-либо формального действия (Ed. Cug., I). Кроме того, в более поздние времена сенатские постановления проводились «*auctore principe*» (ILS, 983), «*auctore imperatore*» (ILS, 986), «*auctore divo Claudio*» (ILS, 6043).

Трудно сказать, использовалась ли в некоторых из подобных случаев трибунская власть, но есть и прямые указания источников о действительном использовании трибунской власти, хотя их немного. Однако эти свидетельства трактуют различно.

Самое важное среди них — это указание самого Августа, что на основании трибунской власти он проводил в 19, 18 и 11 гг. до н. э. законы, реформировавшие семейную жизнь: «...то, что тогда сенат через меня совершить пожелал, я выполнил, пользуясь трибунской властью» (R. g., 6, 2). Н.А. Машкин считал, что «это заявление Августа опровергают данные Светония (Aug., 27) и Диона Кассия (Dio., 54, 10; 54, 30)» [1: с. 394, сн. 80]. Но, как принято считать, Август мог быть избранным «надзирателем над законами и нравами», но законы о нравственности провести на основании трибунской власти [5: р. 433, n. 116].

Утверждение самого Августа, безусловно, предпочтительнее, тем более что Светоний в указанном месте сообщает не о проведении законов о нравственности (об этом речь идет в другом месте сочинения — Suet. Aug., 34, 1), а о проведении переписи населения: «...в силу этого полномочия (надзора за нравами и законами. — *Ф. М.*) он три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один» (Suet. Aug., 27, 5; перевод М.Л. Гаспарова). Однако Светоний допустил здесь неточность: перепись населения Август производил, пользуясь консульской властью, как он сам об этом подробно сообщает (R.G., 8, 2–4) в 28 г. до н. э. (с Агриппой), в 8 г. до н. э. (один) и в 14 г. н. э. (с Тиберием).

А.Х.М. Джонс верно заметил, что Августу едва ли было необходимо самому проводить свои законопроекты, поскольку он вполне мог использовать для этого консулов и действительно в ряде случаев использовал их. Но ученый едва ли обоснованно считает свое наблюдение доказательством ненужности трибунских конституционных прерогатив. Аналогичным образом он рассуждает также о *ius consulendi senatus* [9: p. 10–11]. Но трибунская власть не сводилась только к этим двум правам, хотя при желании то же рассуждение можно было бы отнести и к остальным трибунским прерогативам, найдя замену даже трибунскому «вето». Наблюдение А.Х.М. Джонса, напротив, объясняет, почему трибунских законов самого Августа немного, но тем важнее становится факт их существования.

Кроме того, источники содержат сведения о применении трибунских прерогатив преемниками Августа. Во-первых, это свидетельство Тацита о том, что после его смерти Тиберий созвал сенат на основании своей трибунской власти (Tac. Ann., I, 7). По мнению А.Х.М. Джонса, это было всего лишь демонстрацией со стороны Тиберия того, что он пользуется этой властью. «А это, наверняка, подразумевает, что Август обыкновенно не использовал ее», — заключает А.Х.М. Джонс [9: p. 11]. Он, таким образом, из одного произвольного предположения выводит другое такое же. Дж. Чилвер рассматривает это место у Тацита как доказательство того, что формальное использование трибунской власти для созыва сената имело место только в исключительных случаях [5: p. 434].

Однако при отказе в 23 г. до н. э. от консульства Август, конечно, не мог остаться без права на созыв сената, на изложение в сенате различных вопросов и председательствования на заседаниях — и не только для исключительных обстоятельств. Эти прерогативы были трибунскими, но, кроме того, по сообщению Диона, сенат «предоставил ему право делать доклад на каждом заседании сената, по любому вопросу и в любое время, когда он пожелает, даже не будучи консулом» (Dio., LIII, 32, 5; перевод А.В. Махлаюка). Взаимодействие принцепса и сената было крайне важным в деле управления государством.

Из закона об империи Веспасиана (ILS, 244) следует, что сенат мог созываться принцепсами тремя способами. Во-первых, *ex iussu eius*, т. е. по прямой инициативе принцепса. Во-вторых, *ex mandatu eius*, т. е. путем поручения

другому магистрату. И, в-третьих, *ex voluntato auctoritateve... eius*, т. е. «согласно его воле и авторитету». П. де Франчиши, который вслед за А. Премерштейном исследовал эти три возможных варианта, согласился с немецким ученым, что первый из них основан на трибунской власти. Третий вариант, по мнению А. Премерштейна, основан на *auctoritas*, что П. де Франчиши считает незаконным, но возможным. Он высказывает предположение, что третья формула документа связана с предоставлением Августу в 22 г. до н. э. права созывать сенат когда угодно и по какому угодно случаю [6: р. 57], о котором говорилось выше.

По-видимому, у трибунов не было права созывать сенат когда угодно и по любому поводу [11: р. 469], но сомнительно, чтобы это право было связано с *auctoritas*, которая не имела легального значения, по крайней мере, при Августе [1: с. 384–389; 11: р. 459–460]. Третий вариант созыва сената, упоминаемый законом об империи Веспасиана, действительно мог иметь в виду *auctoritas*, но он не может иметь отношения к закону 22 г. до н. э. Слова «*ex voluntato auctoritateve eius*» взяты из третьей клаузулы (строки 7–9) документа, а она как раз не содержит ссылки на прежних императоров. Можно предположить, что в 22 г. до н. э. было просто сделано дополнение соответствующего трибунского права. Это понятнее с формальной стороны, чем установление новой, самостоятельной прерогативы, которая к тому же делала ненужным уже имевшееся трибунское право.

Созыв сената Тиберием имел место действительно в особой ситуации. Но дело не в том, что трибунская власть годилась только для исключительных обстоятельств, как указывал Дж. Чилвер. Если трибунская власть принцепса (значит, и его соправителя) с 22 г. до н. э. включала в себя первоочередное право созывать сенат в любое время и по любому поводу, то использование ее Тиберием вполне естественно. Если же в 22 г. до н. э. для Августа все же было установлено отдельное право созыва сената, то и тогда у Тиберия просто не было выбора, на основании какой власти созывать сенат. Для него не проводился закон, подобный закону 22 г. до н. э., и он не обладал *auctoritas* Августа.

В источниках имеются также сведения об апелляции римских граждан и провинциалов к суду Августа. Об этом сообщает Светоний (Aug., 33, 3), кроме того, из второго эдикта из Кирены известно, что проконсул Крита и Киренаики направил двух римских граждан и одного вольноотпущенного в Рим, чтобы Август сам разобрался в их деле (Ed. Суг., II). Из «Деяний апостолов» известен случай апелляции римского гражданина (апостола Павла) к суду императора (Acta Apost., 22; 25). Юрисдикцию императора в этих случаях обыкновенно связывают с империем, а не с трибунской властью [1: с. 404–405; 4: р. 12], хотя соответствующие прерогативы имела именно последняя. Народные трибуны обладали юрисдикцией уже в ранний период, по крайней мере, после децемвирата. Их юрисдикция постепенно развилась из права помощи, и право апелляции самым тесным образом связано с возникновением и развитием трибунской власти. Нет ничего

невозможного в том, что в указанных случаях имелась в виду именно трибунская власть. Подтверждение тому — использование Тиберием на Родосе трибунской власти для ареста и отдания под суд, о чем сообщает Светоний (Suet. Tib., 11, 3). Этот пример является очевидным даже для тех исследователей, кто в целом связывает юрисдикцию императоров с империем [4: p. 12].

Известны также примеры применения принцепсами после Августа трибунского права интерцессии: Тиберием (Tac. Ann., II, 70), Клавдием (Dio., 60, 4, 5) и Нероном (Tac. Ann., XIV, 48; XVI, 11). Правда, в первых двух случаях в источниках нет упоминания трибунской власти, хотя ее можно здесь предполагать. Зато определенно сообщается, что Нерон дважды использовал трибунское право на интерцессию.

Конечно, примеров применения императорами трибунского вето немного, но следует принять во внимание, что обычно предложения не излагались перед сенатом прежде, чем их одобрял император, а если все же такие предложения выносились на обсуждение, они могли быть отклонены просто выражением мнения императора, без формального использования вето, и соответствующий пример также встречается у Тацита (Ann., III, 52–55).

В источниках, таким образом, имеются сведения об использовании трибунской власти как Августом, так и последующими императорами, причем о применении основных ее прерогатив. Из них самым важным было право на интерцессию. Дело в том, что режим Августа должен был обеспечить еще одно, не менее важное, чем законодательство, условие: устранить всякую возможность легальной, конституционной борьбы против новой власти. Трибунское вето было как раз таким оружием, значение которого следует видеть не только в случаях практического применения, но и в потенциальных возможностях.

Формально то же оружие оставалось у коллегии плебейских трибунов, сохранившейся при принципате в числе других магистратур. Но фактическая беспомощность трибуната общеизвестна. При Августе трибунат лишился как практического значения, так и престижности. Бывали годы, когда не доставало кандидатов в трибуны (Dio., LIV, 26, 7; 30, 2; LVI, 27, 1). Принятие Августом в 23 г. до н. э. полной трибунской власти, таким образом, как бы устранило трибунат, чьи прерогативы могли быть опасными для нового режима.

Право представлять народ и защищать его интересы взяли на себя императоры. Слова Диона о том, что Август пользовался трибунской властью, но трибуном не был (Dio., 53, 32, 6), показывают, что он не считался магистратом, а значит, и коллегой трибунов, и вето последних на него не распространялось. Но зато трибунское вето самого Августа было едва ли не абсолютным, как в последующем вето других императоров. Как пишет Дион Кассий, «так называемая трибунская власть, которую прежде получали лица, снискавшие немалую известность, дает им возможность запретить действие любого другого должностного лица, если они с ним не согласны, и защитить себя

от оскорблений, ибо если, по их мнению, им причинена хоть самая ничтожная обида не только делом, но и словом, они имеют право убить обидчика без суда, как святотатца» (Dio., 53, 17, 9; перевод А.В. Махлаюка).

Была, наконец, еще одна практическая, реально-правовая необходимость в трибунской власти. Дело в том, что характерной чертой монархии является передача верховной власти по наследству, но принципат, согласно официальной пропаганде, был «восстановленной республикой», а потому нуждался не только в государственном оформлении власти правителя, но и в оформлении передачи власти. В этом отношении ничто другое не имело такого значения, как государственно-правовые элементы императорской власти, а единственным легальным способом ее передачи преемнику становилось соправление (подробнее: [2]). При этом именно трибунская власть играла особую роль. Август, по его собственным словам, пять раз просил и получал от сената коллегу по трибунской власти (R. g., 6, 2). Следует отметить, что его коллегами каждый раз становились только предполагавшиеся наследники. Созыв Тиберием сената после смерти Августа как раз показывает, что трибунская власть преемника была достаточной, чтобы обеспечить конституционное оформление нового принципата.

Литература

1. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР, 1949. 687 с.
2. *Михайловский Ф.А.* Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принципсов // «Древнее право. IVS ANTIQVVM». 1996. № 1. С. 129–134.
3. *Михайловский Ф.А.* Магистратские компоненты власти Августа в зарубежной историографии // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2009. № 1 (3). С. 88–100.
4. *Brunt P.A., Moore J.M.* The achievements of the Divine Augustus. Oxford: Oxford University Press, 1967. 90 p.
5. *Chilver G.E.F.* Augustus and the roman constitution 1939–50 // *Historia*, Wiesbaden, 1950, B. 1, 3. P. 408–435.
6. *Francisci P. De.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1941. 114 p.
7. *Grant M.* From imperium to Auctoritas. A historical study to aes coinage in the Roman empire 49 b. c.–a. d. 14. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. XVII, 510 p.
8. *Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. New York: Published by Russell and Russell, 1968. X, 341 p.
9. *Jones A.H.M.* Studies in Roman government and law. New York: 1968. VIII, 243 p.
10. *Roos A.G.* De verleening van tribunicische bevoegdheden aan Caesar en Augustus // *Med. der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*. 1941. N. s. IV. № 16. S. 675–695.
11. *Salmon E.T.* The evolution of Augustus' principate // *Historia*. Wiesbaden, 1956. B. V. H. 4. P. 456–478.
12. *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuitat des fruhen Prinzipats // *Historia*. Wiesbaden, 1962. H. 5. Einzelschriften. 133 s.

Literatura

1. *Mashkin N.A.* Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost'. M.; L.: AN SSSR, 1949. 687 s.
2. *Mixajlovskij F.A.* Rol' tribunskix polnomochij pri peredache vlasti v period pervy'x princepsov // «Drevnee pravo. IVS ANTIQVVM». 1996. № 1. S. 129–134.
3. *Mixajlovskij F.A.* Magistratskie komponenty' vlasti Avgusta v zarubezhnoj istoriografii // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2009. № 1 (3). S. 88–100.
4. *Brunt P.A., Moore J.M.* The achievements of the Divine Augustus. Oxford: Oxford University Press, 1967. 90 p.
5. *Chilver G.E.F.* Augustus and the roman constitution 1939–50 // Historia, Wiesbaden, 1950, B. 1, 3. P. 408–435.
6. *Francisci P. De.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma: Reale Accademia d'Italia, 1941. 114 p.
7. *Grant M.* From imperium to Auctoritas. A historical study to aes coinage in the Roman empire 49 b. c.–a. d. 14. Cambridge: Cambridge University Press, 1946. XVII, 510 p.
8. *Hammond M.* The Augustan principate in theory and practice during the Julio-Claudian period. New York: Published by Russell and Russell, 1968. X, 341 p.
9. *Jones A.H.M.* Studies in Roman government and law. New York: 1968. VIII, 243 p.
10. *Roos A.G.* De verleening van tribunicische bevoegdheden aan Caesar en Augustus // Med. der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. 1941. N. s. IV. № 16. S. 675–695.
11. *Salmon E.T.* The evolution of Augustus' principate // Historia. Wiesbaden, 1956. B. V. H. 4. P. 456–478.
12. *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuitat des fruhen Prinzipats // Historia. Wiesbaden, 1962. H. 5. Einzelschriften. 133 s.

F.A. Mikhailovsky

**On the Problem of the Real and Legal Importance
of the Tribunician Power of Augustus**

The article is devoted to investigation of evidences about use of tribunician prerogatives by Augustus and his successors. The author considers that tribunician power of princeps had not only ideological but also real and legal importance.

Keywords: tribunician power; principate of Augustus.

А.А. Войтенко

Церковнославянское Похвальное слово св. Онуфрию Великому

Статья посвящена одному неизданному и неизученному церковнославянскому памятнику — анонимному Похвальному слову св. Онуфрию Великому, которое содержится во всех трех списках Великих четьих миней митрополита Макария под 12 июня. Автор подробно анализирует содержание памятника, его основные идеи, риторические приемы, использованные в нем, проблему языка оригинала и делает предположения о его возможной датировке.

Ключевые слова: славяно-византийские связи; древнерусская литература; св. Онуфрий Великий.

На сегодняшний день нами обнаружено три проповеди, имеющие так или иначе отношение к почитанию св. Онуфрия в разное время и в разных регионах христианского мира: проповедь на саидском диалекте коптского языка, принадлежащая перу епископа г. Коптос (Кифт) Писентию (нач. VII в.), проповедь на греческом, которая сохранилась в сборнике гомилий Филагата из Черами (XII в.), и, наконец, анонимное похвальное слово на церковнославянском, которое находится в Великих четьях минеях митрополита Макария (далее — ВЧМ) под 12 июня. Все три проповеди отличаются друг от друга не только по языку, месту и времени создания, но и по характеру. Проповедь Писентия предназначена для мирян и по большей части представляет собой нравоучительный текст, проповедь Филагата — это экзегеза на слова Писания (Мф. 11: 27–28), св. Онуфрий упоминается там только потому, что произнесена она была в день его памяти. Скорее всего, Филагат также проповедовал в обычном приходе. Наконец, Слово, находящееся в ВЧМ, предназначено для монахов и представляет собой похвалу святому в собственном смысле слова.

Во всех трех списках ВЧМ Похвальное слово св. Онуфрию расположено после Жития св. Онуфрия (ГИМ. Син. 995. Л. 173–177; ГИМ. Син. 181. Л. 223–228; РНБ. Соф. 1322. Л. 119 об.–122 об.) и имеет заглавие: «Слво похвал(ь)но и пол(ь)зы исполнено д(у)шевныа и въспоманутиѣ подвигъ великы(х) достохвал(ь)наго w(т)ца нашего пр(е)п(одо)бнагw Аноуфрїа Великаго егѳпетскыа поустыни жителя прочитаемо дн(ес)ь на с(вя)тоую памать егw» (здесь и далее текст будет дан по рукописи ГИМ. Син. 995). Кто является автором данного Слова, не указано. Никаких иных данных об этом тексте нам

обнаружить пока не удалось. Затруднительно сказать также, составлено ли оно на церковнославянском или это – перевод с греческого. Всю информацию о нем пока можно почерпнуть только из его внутреннего анализа.

Свою аудиторию автор Слова называет «любимой братией», а место и время его произнесения обозначает в одном из своих славословий: «помани насъ дн(ес)ь въ твою с(вя)тоую память пре(д)стоащи(х) въ твоємъ храмѣ» (ГИМ. Син. 995. Л. 176 об. Стб. 1). Нет сомнений в том, что автор Слова был знаком с пространным Житием св. Онуфрия, причем в его самом раннем варианте, редакции типа I [1: с. 39–40]. В своем Слове он сообщает некоторые подробности текста, которые содержатся только там: он упоминает о «первом часе тысячи лет», замененной почти во всех иных редакциях на более общие выражения, о том, что следует «оубогаго накормити» (Л. 176 об., Стб. 1) во имя святого или прочесть молитву «Отче Наш» до «Аминь». Две последние детали встречаются только в типе I, во всех других известных нам редакциях они отсутствуют [1].

Автор Слова не скрывает своего основного намерения — прославления святого подвижника всеми доступными ему средствами: «и память достохвалимого пр(е)п(одоб)наго сего поустыннаго гражанина агг(е)ла въ плвти соуща съ веселіемъ и радостію мнвгою оубл(а)жимъ всакыми риторскими плетеніи» (Л. 175 об., Стб. 1–2). Основной мотив данного слова — противопоставление суровых, аскетических подвигов св. Онуфрия на земле и того светозарного жития на небесах, которого он удостоился.

По своей форме Слово сильно напоминает акафист, а несколько предложений в конце текста, начинающихся со слова «радуйся», либо подражают хайре-тизмам, либо являются прямым заимствованием из неизвестной нам службы святому. Вопрос о том, является ли этот текст оригинальным произведением или переводом с греческого, остается открытым. В пользу первого может свидетельствовать, например, встречающееся в тексте выражение «князь и бояре», а также подробное изложение завещания св. Онуфрия с упоминанием «первого часа тысячи лет». Исследования церковнославянского текста Жития показывают, что в *Slavia Orthodoxa* на протяжении всего Средневековья был известен только тот текст Жития, который отражает греческую редакцию типа I, тогда как по-гречески рукописей типа I пока нами обнаружено немного — всего три: самая поздняя датируется началом XIV века, а еще одна, афонская рукопись (*Ath. Meg. Laura, I/117, ff. 300–315*), представляющая тип Ia, т. е. немного модифицированный текст, датируется XV веком. Более поздние редакции греческого текста имели тенденцию устранять данное выражение, вероятнее всего, из-за явных намеков на миллениаризм.

Однако славянские слова «князь» и «боярин» («болярин») встречаются и в переводных текстах. И.И. Срезневский указывает, что слово «боярин» могло соответствовать греческим словам ἄρχων, μεγιστάν, συγκλητικός [3: стб. 160], а «князь» слову ἄρχων [3: стб. 1401–1403; ср. 7: р. 40, 294]. Тогда

как выражение «гражанин пустыни», два раза встречающееся в тексте Слова (Л. 173 об., Стб. 2; Л. 175 об., Стб. 1), скорее всего, является переводом греческой композиты ἐρημιολίτης (см.: [6: р. 548]), а слово «мздовъзданіе», вероятно, перевод греческого μισθαλοδοσία (ср.: [4: стб. 226]). В пользу греческого оригинала может говорить и изысканная риторическая форма Похвального слова.

Содержание текста определяет цель его создания и та аудитория, которой он предназначен. Автор обращается к монахам, а его непосредственной целью является прославление св. Онуфрия, который «всѣмъ пр(е)п(одо)бнымъ началнымъ» (Л. 177, Стб. 1). Начинается Слово с развернутого славословия св. Троице, а заканчивается кратким Ее величанием. Внутри этой «рамки» и размещается собственно похвала св. Онуфрию. Величая Святой Дух как дающий просящему премудрость и разум на славословие, автор фактически просит у Него мудрости прославить св. Онуфрия, тем самым «перекидывая мостик» к своему главному герою. Основные риторические приемы, которыми пользуется автор, — это антитезы, уподобления, развернутые обращения и восклицания.

Уже в начале Слова мы видим одну из основных и чрезвычайно важных тем всего этого текста: тему универсальности и даже вселенскости св. Онуфрия. Свет его жития просвещает не только египетскую пустыню, но и все концы земли, сияет не только в мире, но и в высотах небесных: «Тогѡ оубо пр(е)п(одо)бна(го) и пр(е)ч(ис)таго и всюду по всеи вселеннѣи пресловущаго не токмо в Егѣптѣ, нѡ и по всемоу миру, аки свѣтозарное с(о)лнце просвѣщаа и wzарѡа всего мира кѡнца, не токмо землю сѣю видимоую всѣми ч(е)л(ове)кы, но и премирныа и вышеширныа и невѣщественныа агг(е)лскѣа силы начала и власти и пр(е)п(одо)бны(х) ликѣ» (Л. 173., Стб. 2).

Мысль об универсализме и вселенскости святого пунктиром проводится через все Слово (Л. 175., Стб. 2; Л. 174 об., Стб. 2; Л. 175. Стб. 1–2; Л. 176 об., Стб. 2). Но есть одно очень интересное место, имеющее отношение к этому универсализму. Здесь автор как бы забывает о том, что проповедует в храме для монахов, и представляет себе, что в день почитания св. Онуфрия славословить его приходит «вся земля», все сословия, в буквальном смысле и стар и млад: «И въ пр(е)п(одо)бнаго храмѣ станете съше(д)шеса сущіи в поустына(х) и в гора(х) житѣа агг(е)ль(с)каа имоуще старѣ и немощь w(т)ложьше, юнѣи яко елени скачюще вси (и) снитетеса кн(я)зи и боаре и ц(е)рковници и вы (и) ч(ес)тнии събори с(вя)тых соущи(х) в монастыре(х) и простѣи людѣе вси съвокупльшеса на памать пр(е)п(одо)бнаго и вселѣпна(го) и достохвал(ь)наго и чюднаго поистинѣ въ пр(е)п(одо)бны(х) изащнаго вружника Ануфрѣа Великаго и праз(д)нественаа въспоемъ крѣпкомуу адаманту, да и мз(д)оу равну въспрѣимете w(т) Г(оспод)а Б(о)га и его пр(е)п(одо)бнаго оугодника великаго Аноуфрѣа» (Л. 174 об., Стб. 2).

Логика этой гиперболы понятна и проста: почтить вселенского святого в его храм сходятся «все концы земли». Однако здесь мы видим тему завещания св. Онуфрия, безусловно, также важную для автора Слова. Он возвращается к ней еще два раза (Л. 176 об., Стб. 1, 2), подробно пересказывая содержание этого завета по Житию. Вероятно, это не случайно. Для автора Слова, так же как и для автора Жития, важна тема памяти и поминовения, но только здесь она «скрепляет» современное ему поколение монахов с первыми подвижниками и помогает слушающим его уподобиться святому, помня о его невероятных подвигах (Л. 174, Стб. 2; Л. 174 об., Стб. 1; Л. 175. Стб. 1; Л. 175 об., Стб. 1, 2; Л. 176 об., Стб. 1).

Все антитезы автора в конечном итоге сводимы к одной мысли. Те, кто претерпевает тяжелые аскетические подвиги здесь, на земле, стяжают невиданную награду на небесах: «Яко же се(и) достопамятнии пр(е)п(одо)бнии и б(о)гоннии о(те)ць Ануфрїи Великіи, ходивии въ вбнаженїи телеснемъ, и нынѣ въ свете с(вя)тыя Троица живии, и оу н(е)б(ес)наго ц(а)ря Х(рист)а порфирною вдеанъ есть и главою с(вя)тую его и пр(е)ч(ес)т(н)ую венчалъ е(сть) Г(оспод)ъ Б(о)гъ дїадиною ц(а)рьскою» (Л. 174 об., Стб. 1–2).

Автор расцвечивает этот топик разными красками. Например, ему хорошо известно, что св. Онуфрий был опоясан повязкой из листьев финиковой пальмы (см.: Л. 175 об., Стб. 2), тем не менее он постоянно подчеркивает его наготу, чтобы контраст между его земным существованием и небесными одежаниями, данными ему в награду за труды, был максимально резким. Из разговора св. Онуфрия с Пафнутием он заимствует тему страданий святого от летнего зноя и ночного холода и, повторяя несколько раз (Л. 174., Стб. 1; Л. 176., Стб. 1; Л. 176 об., Стб. 1), делает ее почти эпитетом земного существования преподобного. В последнем случае, когда речь идет о похоронах Пафнутием св. Онуфрия, он даже метафорически ее обыгрывает: Пафнутий, собрав камни на могилу святого, похоронил его тело, ставшее как камень от «мраза ношнаго» и «ожжения солнечнаго». В одном случае (с явной аллюзией на пророка Илию — 3 Цар. 17: 4, 6) автор указывает, вспоминая причастие св. Онуфрия от ангела, что св. Онуфрий удостоился части небесных благ еще на земле: «Не враномъ питѣнь бы(сть) пр(е)п(одо)бны(и) сеи, но w(т) велелѣпныа славы и w(т) высоты н(е)б(ес)ныа w(т) вл(ады)кы Х(рист)а, агг(е)лъ с(вя)тыи посылаемъ бываше и w(т) невещаныа wгнены(а) руки прїимаше пищу» (Л. 175 об., Стб. 1).

Автор почти всегда сравнивает св. Онуфрия с Илией или Иоанном Крестителем, что неудивительно: оба считались предтечами христианского монашества, к тому же данное сравнение имеет аллюзию к Житию (сцене разговора св. Онуфрия со старцами монастыря Эрити). Необычно другое: св. Онуфрий по своему достоинству ставится выше их обоих. Называя святого соревнителем пророка Илии и Иоанна Крестителя, он тем не менее указывает, что святой предстает Господу не на Фаворе, но у Престола самого Владыки славы (Л. 173 об., Стб. 2). Называя святого отшельника «новым Израилем», он пишет, что вел его

по пустыне не облачный столп, а светоносный ангел (Л. 175, Стб. 2). Сравнивая св. Онуфрия с Иоанном Предтечей, он говорит, что святой подвизался в пустыне не 30 лет, а 60 и питался не акридами и диким медом, но страшными небесными Тайнами, получаемыми из рук ангела (Л. 175 об., Стб. 2 – Л. 176, Стб. 1). Илию, ревнующего о Господе, который убил бесстыдных жрецов и бежал от Иезавели в пустыню, питал ворон. Святого Онуфрия, который, загоревшись «палащим огнем в сердце», устремился в пустыню за духовным сокровищем, питал святыми Тайнами сам ангел (Л. 175, Стб. 2 – Л. 175 об., Стб. 1). В тексте есть еще один интересный поворот: автор хвалит не только св. Онуфрия, но и Пафнутия, который удостоился его увидеть и похоронить. При этом он уподобляет Пафнутия Иосифу Аримафейскому, сподобившемуся обвить плащаницей Христа (Л. 176, Стб. 2), а значит — косвенно — указывает на параллель между св. Онуфрием и самим Спасителем.

Все это могло бы показаться слишком дерзновенным, если бы не одно обстоятельство: Слово подспудно проникнуто идеей прославления монашеского подвига, а св. Онуфрий является его идеальным воплощением, и свет, от него исходящий, распространяется не только на земле, но и в надмирных обителях. Преподобные и «пустынному пребыванию любители» получают от Бога за многотрудные свои подвиги «неисповѣдимое бл(а)женьство и мз(д)овъз(д)аніе неизреченно», к которому «и агг(е)ли желаютъ приникнути» (Л. 174, Стб. 1; ср.: Л. 177, Стб. 1). По иному, более образно, мысль о превосходстве монашеского подвига автор передает так: лучше один день пребывать в доме Господа, нежели «жити в селе(х) грѣшнич(х) еже е(сть) мирь соуетныи» (Л. 175 об., Стб. 2). Эпитеты, которыми часто именуется в тексте св. Онуфрий, отражают два полюса монашеского образа жизни. С одной стороны, святой именуется воином: «борецъ крѣпкыи и воинъ сильныи» (Л. 173 об., Стб. 1), «крѣпкыи оружникъ» (там же), «храборъ», т. е. воитель (Л. 174., Стб. 2), «изящныи оружникъ» (Л. 174 об., Стб. 2), «сеи крепкыи оружникъ» (Л. 175 об., Стб. 1), «дивныи воинъ Х(ристо)въ» (Л. 176 об., Стб. 1), что символизирует собой «отрицательный» смысл христианской аскезы, т. е. борьбу со страстями и искушениями. С другой стороны, не менее часто встречаются сравнения св. Онуфрия с ангелом: ангеловидный (Л. 173, Стб. 2), ангеламъ соглагольникъ (Л. 173 об., Стб. 2), и в телеси ангел и выше ангела сущий (Л. 174 об., Стб. 1), ангел во плоти сущий (Л. 175 об., Стб. 1–2), яко безвеществененъ яко ангел на земли пожил еси (Л. 176 об., Стб. 2), что отражает другой, «положительный» смысл монашеского существования, издавна сформулированный как *vita angelica*. Обратим внимание и на то, что автор слова, сравнивая св. Онуфрия с ангелами, ставит его выше этих бесплотных существ.

Практически ту же функцию выполняют восклицания и развернутые обращения к святому. Их смысл состоит в превознесении подвига св. Онуфрия (в том числе и по контрасту с признанием автором собственной немощи), а также в прославлении монашеского образа жизни в целом (Л. 175, Стб. 1;

Л. 176, Стб. 2 – Л. 177, Стб. 1). Стоит также отметить, что в Слово довольно часто вплетены библейские аллюзии. Из Ветхого Завета мы находим указания на Притчи и пророков, из Нового — на Евангельские тексты. Помимо аллюзии на Мф 5:14–15 (Л. 175, Стб. 1), т. е. на образ светильника и высшего града, что естественно и даже «архетипично» для прославления святого, в тексте присутствуют и необходимые в монашеском контексте ссылки на Мф 6:6 (Л. 174 об., Стб. 1) и Мк 8:34 (Л. 174, Стб. 1–2): о сокровищах на небесах и о самоотвержении, по сути, выражающие основную антитезу Слова. Здесь возникает тема купца как аллюзия на Евангельские Слова, Мф. 13: 45–46 (Л. 175 об., Стб. 1). Иногда автор подходит к цитированию «творчески»: так, ссылаясь на Мф 11:28, он прибавляет «в раистей пици» (Л. 176, Стб. 2).

Важной (в том числе и для приблизительной датировки Слова) является тема света, возникающая в двух, безусловно, связанных между собой топиках: святой Онуфрий и благочестие его жития излучают свет, который достигает краев земли и надмирных пространств (напр., Л. 173, Стб. 2; Л. 176 об., Стб. 2; Л. 177, Стб. 1), но и сам он становится причастным неизреченному райскому свету или свету Святой Троицы (напр., Л. 174, Стб. 1; Л. 174 об., Стб. 2; Л. 176 об., Стб. 1).

Как нам представляется, Похвальное слово могло появиться на Руси в XIV веке, даже если мы предположим, что написано оно было в другом месте (в Византии или на Балканах). С одной стороны, в это время здесь шло активное возрождение монашества, а с другой — сюда из Византии начали проникать идеи исихазма. Так, например, о. Иоанн Мейендорф указывал, что монашеское возрождение на Руси XIV века было тесно связано с византийскими влияниями, в том числе и с господствующими тогда идеями священно-безмолвия [2: с. 432]. Однако, как он полагал, распространение этих идей шло не через богословские и полемические трактаты (в которых на Руси того времени не было нужды), а через более понятные литургические, гимнографические и сходные с ними сочинения [2: с. 567]. Одним из характерных влияний исихазма на Руси он считает тему Божественного света, которая проявляется в оригинальных агиографических сочинениях, например, в Житии преп. Сергия Радонежского [2: с. 427]. Известный исследователь древнерусской святости Г.П. Федотов отмечает существенную разницу между Житием св. Сергия и предшествующей агиографией: «Древние русские святые чаще имели видения темных сил, которые не пощадили и преподобного Сергия. Но только с Сергием говорили горные силы — на языке огня и света. Этим видениям были причастны и некоторые из учеников святого — те, которые составляли мистическую группу вокруг него: Симон, Исаакий и Михей» [5: с. 148]. Такого рода видения Федотов также склонен связывать с проникновением на Русь исихазма, отмечая при этом, что с середины–конца XIV века Русь испытывает сильное греческое и юго-славянское влияние [5: с. 150].

Тема светозарности св. Онуфрия, сопричастия его свету Святой Троицы, устремленность к райскому блаженству и прославление «пустынному

пребыванию любителей», которое мы находим в Слове, как нельзя лучше подходит к духовной атмосфере на Руси XIV века. Однако сказанное не более чем наши осторожные предположения: надеемся, что будущие исследования этого интересного памятника на основе новых источников смогут внести большую ясность в поставленный вопрос.

Литература

1. *Войтенко А.А.* Греческие редакции Жития св. Онуфрия Великого и архив о. Жозефа Парамеля // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2015. Вып. 4 (65). С. 37–49.
2. *Мейендорф И., прот.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Институт ДИ-ДИК, ПСТГУ, 2000. 576 с.
3. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1893. Т. 1 (А – К). 1420 стб. + 49 с.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1902. Т. 2 (Л – П). 1902 стб.
5. *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1991. 269 с.
6. *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford: The Clarendon Press, 1961. 1557 p.
7. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobona: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1171 p.

Literatura

1. *Vojtenko A.A.* Grecheskie redakcii Zhitiya sv. Onufriya Velikogo i arxiv o. Zhozefa Paramelya // Vestnik PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. М., 2015. Vy'p. 4 (65). S. 37–49.
2. *Mejendorf I., prot.* Istoriya Cerkvi i vostochno-xristianskaya mistika. М.: Institut DI-DIK, PSTGU, 2000. 576 s.
3. *Sreznevskij I.I.* Materialy' dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'menny'm pamyatnikam. SPb.: Izdanie otdeleniya russkogo yazy'ka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. 1893. T. 1 (A – K). 1420 stb. + 49 s.
4. *Sreznevskij I.I.* Materialy' dlya slovarya drevnerusskogo yazy'ka po pis'menny'm pamyatnikam. SPb.: Izdanie otdeleniya russkogo yazy'ka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk. 1902. T. 2 (L – P). 1902 stb.
5. *Fedotov G.* Svyaty'e Drevnej Rusi. М.: Moskovskij rabochij, 1991. 269 s.
6. *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford: The Clarendon Press, 1961. 1557 p.
7. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobona: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1171 p.

A.A. Voytenko

The Church Slavonic Eulogy of St. Onuphrius the Great

The article is devoted to one unpublished and unexplored Church Slavonic monument — an anonymous Eulogy of St. Onuphrius the Great, which is contained in all three manuscripts of metropolitan Macarius' Great collection of Lives of the Saints on the 12th of June. The author analyzes in detail the content of the monument, its basic ideas, rhetorical devices, used in it, the problem of the original language and makes assumptions about its possible dating.

Keywords: Slav-Byzantine connections; Old Russian literature; St. Onuphrius the Great.

Р.В. Фурцев

Итальянский поход Максимилиана I Габсбурга в 1496 году

В статье анализируются военно-политические мероприятия императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга в ходе реализации его итальянского похода 1496 года с целью противодействия Франции и укрепления позиций империи в Италии. Данная кампания является одним из ключевых эпизодов начальной фазы Итальянских войн.

Ключевые слова: Италия; империя; война; политика; Священная лига.

История рубежа XV–XVI веков имеет для исследователя важное самостоятельное значение. Это период, когда в Европе начали формироваться национальные государства, которым предстояло сыграть ведущую роль в истории на протяжении всех последующих столетий. Взаимоотношения между этими государствами с самого начала складывались негладко, обоюдные претензии — территориальные, экономические, династические — нередко заканчивались военными конфликтами, принимавшими затяжной характер. В этих войнах определялась расстановка сил на континенте, и хотя состав противоборствующих коалиций был непостоянен, тем не менее перманентные столкновения обозначили основные узлы противоречий в международной политике, многие из которых просуществовали до XIX века.

Одну из ключевых проблем позднего Средневековья представлял вопрос политической гегемонии, возникший в Европе в связи с падением престижа Священной Римской империи. В наиболее концентрированном виде разнонаправленные династические устремления европейских правящих домов проявились в Итальянских войнах. Фактически это были первые масштабные столкновения на континенте в эпоху раннего капитализма, поэтому экономический фактор в них не только присутствует, но и играет заметную роль, определяя династическую политику. Итальянские войны, по сути, явились пробой сил трех держав — Франции, Испании и империи. Начавшись под предлогом борьбы за господство на Апеннинском полуострове, они в конечном итоге переросли в битву за главенствующее положение в Европе.

Неаполитанская кампания короля Франции Карла VIII 1494–1495 годов привела к слому старого порядка на Апеннинском полуострове и обусловила вмешательство европейских держав, объединившихся в Венецианской священной лиге для отражения французской интервенции. Этот альянс положил

начало политической системе равновесия в Европе и конец императорскому универсализму.

Когда Карл VIII пересек Альпы, глава империи Максимилиан I Габсбург осознал, что если он даст французам карт-бланш в Италии, то это будет означать для него отказ от старинных привилегий империи, а возможно, даже потерю императорского достоинства и примата среди христианских государей. Поэтому он не только присоединился к военно-политическому союзу, образованному Венецией, папой, Испанией и Миланом ради изгнания французов из Италии, но и сам стал активно готовиться к итальянскому походу, несмотря на то, что основная часть французской армии уже покинула Италию. По своему характеру заальпийская кампания главы империи Максимилиана I была завоевательной. Другой на его месте вряд ли так легко предпринял бы подобный шаг, не имея достаточных сил и средств и всецело завися от помощи со стороны союзников. Вероятно, Габсбурга подкупала как раз таки смелость данного плана. Кроме того, он до конца кампании тешил себя призрачными надеждами, что немецкие сословия под впечатлением от невиданных успехов имперского оружия передумают и все-таки в какой-то мере профинансируют нужды монаршей политики, чего Максимилиан I тщетно добивался с 1495 года. Но все это принадлежало к разряду фантазий, а реальность была такова, что в тот период он в основном мог опираться лишь на средства и войска, предоставленные участниками антифранцузской лиги. Не упустить благоприятный, по его мнению, момент для начала крупномасштабных внешнеполитических акций — вот чему глава империи придавал особое значение [1: с. 93]. Параллельно Габсбург намеревался решить вопрос о процедуре совершения императорской коронации в Риме.

Итак, в конце августа 1496 года король пересек Альпы. Ни один имперский князь не последовал за ним. Максимилиана I сопровождали только 300 рейтаров. Другие отряды еще меньшей численности пробирались на юг иными маршрутами [7: с. 452]. Как шутили итальянцы, римский король прибыл со свитой уровня мелкого немецкого кастеллана [6: с. 242]. В Комо Габсбург получил радостное известие о том, что испанская армия в полной боеготовности сконцентрировалась на пиренейской границе и ждет только сигнала для наступления. Венеция же, боясь усиления позиций империи в Италии, уже практически открыто заявляла о своем неприятии политики германского короля. Но также и другие итальянские государства, в частности Савойя, Монферрат и Феррара, ввиду незначительности военных сил Габсбурга занимали все более сдержанную позицию. Сейчас, когда стало уже совершенно очевидно, что прямая угроза со стороны Франции миновала, отношение итальянцев резко изменилось: им казалось, что заальпийский поход главы империи потерял для них всякий смысл. Поведение Венеции вызывало даже приступы гнева у Максимилиана I. Остальные союзники вели себя покладистее, хотя у них были различные точки зрения по поводу целей и задач итальянского похода. Так что Габсбургу

с трудом удавалось выдерживать основные параметры своего стратегического плана. В то время как он поставил все на карту, желая нанести по Франции сокрушительный удар, миланский герцог Лодовико Моро, к примеру, заботился главным образом о безопасности своих альпийских рубежей и как максимум стремился к отвоеванию Асти. Но даже в самых смелых проектах Габсбург не мог ожидать от атаки на альпийском направлении решающего перелома в войне с Францией.

Поэтому ближайшими целями операции монарх избрал Геную и тосканское побережье. Пизанцы неоднократно заверяли его в своей верности империи и обращались к нему за помощью. В Комо Максимилиан I подтвердил сделанные ранее распоряжения о подготовке морской экспедиции, которая должна была стартовать из Генуи. Сначала он намеревался перехватить в открытом море транспортные суда, перевозившие на родину из Неаполя остатки французской армии. А далее его войско должно было на хорошо оснащенных боевых кораблях переправиться в Прованс [7: с. 462].

Между тем 29 августа 1496 года монарх снова обратился к имперским сословиям, требуя от них предоставления займов на военные нужды. В послании он указывал на то, что до сих пор использовал лишь средства своих родовых земель и выражал готовность прибегать к ним на благо империи и в будущем. Но между тем, как подчеркивал Габсбург, материальные ресурсы его личных владений истощились. Поэтому он, дескать, просит сословия оказать содействие в восстановлении имперских прав в Италии и приобретении императорской короны и предупреждает их о негативных последствиях их неповиновения, угрожая прервать поход, «что послужит во вред империи и на пользу Франции», и заканчивая свое обращение пламенным призывом: «Все зависит от вас, немцы» [5: № 4284]. Однако и на сей раз сословия предпочли отмолчаться.

31 августа Максимилиан I был торжественно встречен в ломбардском местечке Меда посланцами участников лиги [5: № 4292]. В целом он добился на тот момент принципиального согласия членов альянса, за исключением Венеции, на ведение наступательных действий против французов. Хотя его стремление заполучить императорскую корону оставалось непоколебимым, но не менее важно для него в тот период было реализовать с помощью союзников свой генеральный план, дабы раз и навсегда «обрубить французам крылья». В Меде Габсбург также подтвердил свое уже озвученное ранее намерение направиться сначала в Геную и Пизу, чтобы или перехватить французов на их обратном пути на родину, или же нанести внезапный удар по Флоренции. На всякий случай он установил контакт с изгнанным Пьеро Медичи, которого, возможно, планировал вернуть к власти под эгидой империи [5: № 4293, № 4304].

Не заезжая в Милан, Максимилиан I поспешил в Виджевано, где собирался принять очередное посольство венецианцев [5: № 4306]. Между тем дипломаты

Республики Святого Марка нарочно тянули время, и прошли долгие три недели, прежде чем миссия наконец прибыла ко двору монарха. Зато представители других членов лиги без промедления собрались в королевском лагере, и Максимилиан I вскоре смог начать обсуждение конкретных тактических планов. К дискуссии был привлечен и посланец Неаполя. На встречу также были вызваны вассалы империи из Северной и Средней Италии. В ловких, порой запутанных переговорных маневрах Габсбург пытался склонить послов безоговорочно поддержать запланированные им военные мероприятия.

Для монарха речь прежде всего шла об осуществлении его «морского плана»: стартовав из Генуи, сначала предполагалось отрезать путь возвращавшимся на родину морем из Южной Италии частям французской армии, а потом продвигаться к Ливорно и Пизе. Для этой операции лига должна была сосредоточить свои корабли в порту лигурийской столицы. При этом Максимилиан I пока не стал распространяться о том, что он планировал высадиться со своим войском на юге Франции для последующего соединения с испанской армией, так как прекрасно знал негативное отношение Лодовико Моро к подобному замыслу. Ведь миланский правитель хотел как можно дольше удерживать монарха в роли гаранта безопасности герцогства в Западной Ломбардии, которая, согласно пожеланию Сфорцы, должна была стать плацдармом для нападения на Францию. Поэтому необходимо было изыскать дополнительные силы для размещения их на территории Миланского государства. Испания же, как надеялся Габсбург, с радостью поддержит данный план, а может, даже и Венеция, которая приветствовала теперь любые инициативы, способные увести главу империи из Италии. Кроме того, монарх сообщил, что рассчитывает привлечь на свою сторону герцога Лотарингии Рене II обещанием передать тому Прованс в случае победы над Францией [5: № 4304].

5 сентября 1496 года Максимилиан I изложил собравшимся в Виджевано послам некоторые пункты стратегического плана, предусматривавшие оснащение флота в Генуе, войну на море против Франции, захват Ливорно, оказание помощи Пизе и оборону лигурийского побережья. В итоге 7 сентября, после состоявшихся прений, Максимилиан I выступил с окончательным вариантом краткосрочного плана действий под названием «*Capita regum*». В нем он отказался от ведения боевых операций против Франции на альпийском фронте, но в то же время пообещал миланцам меры по защите территории герцогства на границах с Монферратом, Савойей, Салуццо и Асти. В качестве ближайших целей он провозгласил освобождение Пизы, которая-де являлась имперским леном, завоевание Ливорно — «ворот для вторжения французов в Тоскану», а также подчинение Флоренции власти лиги [5: № 4321].

Максимилиан I так построил переговорный процесс, что порой складывалось впечатление, будто глава империи был готов идти на уступки Венеции. Очевидно, сознавая, что власти республики не осмеливаются на явный разрыв союзнического договора, он всеми силами старался переубедить их.

В очередном послании к дожу, датированном 9 сентября, Габсбург призывал правительство Венеции выплатить обещанные субсидии и внести свой вклад в спасение Италии. Он заявил, что, идя на большие жертвы и рискуя многим, пришел в Италию, а Венеция же в самый ответственный момент подвела его. Если, мол, союзники упустят этот уникальный шанс, то это будет означать конец Италии [5: № 4324].

Тем временем венецианской синьории становилось все труднее выдерживать оказываемое на нее давление и лавировать в попытках уклониться от выполнения союзнических обязательств. В правительственных кругах республики высказывались опасения, что возможные военные успехи лиги в Италии пойдут исключительно на пользу Милану и что готовность ряда участников альянса, прежде всего Испании, вести войну с Францией не подлежала сомнениям. С другой стороны, и французскую угрозу не стоило недооценивать, особенно с учетом масштабной политики вооружений, проводимой Карлом VIII. 12 сентября Максимилиан I заявил, что не собирается вечно дожидаться венецианской миссии и через несколько дней отправится в Геную и Пизу, дав старт военной кампании.

Подготовка флота в Генуе между тем шла полным ходом. Причем на сей раз, желая противостоять французской экспансии, лигурийский город добровольно взял на себя все расходы по оснащению кораблей и фактически встал на сторону лиги. Еще 16 июля Габсбург пообещал в награду передать генуэзцам во владение Пьетрасанту, а 20 сентября подтвердил Генуе все ее старые привилегии, которые, по утверждению властей города, якобы сгорели в пожаре [7: с. 485]. 23 сентября Максимилиан I покинул Виджевано и через Тортона направился к Лигурийскому побережью, куда он еще раньше передислоцировал свои контингенты [5: № 4373].

27 сентября, практически на месяц позже, чем было запланировано, Максимилиан I торжественно вошел в Геную и сразу же с головой погрузился в организацию морской операции. Ежедневно в город для последующей транспортировки прибывали войска, среди них были и 1500 швейцарцев. Из числа флорентийских эмигрантов король отобрал нескольких человек, хорошо знакомых с обстановкой в Тоскане [5: № 4416]. Однако в стане союзников по антифранцузскому альянсу по-прежнему отсутствовало полное единодушие, поэтому перманентно возникали различные трения. Когда вновь встал вопрос о перехвате французских судов на пути из Южной Италии, Венеция заявила резкий протест. Также и неаполитанцы не хотели теперь нарушать свои обязательства, поскольку они клятвенно пообещали французам безопасный отход. В целом же Республика Святого Марка продолжала тактику саботажа. Венецианский Сенат предпочитал откупаться от обвинений в нарушении союзнического договора, выплачивая субсидии небольшими порциями. Основное же бремя финансовых расходов, связанных с проведением кампании, легло помимо самого монарха на миланского герцога [5: № 7571].

Максимилиан I хотел любой ценой прибыть в Ливорно раньше французов. Когда он сообщил, что будет лично возглавлять военно-морскую операцию, ошеломленные послы членов лиги в один голос стали упрашивать его отказаться от этой затеи. Однако государь, несмотря на уговоры, без всяких колебаний променял седло лошади на капитанский мостик своего флагманского корабля. Как образно отмечал венецианский посол Фоскари, «один час, проведенный на море, для короля был равен тысяче прожитых лет» [5: № 4397].

4 октября 1496 года в ставку короля вернулся с отчетом капитан Альвеграда, посланный ранее в Пизу разведать и оценить обстановку. Военачальник ошибочно, как показали дальнейшие события, посчитал захват Ливорно легким предприятием (*impresa facilissima*). Максимилиан I согласился с его мнением и от имени лиги тотчас приказал пизанцам начать военные действия против враждебного города [5: № 4409].

6 октября перед самым отплытием глава империи чинно представил посла лиги герцога Альбрехта Саксонского, своего старого полководца, одержавшего ряд знаменательных побед в ходе Бургундской войны, который, по словам Габсбурга, должен будет атаковать Францию с двух сторон: из Бургундии и из Шампани. Причем курфюрст Альбрехт привел с собой 600 рейтаров. Максимилиан I непрестанно подчеркивал, что для него первостепенной задачей являлась широкомасштабная война против Франции, а не локальные военные акции в Италии [6: с. 337].

В тот же день монарх взшел на палубу своего флагмана «Гримальда» и дал команду отчаливать. Его флот состоял в общей сложности из 21 судна с 1300-ми солдатами на борту и несколькими артиллерийскими орудиями. Еще примерно 1200 ландскнехтов и 700 рейтаров отправились к месту назначения по суше. Неблагоприятные погодные условия значительно осложняли и замедляли переезд из Генуи в Пизу. К тому же поступали тревожные известия, что французы в Провансе начали снаряжать военные корабли для отправки в Ливорно. Кроме того, как раз в те дни скончался неаполитанский король Фердинанд II и вопрос о правопреемстве в Неаполе грозил расколоть лигу [5: № 4429, № 4421]. В такой ситуации Максимилиану I не терпелось поскорее добраться до конечной цели путешествия. Наконец, после многих перипетий Габсбург 21 октября прибыл в Пизу, где разместился во дворце Медичи [9: с. 35].

Относительно будущего юридического статуса Пизы среди членов альянса не было единого мнения. Суверенитет империи над этим городом в течение последних веков почти был предан забвению. В конце XIV века Пиза попала под власть Флоренции и добилась формальной свободы лишь после смерти Лоренцо Медичи в 1492 году. Максимилиан I, несомненно, хотел вернуть эту тосканскую коммуну в лоно империи. Ведь он не уставал повторять, что никогда не поступится имперскими правами в Италии, даже теми, которые были узурпированы союзниками [5: № 4442]. Однако идею монарха о реставрации имперской Италии в полном объеме, а тем более о присоединении Италии

к империи не мог разделять ни один другой партнер по лиге. За исключением разве что Лодовико Моро, который, очевидно, надеялся играть роль имперского наместника на полуострове. Как отмечает немецкий историк Г. Кречмайер, «пизанский вопрос все глубже вбивал клин в отношения Венеции с Миланом и Флоренцией» [3: с. 405]. Республика Святого Марка решительно отстаивала тезис о «свободе Пизы» и всячески старалась помешать как распространению имперской власти в Средней Италии, так и возникновению новой морской державы в лице Флоренции, которая опиралась бы на порты в Ливорно и Пизе. Также и понтифик не желал ничего слышать о главенстве империи на Апеннингах. Более того, он сам был бы не прочь завладеть тосканскими землями, вплотную примыкавшими к Папской области. А испанцы, равным образом отвергавшие возможность установления имперского суверенитета над Пизой, предпочли бы лучше передать город флорентийцам, если те взамен вступят в лигу и разорвут союз с Францией.

Такие противоречия изначально тормозили совместные военные мероприятия. К тому же неясным оставался вопрос, кому достанется Ливорно, если город все же будет завоеван общими усилиями. Любое крупное военнополитическое решение, а также вопросы, связанные с предоставлением материальных ресурсов, Максимилиану I приходилось пробивать с огромным трудом. В итоге данные ему союзниками обещания, полагаясь на которые он и отправился летом 1496 года в заальпийский поход, оказались ложными. Прежде всего, иллюзорной выглядела надежда, что одного королевского авторитета и без значительных военных сил будет достаточно, чтобы сплотить итальянцев в борьбе с Францией и ее союзниками на Апеннингах. Решения, принимаемые на военном совете, должны были обязательно утверждаться представителями членов лиги. И даже если соответствующие власти порой публично с чем-то и соглашались, то не было никаких гарантий, что втихомолку они не устроят саботаж принятых решений. Ситуацию усугубляла и сплоченная оппозиция заседавших на рейхстаге в Линдау имперских сословий, все более дистанцировавшихся от монарха [8: с. 105, 258].

На примере Ливорно и Флоренции Максимилиан I намеревался дать наглядный урок итальянским союзникам Франции. 22 октября в Пизе собрался военный совет лиги, где обсуждался план осады Ливорно. Обсуждение тактических вопросов сопровождалось бурными дебатами о том, кому должна будет принадлежать эта крепость после ее взятия. Наиболее ожесточенный спор по этому поводу, что неудивительно, вспыхнул между представителями Милана и Венеции. Участники заседания также посоветовались о положении дел во Флоренции и, в частности, прорабатывали возможность реставрации в республике власти Медичи, чтобы таким образом включить Флоренцию в состав лиги [5: № 4441].

Наконец, после напряженных дискуссий союзники 23 октября единогласно постановили провести штурм города. На подготовительную фазу отводилось

не более восьми дней. При этом миланцы и венецианцы должны были соорудить линию защитных укреплений выше по течению Арно у местечек Понте ди Сакко и Понтедера, дабы вероятные атаки флорентийцев не мешали осаде Ливорно. А Максимилиан I тем временем собирался лично провести рекогносцировку оборонительных сооружений крепости с моря и суши [5: № 4449].

Соотношение сил было явно в пользу Габсбурга. Он располагал собственным войском примерно в 2000 человек, частично находившихся еще на подходе, плюс к этому 3200 страдиотов и ландскнехтов под венецианским командованием. На этом фоне весьма бледно выглядит миланский отряд всего в 100 человек. Очевидно, миланский герцог решил ограничиться столь малыми силами, чтобы лишний раз не провоцировать недоверие венецианцев, и без того подозревавших, что Моро вынашивает экспансионистские планы относительно тосканского побережья. Кроме того, ожидалось прибытие контингентов от правителя Болоньи Ганнибала Бентивольо. На другой стороне силам альянса противостояли всего 500 солдат ливорнского гарнизона. Однако после проведенной всеобщей мобилизации и создания отрядов гражданской самообороны число защитников Ливорно выросло в разы [6: с. 363].

25 октября Максимилиан I снова собрал представителей лиги на военный совет. После обстоятельного доклада по ситуации он предложил атаковать Ливорно одновременно и с моря, и с суши. Так, дескать, взять город намного легче. Хотя крепость и располагает отличной артиллерией, но гарнизон, по утверждению короля, якобы пал духом и уже разбегается. А знать только и ждет благоприятного момента для сдачи крепости. Через пять-шесть дней надо начинать орудийный обстрел вражеских позиций, и вскоре Ливорно, непременно, падет [5: № 4446, № 4447].

Совершенно непонятно, на чем основывалась такая уверенность монарха. Скорее, это был тактический маневр с целью убедить союзников, не мешкая, приступить к активным действиям. Если ливорнцы из-за морской блокады гавани и впали в уныние, то ненадолго — вместо спасительного французского флота, прибытие которого с нетерпением ожидалось со дня на день, на рейде порта Ливорно курсировали генуэзские и венецианские корабли. Обороной города командовал флорентиец Риказоли, который заблаговременно позаботился о доставке в крепость необходимого количества оружия, боеприпасов и продовольствия. В главных крепостных башнях были размещены бойцы флорентийской гражданской гвардии, поклявшиеся любой ценой отстоять Ливорно — «око Флоренции». От исхода этой битвы зависела судьба правившего в тосканской столице *governo popolare* (народное правительство). В народе ходили слухи, что в случае падения крепости лига восстановит «тиранию Медичи», а папа заткнет рот навязчивому трибуну Савонароле [7: с. 494].

В стане Максимилиана I главной проблемой по-прежнему оставалась нехватка финансов и, как следствие, материально-технических ресурсов. В конце октября истек срок союзнических обязательств по выплате субсидий.

И в условиях, когда многие члены и сторонники альянса не исполнили в полном объеме прежние договоренности, вряд ли можно было надеяться на продление соглашений о предоставлении финансовой помощи. Поэтому возникал вопрос, как долго еще удастся удерживать при себе наемников, постоянно жаловавшихся на невыплату положенного содержания?

Полагаться на помощь империи по-прежнему было бессмысленно. Хотя монарх поначалу старался по-дружески увещевать рейхстаг, затем посредством уже «строгих мандатов» и, наконец, отправкой выдержанной в резких тонах петиции от имени всех членов лиги. Но сословия отвечали, что король, мол, должен четко придерживаться решений Вормсского рейхстага 1495 года об имперской реформе, если рассчитывает на содействие с их стороны. Папский посол Кьерегати сделал единственно правильный вывод в такой ситуации: рейхстаг просто не хочет оказывать помощь, вот и всё [5: № 7551].

Венецианцы, имевшие задолженность перед монархом по невыплаченным субсидиям, держали на голодном пайке даже собственные контингенты. Синьория, по-видимому, следовала своему особому плану, отказываясь выделять необходимые средства. Также и понтифик, в тот период начавший войну против римского семейства Орсини и при этом рассчитывавший на помощь Максимилиана I, до сих пор так и не внес ни гроша на общее дело. Фактически роль ключевого спонсора, как и прежде, играл Лодовико Моро, выжимавший из своих владений по максимуму, несмотря на то, что население Миланского герцогства изнемогало под гнетом непомерных налогов.

Дабы не доводить дело до абсолютного фиаско, Максимилиан I в этих обстоятельствах должен был действовать быстро и решительно, не допуская ненужного простоя. Прежде всего следовало взять Ливорно в плотное кольцо осады. Северная сторона города регулярно подвергалась обстрелу уже с первых дней, как королевские войска подступили к Ливорно: 300 швейцарцев заняли позиции на возвышенности прямо напротив крепостных стен и беспokoящим огнем держали защитников города в постоянном напряжении. Аналогичный плацдарм необходимо было развернуть и с южного направления с целью перерезать ливорнцам пути сообщения с ближайшим флорентийским бургом Розиньяно. Поэтому 27 октября монарх велел отряду в 500 ландскнехтов сойти на берег и занять высоты напротив церкви Санта Мария делле Грацие на южных подступах к городу. В то время как на рейде порта курсировало несколько галер, блокируя город с моря. Таким образом, кольцо осады, казалось, замкнулось.

Другие суда союзнической флотилии стали на якорь неподалеку от соседней крепости Малория, карауля отправленный на помощь осажденным французский флот. В задачу же остальных кораблей союзников входил перехват в открытом море французских транспортных судов, перевозивших из Гаэты на родину остатки армии Карла VIII. Но при этом весь флот лиги в момент генеральной атаки должен был собраться в ливорнской гавани. Согласно

тактическому плану, следовало взять на борт максимально возможное число солдат и после массированного артобстрела начать с кораблей штурм порта и крепости. Решающую роль в захвате города Максимилиан I отводил именно флоту [5: № 4448, № 4451].

28 октября крепость впервые подверглась мощному артиллерийскому обстрелу одновременно с разных направлений. Но, как оказалось, батареи располагались слишком далеко, поэтому ядра не причиняли особого вреда. У войск лиги не было штурмовых орудий, способных с такого расстояния пробить стены. В свою очередь из-за того, что крепостные сооружения были буквально напичканы артиллерией и осажденные вели интенсивный ответный и упреждающий огонь, просто не представлялось возможным подтянуть батареи поближе к стенам [7: с. 501]. Кроме того, 29 октября на горизонте, наконец, появилась французская эскадра. Шесть больших кораблей в сопровождении нескольких вспомогательных судов вошли в гавань Ливорно. Несмотря на то, что союзники попытались воспрепятствовать заходу французов в порт, продолжавшийся шторм с сильным встречным ветром обрек все их усилия на неудачу [6: с. 373].

В порту французы выгрузили большой запас провизии и боеприпасов. Таким образом, угроза голода в ближайшей перспективе была устранена. Однако помощь Карла VIII не ограничивалась лишь доставкой провианта и материально-технических ресурсов: в подкрепление гарнизону крепости на судах прибыли 800 швейцарских и гасконских ландскнехтов [5: № 4458].

События этого дня явились тяжелым ударом по авторитету германского короля. Известия с фронта молниеносно распространились по всему полуострову. Действия французов не только прорвали блокаду, но и поколебали и так шаткое единство внутри лиги. Как всегда в подобных случаях, в лагере союзников зазвучали взаимные упреки и обвинения. А воля ливорнцев к сопротивлению, наоборот, несоизмеримо возросла.

В довершение всех бед непрекращающийся шторм удерживал корабли лиги в открытом море и не позволял Максимилиану I сойти на берег. Почти две недели он дрейфовал среди волн бушующего моря, не имея возможности лично вмешаться в ход осады. Только 2 ноября Максимилиан I через посольного смог установить контакт со своей сухопутной армией. После того как погода немного улучшилась, он приказал войскам лиги вновь занять позиции перед крепостью, чтобы провести массированный штурм одновременно и с моря, и с суши. Сам глава империи намеревался взять на борт дополнительное число солдат и атаковать стоящие в гавани французские корабли. Такой маневр, как он полагал, станет решающим моментом в битве за Ливорно [5: № 4465].

Монарх все эти дни словно находился в плену у стихии, теряя драгоценное время. И, желая в конце концов вырваться из этой западни, он пошел ва-банк: 9 ноября Габсбург дал команду приблизиться к берегу для высадки. В итоге ему с большим трудом удалось ступить на землю [6: с. 390].

Понесенные потери, угроза новых французских экспедиций, давящая нехватка финансов, приближающаяся зима и ненадежность союзников, но прежде всего позиция имперских сословий — все эти факторы ставили под сомнение благоприятный исход операции в Тоскане. Перед монархом все острее вставал вопрос, а не следует ли прервать осаду? И что делать в таком случае с французской эскадрой: надо ли отомстить французам за их дерзкую высадку? Их корабли все это время скрывались от штормов за защитным молом внутренней гавани, где благополучно переждали непогоду и теперь выжидали удобного случая, чтобы вырваться из порта и уплыть восвояси. И вот на рассвете 12 ноября наступил благоприятный момент. При сильном попутном ветре французские корабли покинули гавань, при этом не встретив ни малейшего сопротивления со стороны генуэзцев. Более того, французам удалось даже захватить одну галеру союзников с артиллерией и солдатами на борту. Таким образом, Максимилиану I пришлось с берега беспомощно наблюдать за отходом французов, ведь генуэзские капитаны, сославшись на неблагоприятные погодные условия, отказались выполнить его приказ о преследовании уходящего противника, а потом и вовсе заявили, что срок их обязательств подошел к концу, поэтому они, мол, намереваются вернуться на родину [5: № 4482, № 4483].

Макиавелли высказывал суждение, что именно буря спасла Ливорно: ни одна людская помощь не оказала бы такого эффекта [4: с. 48]. Да и сам Максимилиан I в своих воспоминаниях и письмах не находил слов, чтобы описать разгул стихии. Во Флоренции события вокруг Ливорно рассматривались прямо как Божий суд, который словно в очередной раз подтвердил правоту Савонаролы и тем самым возвысил авторитет доминиканца до небес [5: № 4484].

Итог итальянской кампании был плачевным. Габсбургу надо было срочно сворачивать военные мероприятия и распускать армию, чтобы до наступления зимы вернуться домой. Тем более что деньги на оплату наемников кончились. К тому же, как стало известно, испанцы и папа вступили в переговоры с Карлом VIII о заключении перемирия. А предательство венецианцев уже стало притчей во языцех. И хотя сам Максимилиан I выражал мнение, что он не может вести войну одновременно против человека и против природы [2: с. 101], но справедливости ради стоит сказать, что главной причиной его фиаско стали все-таки недостаточная материально-техническая и тактическая подготовка заальпийского похода (как следствие, в том числе и отсутствие поддержки со стороны сословий) и его доверчивость относительно обещаний союзников. Свою ответственность за провал операции Габсбург никогда не признавал, а сваливал вину попеременно на сословия, инсбрукских советников и итальянских союзников, которые все вместе, как он полагал, не оказали достаточной поддержки предприятию и, значит, были повинны в неудачном исходе. Фактическое военное поражение негативно отразилось на его имидже как полководца. Политические же последствия неудачной кампании

были значительно шире, ибо именно с того момента начался постепенный распад Венецианской священной лиги.

В начале ноября 1496 года истекли трехмесячные союзнические обязательства по выплате субсидий, следовательно, дальнейшее военное сотрудничество в рамках лиги было лишено всякой договорной основы. Не говоря уже о том, что эти обязательства выполнялись из рук вон плохо, о чем свидетельствуют постоянная нехватка денег для выплаты содержания наемной армии и проблемы со снабжением, в том числе и провиантом. В таких обстоятельствах Максимилиан I принял единственно верное решение: прервать поход и вернуться в Германию. Что, впрочем, поначалу вызвало у итальянцев немалое удивление.

В местечке Вико Пизано 15 ноября состоялось последнее заседание представителей лиги. Глава империи обрушился с гневной критикой на послов, заявляя, что итальянцы все это время водили его за нос и что он никогда не забудет им этой подлости. Здесь же монарх распустил большую часть своего войска.

Несмотря на всю очевидность ситуации, в источниках встречаются различные точки зрения очевидцев событий по поводу причин провала и прекращения кампании. Так, миланец Корио отмечает, что бездействие лиги было вызвано исключительно спором между Миланом и Венецией по вопросу владения Ливорно и страхом, что монарх втайне собирался в обмен на деньги официально передать город после его взятия флорентийцам, намереваясь к тому же под шумок завладеть Пизой. И когда, мол, его план сорвался, он предпочел отступить. А сам Максимилиан I в своих мемуарах придерживался версии, что якобы тревожные сообщения из Франции заставили его спешно покинуть Среднюю Италию. Он, дескать, получил из надежного источника информацию о том, что Карл VIII подготавливал нападение на Савону и Геную с высадкой десанта на Лигурийском побережье, чтобы отрезать главе империи пути сообщения с этой частью Италии [5: № 4502, № 4524].

После тяжелого перехода Апеннин, во время которого вследствие голодных смертей и обморожений его и так немногочисленное войско поредело, монарх прибыл 21 ноября в Сарцану, откуда скрепя сердце он наконец известил имперские сословия о полном провале операции в Ливорно. Затем после короткой передышки король направился в Павию.

Внезапное отправление монарха привело итальянцев в замешательство. Никто не знал его дальнейших планов, и многие предполагали, что за этим крутым поворотом скрывается очередная уловка Максимилиана I [5: № 4504]. В Венеции проходили многочасовые консультации членов Сената с послами участников лиги с целью выработать единую позицию по поводу того, как реагировать на это событие. Наибольшую тревогу у итальянских политиков вызывали два вопроса: не договорится ли сейчас Габсбург за их спиной с Карлом VIII, а если и нет, то не спровоцирует ли его поспешное отступление

вторжение французов на полуостров? В условиях политической неопределенности Венеция, папа, Неаполь и прежде всего миланский герцог принялись наперебой заклинять Максимилиана I изменить свое решение и не покидать Италию по крайней мере до весны 1497 года или хотя бы оставить здесь боеспособные части на тот же период [6: с. 416]. Ни разу за все время похода союзники не добивались так настойчиво расположения главы империи, как в момент его ухода с Апеннин.

В Павии монарха уже ждали Лодовико Моро и папский легат. Вскоре подъехали и венецианцы. Хотя король в ходе аудиенции снова осыпал делегатов разного рода упреками, тем не менее он держался очень уверенно, вновь заговорил о тотальной войне с Францией и подчеркнул необходимость скорейшего использования плодов достигнутой, по его словам, «победы». Итальянцы, в свою очередь, соблазняли Габсбурга лестью, восхваляли его достижения в Италии и осаждали его просьбами, сопровождаемыми щедрыми предложениями. Все, включая венецианцев, пообещали удвоить ставки ежемесячных субсидий. По их расчетам, выходила сумма в 20 тыс. дукатов вместо положенных 10 тыс. дукатов. Одновременно миланцы и венецианцы оказывали давление на Святой престол с тем, чтобы Максимилиану I было выдано официальное приглашение на императорскую коронацию в Риме [9: с. 38]. Цель совершенно ясна: любыми способами задержать главу империи в Италии.

Форсированным маршем Максимилиан I двинулся из Павии мимо Милана к Комо, где состоялась его встреча с Лодовико Моро [5: № 4558]. Напрасно миланский герцог упрашивал его не покидать полуостров и красноречиво доказывал свою невиновность в превратностях последних месяцев. Но король твердо стоял на своем и согласился лишь оставить на севере Италии немногочисленные имперские контингенты под командованием Сигизмунда Прюшенка для защиты наиболее уязвимых мест от возможного нападения французов.

В местечке Белладжио по пути в Тироль Максимилиан I составил и разослал в адрес Венеции и Милана меморандум под названием «*Consultatio mystica*» («Мистический совет»). Используя таинственные намеки и метафоры, в поистине мистических формах он перечислил адресатам печально известные факты итальянской кампании и одновременно потребовал пересмотра статей договора о создании лиги и введения системы единоначалия в альянсе под его личным руководством. Монарх подчеркивал важность сохранения единства союза, даже сравнивая его с триединством Святой Троицы. В послании говорилось, что Неаполь и Флоренция должны быть обязательно приняты в члены лиги, а Пиза возвращена Флоренции. Следовало наконец принять решение о проведении наступательной войны против Франции на широком фронте. Если Европа сплоченными усилиями не даст, мол, отпор французским поползновениям, то это будет означать «распад лиги и множество бед в будущем». Далее документ содержал подробный план военных действий союзников на грядущий год [5: № 4575].

Таким образом, складывалось впечатление, что глава империи покидал Италию вовсе не в подавленном и удрученном настроении. Напротив, он был полон новых грандиозных замыслов. Обновление лиги и ее адаптация к изменившимся реалиям — вот что его непосредственно заботило в тот момент. Очевидно, Габсбург надеялся, что французы теперь, после его ухода, непременно вторгнутся в Италию, и это обстоятельство заставит итальянских союзников вновь сплотиться и перейти к активным действиям, а кроме того, позволит втянуть империю во всеобщую войну с Францией. В своем неисчерпаемом оптимизме Максимилиан I наверняка рассчитывал, что сможет придать ходу событий иной поворот.

Главным итогом итальянской кампании главы империи стал тот факт, что Франция все же была вынуждена на время отказаться от своих притязаний в Италии, что дало государствам полуострова желанную, хоть и кратковременную, передышку. Поэтому данный факт можно считать определенным успехом Габсбурга, который фактически малыми средствами и без помощи империи смог пусть и не навсегда, но вывести Италию из фокуса французской захватнической политики. И с учетом масштабности целей и задач политики Карла VIII на полуострове и средств, применяемых французским королем, надо оценивать исход этого противоборства скорее по тому, чему удалось воспрепятствовать, а не по количеству выигранных батальей. Ведь в эпоху, когда вся европейская система государств начала настраиваться на решение ключевого вопроса, а именно — какая из держав будет главенствовать на Апенниннах, — устранение непосредственной французской угрозы может рассматриваться как частичный успех внешней политики Габсбурга. А максимальную выгоду из этого противостояния извлекли венецианцы, использовавшие немцев в борьбе с французами и сумевшие таким образом помешать как установлению гегемонии Франции, так и укреплению влияния империи в Италии.

Литература

1. *Фурцев Р.В.* Борьба Максимилиана I Габсбурга за политическое влияние империи в Италии в конце XV в. М.: Спутник+, 2015. 159 с.
2. *Hollergger M.* Maximilian I. (1459–1519) Herrscher und Mensch einer Zeitenwende. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. 322 p.
3. *Kretschmayer H.* Geschichte von Venedig. Gotha: Perthes, 1920. 605 p.
4. *Machiavelli N.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Munchen: Floerke, 1925. 559 p.
5. *Regesta Imperii XIV: Ausgewahlte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519.* Bd. 2 / bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
6. *Sanuto M.* I Diarii. T. I. Venezia: Visentini, 1879. 942 p.
7. *Ulmann H.* Kaiser Maximilian I. Auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Bd. 1. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1884. 808 p.
8. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Bd. 2. Munchen: Oldenbourg, 1975. 576 p.
9. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitats-Buchhandlung, 1909. 128 p.

Literatura

1. *Furcev R.V.* Bor'ba Maksimiliana I Gabsburga za politicheskoe vliyanie imperii v Italii v konce XV v. M.: Sputnik+, 2015. 159 s.
2. *Hollergger M.* Maximilian I. (1459–1519) Herrscher und Mensch einer Zeitenwende. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. 322 p.
3. *Kretschmayer H.* Geschichte von Venedig. Gotha: Perthes, 1920. 605 p.
4. *Machiavelli N.* Gesammelte Schriften. Bd. 5. Munchen: Floerke, 1925. 559 p.
5. Regesta Imperii XIV: Ausgewahlte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519. Bd. 2 / bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
6. *Sanuto M.* I Diarii. T. I. Venezia: Visentini, 1879. 942 p.
7. *Ulmann H.* Kaiser Maximilian I. Auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Bd. 1. Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta 'schen Buchhandlung, 1884. 808 p.
8. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Bd. 2. Munchen: Oldenbourg, 1975. 576 p.
9. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitats-Buchhandlung, 1909. 128 p.

R.V. Furtsev

The Italian Campaign of Maximilian I of Habsburg in 1496

The article analyzes the political and military activities of Holy Roman Emperor Maximilian I of Habsburg during the implementation of his Italian campaign in 1496 with the aim to counteract to France and strengthen the position of the Empire in Italy. This campaign is one of the key episodes of the initial phase of the Italian Wars.

Keywords: Italy; Empire; war; politics; Holy League.

Е.Н. Рыжков

Интерпретация начального этапа формирования послевоенных правительств в государствах Восточной Европы (1944–1945) в работах А. Улама

В статье рассматривается исследование начального этапа формирования послевоенных правительств в государствах Восточной Европы в работах видного американского историка, многолетнего директора Русского исследовательского центра Гарвардского университета Адама Бруно Улама. Автор останавливается на ключевых моментах складывания политических систем в Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии и Югославии в интерпретации А. Улама, который уделяет особое внимание взаимодействию СССР с США и Великобританией, в первую очередь по польскому вопросу, а также политическому и военному влиянию Советского Союза на указанный процесс.

Ключевые слова: Адам Улам; формирование послевоенных правительств; Восточная Европа; польский вопрос; советизация.

Важной сюжетной линией в работах американских историков, посвященных внешней политике СССР периода 1945–1953 годов, является ход советизации (или сателлизации, по определению Ч. Гати) до 1947 года, т. е. формирование послевоенных правительств и складывание правительственных коалиций в странах региона, разные темпы советизации и их причины. Важной составляющей этой линии многие исследователи считают предысторию установления просоветских режимов в странах Восточной Европы, обсуждение судьбы этих стран на переговорах союзников, в том числе на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Подробно на этом вопросе останавливается А. Улам. «Мало что вызывало такое трепетное желание у русских, как контроль коммунистов над Восточной и Юго-Восточной Европой» [2: с. 26]. Кроме установления режимов, которые были бы идеологически дружественны Советскому Союзу, были и другие важные стратегические причины, продолжает он. Однако А. Улам указывает на то, что все шаги в этом направлении предпринимались Сталиным с большой осторожностью и оглядкой на реакцию США и Великобритании. В качестве примера он приводит тот факт, что, хотя СССР отозвал признание Лондонского польского правительства в изгнании еще весной 1943 года, он в то же время даже на момент высадки союзников в Нормандии в 1944 году не признал «конкурирующую прокоммунистическую группу», т. е. Люблинский комитет национального

освобождения, так как американцы неожиданно могли заупрямиться и понадобилось бы компромиссное решение. Кроме того, еще в 1944 году И.В. Сталин был недоволен слишком открытой демонстрацией югославскими партизанами коммунистического характера их движения и бомбардировал Тито и его сторонников, к их вящему изумлению, просьбами вести себя менее вызывающе и даже вопрошая, почему Тито не сотрудничает с генералом Михайловичем (впоследствии казненным за сотрудничество с нацистами). Таким образом, заключает Улам, будущая быстрая сателлизация Восточной Европы далеко не воспринималась как нечто само собой разумеющееся [2: с. 26].

Далее А. Улам подробно рассматривает перипетии решения польского вопроса, как определяющего, по его мнению, все дальнейшее развитие событий в регионе. Успешное решение польской проблемы, утверждает он, являлось предметом особой важности для СССР, так как если бы России удалось получить карт-бланш в Польше, это означало бы, что ей, скорее всего, удастся преодолеть возражения союзников по поводу Румынии, Болгарии и других стран. «Доминирующая позиция в Польше была одной из основных целей войны (для СССР. — *Е. Р.*)», — пишет он [2: с. 42], поскольку дала бы СССР преимущество в случае восстановления сил антисоветской Германией. Еще в Тегеране Сталин добился от Черчилля и Рузвельта согласия «передвинуть Польшу на запад», т. е. сохранить за СССР восточные территории Польши, населенные преимущественно украинцами и белорусами в обмен на отторжение у Германии в пользу Польши Силезии, Померании и части Восточной Пруссии. Таким образом, Польша становилась ценным призом для СССР — возможностью собственно территориальных приобретений и потенциальным сателлитом, обладающим доступом к промышленным богатствам Силезии. Улам объясняет разрыв отношений между СССР и Лондонским польским правительством именно нежеланием последнего смириться с потерей восточных земель. Далее он описывает создание Люблинского польского освободительного комитета, составленного из коммунистов, которому советскими властями были передано гражданское управление областями, освобожденными от германских войск, и который они явно рассматривали как ядро будущего правительства Польши.

Улам сравнивает советскую дипломатию этого периода с военной кампанией, когда каждая словесная уступка Запада или даже намек на уступку воспринимались как незыблемая договоренность и плацдарм для нового дипломатического наступления [2: с. 42]. Так, довольно небрежная дискуссия в Тегеране по польскому вопросу стала основой для советских территориальных требований против Польши. Кроме того, Сталиным использовались исторические реминисценции часто сомнительного свойства, утверждает Улам: например, то, что еще лорд Керзон после Первой мировой войны предписывал именно такое территориальное разделение между Россией и Польшей, так почему он, Сталин, должен быть менее справедлив к своему народу, нежели чем английский лорд. От территориальных требований СССР перешел к требованиям установления такого польского

правительства, которое устраивало бы Советский Союз. Образование Люблинского комитета было очевидным шагом на этом пути.

Варшавское восстание 1944 года, пишет Улам, было отчаянным гамбитом законного (т. е. Лондонского) польского правительства, преследовавшего две цели: 1) показать миру, что оно пользуется широкой поддержкой у населения страны и что советские утверждения об отсутствии у него такой поддержки являются инсинуациями, и 2) заручиться поддержкой их требований британцами и американцами [2: с. 44] (в более поздней работе «История Советской России» Улам писал, что второй целью было предотвращение установления просоветского режима [5: с. 172]).

Бездействие советских войск, стоявших на другой стороне Вислы в течение месяцев, за которые восстание было утоплено в крови, и, более того, противодействие британским и американским войскам в снабжении повстанцев для многих поляков стало ужасным уроком политического реализма: ввиду сталинской безжалостности и индифферентности или неспособности западных союзников оказать помощь Польша, уже практически доведенная до крайности ужасами германской оккупации, вряд ли могла теперь оказывать сопротивление еще одной тоталитарной державе [2: с. 44].

Улам отмечает также интересную ситуацию, сложившуюся в отношении Болгарии. Когда Болгария попыталась в 1944 году выйти из войны и болгарское правительство начало переговоры с Союзным командованием в Италии, это вызвало парадоксальный эффект: Советский Союз, которому Болгария войны не объявляла и соответственно не могла вести с ним мирные переговоры, теперь объявил ей войну и оккупировал ее. С военной точки зрения материальные затраты и людские потери СССР вдалеке от главного театра военных действий имели столь же мало смысла, как высадка англо-американских войск, скажем, в Норвегии. Но политически присутствие Красной Армии в этой стране создавало предпосылки для того, чтобы вне зависимости от будущих протоколов, союзнических контрольных комиссий и т. д., реальная власть находилась в руках Москвы [2: с. 45].

Далее Улам обращается к теме так называемых «черчиллевских процентов» – попытке Черчилля договориться со Сталиным о разделе стран Восточной Европы на сферы влияния между Великобританией и СССР. Например, предполагалось, что в Румынии Британия должна обладать 10 % влияния, а Советский Союз 90 %, в Греции же наоборот.

Улам крайне скептически комментирует перспективу выполнения данных соглашений, учитывая отсутствие согласия США, а также абсолютную неясность фундамента, на который опирались эти процентные деления. Скажем, пишет Улам, каким образом Британия собиралась претендовать на 20 % влияния в Болгарии, принимая во внимание тот факт, что все перечисленные страны в скором времени будут оккупированы советскими войсками (или, как в случае с Югославией, местным коммунистическим Сопротивлением)? Зачем СССР при таком

раскладе уступать Британии даже 1 %? Единственным исключением была Греция, однако воздержание Сталина от помощи греческим коммунистам во время декабрьского восстания 1944 года было продиктовано, конечно, не процентным планом Черчилля, а тем простым фактом, что поблизости не было Красной армии, а стало быть, у Сталина не было причины вступать по этому поводу в какие-либо столкновения с британцами.

Польша, отмечает Улам, вообще не упоминалась в этом плане, и подтекст был ясен: британцы смирились с тем, что Польша будет находиться полностью в советской сфере влияния, хотя и надеялись еще спасти ее от чисто коммунистического режима. Премьер Миколайчик был вызван в Москву, и Черчилль безжалостно заставил его согласиться с советскими территориальными претензиями и достичь компромисса с «люблинскими поляками». Хотя у Черчилля, пишет Улам, не было сомнений в том, что последние являются советскими марионетками, он чувствовал, что быстрое решение польского вопроса позволит рассчитывать на то, что Сталин будет более уступчив в других вопросах и оставит Польше хоть какие-нибудь осколки независимости. Американцы также оценили бы решение этой острой проблемы без необходимости их участия. Однако Миколайчик, который склонялся к компромиссу с русскими, встретил резкое противодействие со стороны своего кабинета и ушел в отставку в ноябре 1944 года. Следующее польское правительство в Лондоне фактически игнорировалось и англичанами и американцами [2: с. 48].

В книге «Сталин. Человек и его эра» Улам также указывает еще одну важную причину, в силу которой не срабатывали ни процентный план, ни иные схемы противодействия превращению Восточной Европы в сферу влияния СССР — американское и британское общественное мнение, которое желало мира и продолжения дружбы с Советским Союзом. Мало кто в таких условиях стал бы подвергать эту дружбу опасности ради какой-нибудь маленькой балканской страны, или чтобы не один, а другой политический деятель с непрогнозируемой фамилией стал премьер-министром Польши. Советские вожди, пишет Улам, очень хорошо разбирались в основах политики западных демократий. С окончанием войны также прекращались почти диктаторские полномочия британского кабинета и американского президента в области внешней политики. Черчилль призывал Сталина не пренебрегать глубокой озабоченностью западных держав по поводу Восточной Европы. Но Сталин помнил слова Рузвельта в Ялте о том, что Конгресс и американское общественное мнение не позволит американским войскам оставаться в Европе более двух лет после капитуляции Германии. А чего стоит «глубокая озабоченность», если она не подкреплена войсками? [4: с. 620].

Советский Союз, пишет далее Улам в книге «Соперники», занял нейтральную позицию в отношении восстания греческих коммунистов в ноябре – декабре 1944 года. Их попытка захватить Афины была явно предпринята без побуждения или поддержки со стороны СССР. Черчилль на этом основании предположил, что

русские придерживаются его процентного плана, но истинная причина состояла в том, что у СССР не было оснований придти в столкновение с интересами Запада там, где их собственные жизненные интересы не затрагивались. Важнейшим вопросом послевоенного устройства для Сталина оставался польский вопрос, и он не собирался позволять греческим партизанам отвлекать на себя его внимание [2: с. 50].

Проблема обеспечения согласия американцев на замену германского доминирования в Восточной Европе советским, что напрямую шло вразрез с позицией как американских политиков, так и общественного мнения, стала в последний период войны основной целью советской дипломатии, считает Улам [5: с. 174].

Исследователь снова упоминает один из основных, по его мнению, приемов сталинской дипломатии — немедленное использование неловких шагов своих союзников-оппонентов. Так произошло с вопросом признания Люблинского комитета Временным правительством Польши, когда просьба Рузвельта к Сталину повременить с признанием до Ялтинской конференции вызвала прямо противоположный эффект и побудила советского вождя ускорить процесс признания, ссылаясь на Верховный Совет СССР. Улам отмечает, что многие на Западе долгое время наивно полагали, что, при лично доброжелательном настрое Сталина по отношению к Западу, он не обладает всей полнотой власти, когда речь идет о внешней политике и подвергается давлению со стороны «ястребов» в Политбюро [2: с. 51].

Обращаясь к теме Ялтинских соглашений, Улам пишет, что после войны Ялта приобрела зловещую репутацию в американском обществе: ведь именно там был «продан» Китай, а Запад впервые согласился на катастрофическое решение германского вопроса. Однако, отмечает он, скорее сам дух Ялты, чем какие-то конкретные решения, нанесли такой вред советско-американским отношениям.

При рассмотрении в Ялте вопроса признания Люблинского комитета Временным правительством Польши Сталин продемонстрировал вершины своего личного дипломатического искусства, считает Улам. В этом ему помогало удивительное знание деталей, с помощью которого он ставил своих оппонентов в неловкое положение и заставлял их занимать оборонительную позицию. В частности, он сравнивал Люблинский комитет с правительством де Голля, которое также никто не избирал, но тем не менее оно было признано и американцами, и англичанами. Утверждал, что в отличие от «люблинских поляков» лондонское правительство давно потеряло связь со своим народом, отсутствуя в стране более 5 лет. (На самом деле лондонское правительство в этот момент возглавлял недавно прибывший из Польши деятель Сопротивления, но ни Рузвельт, ни Черчилль не помнили об этом.) Он никогда не прибегал к открытым угрозам, лишь намекал на возможные зловещие последствия «упрямства» западных держав. «СССР, — заявил он Черчиллю, — имеет

право требовать установления в Польше режима, который был бы дружествен по отношению к Советскому Союзу» [4: с. 619].

Результатом стало то, что Сталин добился почти всего, чего желал: существующее Временное правительство Польши, составленное из «люблинских поляков», стало ядром будущего Правительства национального единства, в которое также приглашались демократические лидеры, находящиеся как в Польше, так и за границей, и процесс его формирования должен был контролироваться московской комиссией, состоящей из Молотова и послов Америки и Британии. Это означало практический, хоть еще и не формальный отказ Запада от легитимного правительства в Лондоне [2: с. 56].

Решение по Польше, продолжает Улам, поставили под удар и Декларацию об освобожденной Европе, провозглашенную на конференции, так как она предусматривала, что Большая тройка будет придерживаться свободного самоопределения наций, освобожденных от нацистского режима, выраженного через свободные выборы. Ибо как, удивляется Улам, можно было передать власть над страной (Польшей) иностранной державе да еще требовать, чтобы это было сделано через свободные выборы в соответствии с высокими принципами морали и демократии? [2: с. 57].

Именно впечатление, вынесенное русскими из тона проходивших в Ялте переговоров, заключает Улам, было немедленно транслировано в возросшее давление на страны, оккупированные Красной армией. В Румынии короля Михала жестоко принудили к назначению контролируемого коммунистами правительства. В Югославии Тито ускорил выполнение задачи по удалению некоммунистических элементов из правительства и прекращению компромисса с роялистами, на который Черчилль возлагал так много надежд. Президент Чехословакии Бенеш после посещения им Москвы в марте 1945 года реорганизовал правительство с целью включения в него нескольких коммунистов и назначил премьер-министром Зденека Фирленгера, который хоть еще и не являлся членом коммунистической партии, но, будучи послом в Москве, в полной мере стал так называемым «попутчиком».

Декларация об освобожденной Европе стала, таким образом, не столько неэффективной, сколько вообще не относящейся к реальной обстановке, так как ее положения не срабатывали против реального или надвигающегося присутствия Красной армии, против истощения людей и разрухи в освобожденных странах, которые побуждали политиков искать союза с русскими или подчиняться им или их местным друзьям [2: с. 58].

В особенности, по мнению Улама, «дух Ялты» проявился в событиях в Польше. Для Молотова работа Комиссии трех держав по организации будущего польского режима означала взятие за основу Польского временного правительства, состоявшего из «люблинских поляков», и добавление к нему нескольких подходящих для Советского Союза фигур. Он отвергал большинство предлагаемых американским и английским коллегами «демократических» кандидатур на основании

того, что они связаны с фашизмом, не подходят Временному правительству и т. д. Тем временем для того, чтобы оказать поддержку Временному правительству, которое столкнулось с повсеместным, хотя и пассивным сопротивлением польского населения, активизировали свою деятельность соединения НКВД, вошедшие в страну с Красной армией. В марте 1945 года под предлогом встречи с советскими военными властями 16 лидеров польского сопротивления, связанного с Правительством Польши в Лондоне, были вызваны в штаб маршала Жукова и арестованы, несмотря на гарантии безопасности. Советские военные власти также не допускали представителей союзников инспектировать места содержания освобожденных Красной армией американских военнопленных, поскольку явно не хотели допускать на польскую территорию иностранных наблюдателей, которые могли бы поведать миру о действиях Красной армии и советских секретных служб.

Все эти события привели к столкновениям и острой дипломатической переписке между Рузвельтом и Сталиным, в которой американский президент выражал недовольство действиями советских представителей в Польше и Румынии, преследованиями политических противников коммунистов в Польше и чинимыми американскому и английскому послам препятствиями со стороны советских оккупационных властей. Однако, отмечает Улам, «дух Ялты» проявлялся в том, что Сталин явно полагал, что изучил своих американских друзей вдоль и поперек и может пренебрегать их возражениями [2: с. 59].

Сталин знал также, что и новый президент США Трумэн, опасаясь реакции общественного мнения, не может резко поменять политику США, поэтому спокойно и жестко реагировал как на совместную англо-американскую ноту от 18 апреля 1945 года с протестом против действий СССР по формированию нового польского режима, так и на недовольство Черчилля в связи с невыполнением процентного плана в Югославии, где деление 50 на 50 явно не соблюдалось в связи с очевидной преданностью маршала Тито Советскому Союзу.

Сталин явно чувствовал, пишет Улам, что жесткие высказывания Трумэна не будут подкреплены соответствующими действиями, и будет неправильно дать понять, что на позицию Советского Союза можно повлиять несколькими резкими словами. И это было правильной оценкой ситуации, так как в сложившейся ситуации западные лидеры не имели бы ни политической, ни моральной поддержки общественного мнения своих стран в случае начала конфронтации с СССР. И в этот момент не было никаких шансов исправить политические ошибки западных союзников в Тегеране и Ялте, так как было маловероятно, что Советский Союз прислушается к протестам Запада и еще менее вероятно, что общественное мнение поймет и поддержит жесткий курс в отношении СССР [2: с. 66].

Советскую политику в отношении Восточной Европы нельзя было изменить, но на нее можно было бы повлиять, считает Улам, если бы США продолжали занимать жесткую позицию, что доказывает отступление Тито из Триеста под давлением Сталина. Однако в отсутствие таковой, миссия

Гарри Гопкинса, отправленного Трумэнном в Москву для поиска компромисса по польскому вопросу в преддверии Потсдамской конференции, провалилась, так как была основана на ошибочном предположении, что Сталин готов к компромиссу, но вынужден принимать во внимание жесткую противоположную позицию Молотова. Невозможно поверить в то, что Молотов, который не мог даже предотвратить ссылку собственной жены, был в состоянии повлиять на принимаемые Сталиным внешнеполитические решения, комментирует Улам [2: с. 67].

Польский вопрос был, таким образом, решен в полном соответствии с требованиями русских, продолжает он. В польское правительство было допущено лишь несколько «посторонних», а их лидер Миколайчик был назначен заместителем премьер-министра, не получив ни реальной власти, ни влияния. А ведь еще несколько месяцев назад русские охотно согласились бы на назначение его премьер-министром.

К началу Потсдамской конференции, пишет Улам, советская сфера влияния в Восточной Европе и Германии не являлась *fait accompli*. Американская делегация прибыла в Потсдам обремененная массой документов, касающихся действий советских представителей в странах, оккупированных Красной армией, в частности жалобой американского представителя в Союзной контрольной комиссии в Болгарии на то, что его не информируют о деятельности Комиссии, сам он фактически является заключенным, изолированным от окружающего мира, а болгары, занимающие антикоммунистические позиции, подвергаются гонениям. Однако попытки поднять эти вопросы на конференции, посвященной репарациям с Германии и передаче Польше германских земель в качестве компенсации за перешедшие к СССР польские земли, ни к чему не привели, натолкнувшись на жесткий ответ Сталина, суть которого состояла в том, что в Болгарии и Румынии есть теперь собственные демократические правительства и не следует вмешиваться в дела этих суверенных стран, тем более что Советский Союз не вмешивается, скажем, в действия Великобритании в Греции [2: с. 73].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Улам считает определяющей роль Советского Союза в формировании послевоенных правительств в странах Восточной Европы при фактической политике невмешательства в этот процесс со стороны его западных союзников — США и Великобритании.

Литература / Literatura

1. *Ulam A.* Titoism and Cominform. N. Y., 1951. 251 p.
2. *Ulam A.* The Rivals: America and Russia since World War II. N. Y., 1971. 520 p.
3. *Ulam A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1973. N. Y., 1973. 680 p.
4. *Ulam A.* Stalin: the man and his era. N. Y., 1973. 760 p.
5. *Ulam A.* The history of Soviet Russia. N. Y., 1976. 312 p.
6. *Ulam A.* The communists: the story of power and lost illusions. N. Y., 1991. 528 p.

E.N. Ryzhkov

The Interpretation the Initial Stage of the Formation of the Postwar Governments in the States of Eastern Europe (1944–1945) in the Works of A. Ulam

The article considers the study of the initial stage of the formation of the postwar governments in the states of Eastern Europe in the works of a prominent American historian and longstanding Director of the Russian Research Center of Harvard University Adam Bruno Ulam. The author dwells on the key aspects of formation of political systems in Poland, Romania, Bulgaria, Czechoslovakia and Yugoslavia in A. Ulam's interpretation, who pays special attention to the interaction of the USSR with the USA and Great Britain, primarily, on the Polish issue, as well as political and military influence of the Soviet Union on this process.

Keywords: Adam Ulam; formation of the postwar governments; Eastern Europe; Polish issue; sovietization.

**Рецензия на книгу:
Пыжиков А.В. Питер – Москва. Схватка
за Россию. М.: Олма Медиа Групп, 2014.
464 с.**

Предыдущая историософская монография А.В. Пыжикова «Грани русского раскола» вызвала значительный интерес профессионального сообщества. Затронутая в ней тема противостояния петербургского и московского предпринимательских кланов нашла продолжение в новой работе автора. Она охватывает период с начала XVIII века до 1917 года.

В первой главе работы («Правящий класс и купеческо-крестьянский капитализм») автор стремится доказать, что существенной чертой высшего российского общества, в корне отличавшей его от европейских элит, было неприятие предпринимательской деятельности (с. 8). Поэтому Петр I, заинтересованный в развитии промышленности, произвел «легализацию раскола» и тем самым вовлек в экономику страны старообрядческие общины (с. 8–9). В результате российский капитализм надолго стал в конфессиональном плане старообрядческим, а в социальном — «крестьянско-купеческим» (с. 23). При этом экономическое развитие, основанное на общности веры, способствовало дальнейшему распространению старообрядчества благодаря вовлечению в него экономически активных элементов из никонианской среды (с. 31).

Центром «крестьянско-купеческого капитализма» (и одновременно старообрядчества) становится Москва. Петербургская бюрократия, наоборот, поддерживает «дворянский и иностранный капитал» (с. 48–49). Между ним и купеческой элитой, обосновавшейся в Москве, разворачивается конкуренция. В качестве примера «крупной схватки» между ними А.В. Пыжиков приводит борьбу Главного общества российских железных дорог (в котором видную роль играли французские финансисты) и Московского товарищества (включавшего «цвет староверческого купечества») за покупку Николаевской железной дороги, развернувшуюся в 1868 году. Ее исход, как полагает автор,

решила поддержка Александром II Главного общества российских железных дорог (с. 49–51).

По мнению А.В. Пыжикова, при этом монархе власти с «недоверием относились к инициативам московского клана», в первую очередь поддерживая деловые начинания дворянской верхушки (с. 58–59). Ситуация изменилась при Александре III, находившемся под влиянием «политических групп, получивших наименование русской партии». К ней автор в числе прочих причисляет В.П. Мещерского, М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, И.К. Бабста, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина (с. 64). Лидеры московской буржуазии получили от нее политическую поддержку. Апогеем «купеческого влияния» стала отставка Н.Х. Бунге, чья политика вызывала недовольство «капиталистов из народа и их друзей из русской партии» (с. 71).

Во второй главе А.В. Пыжиков рассматривает отношение купеческой элиты к проблеме ограничения самодержавия в начале XX века. По мнению автора, в это время само российское руководство, включая Николая II, склонялось к преобразованию абсолютной монархии в конституционную (с. 86). В русле концепции В.В. Леонтовича А.В. Пыжиков считает, что подлинно либеральные идеи в это время вызревали не столько в общественных кругах, сколько в недрах высшей бюрократии (с. 87). При этом ее целью было повышение инвестиционной привлекательности страны, стремление к рынкам международного капитала. На взгляд рецензента, это утверждение является спорным. Значительный приток инвестиций (преимущественно французских) начался в Россию еще при консерваторе Александре III, что было связано с военно-политическим сближением России и Франции.

Как полагает А.В. Пыжиков, «невиданный приток иностранных инвестиций застал купеческую элиту врасплох» (с. 101). Теперь перспективы развития страны соотносились ее руководством «не с народными капиталистами, а с иностранным капиталом» (с. 103). Это вызвало недовольство купечества. Прежняя «верноподданническая модель поведения» была исчерпана. Купеческая Москва наладила отношения с оппозиционными силами, полностью размежевавшись со славянофильскими кругами, которые до этого «в течение десятилетий политически обслуживали капиталистов из народа» (с. 108).

Эта логическая конструкция А.В. Пыжикова представляется уязвимой. Переход старообрядческой Москвы в оппозицию к властям легче объяснить конфликтом московского купечества с генерал-губернатором Сергеем Александровичем, чем недовольством «капиталистов из народа» притоком иностранных инвестиций. С другой стороны, мысль о том, что активная поддержка местного купечества способствовала тому, что размах революционной борьбы достиг наибольшего накала именно в Москве, представляется весьма интересной. Это утверждение А.В. Пыжиков подкрепил рядом фактов взаимодействия московских купцов с революционерами, почерпнутых им из архивных документов, включая протокол допроса фабриканта Н.П. Шмита после боев на Пресне в декабре 1905 года (с. 126–130).

В третьей главе автор рассматривает конфликты между «чиновничье-банковским Петербургом» и «московскими интересами» в период между революцией 1905–1907 годов и началом Первой мировой войны. Особое внимание он уделяет борьбе вокруг создания на базе синдиката «Продамет» металлургического треста. Против этой инициативы выступили депутаты от октябристов (А.И. Гучков, В.П. Каменский, Я.Г. Гололобов) и кадетов (В.А. Караулов, Н.Н. Щепкин), Московский биржевой комитет во главе с Г.А. Крестовниковым. При этом противники треста «позиционировали себя яростными защитниками уральской горной индустрии», поскольку, по мнению А.В. Пыжикова, «московская буржуазия имела свои виды на Урал» (с. 154–158).

Для более активного вовлечения ресурсов Урала в экономику страны большое значение имела постройка железной дороги из этого региона в центр России. Как пишет А.В. Пыжиков, конкурировали два основных проекта, подготовленные петербургской и московской деловыми элитами. Первый предполагал маршрут «Екатеринбург – Казань», второй «Екатеринбург – Нижний Новгород». И вновь победа досталась петербургскому проекту, который поддержал председатель совета министров В.Н. Коковцов (с. 163–166).

Отметим, что его отставка во многом была связана с интригами А.В. Кривошеина. Факты, приводимые, А.В. Пыжиковым, придают борьбе А.В. Кривошеина против В.Н. Коковцова дополнительный смысл. Исследователь обращает внимание на то, что А.В. Кривошеин был женат на внучке Т.С. Морозова, «слыл своим в кругах московской купеческой элиты, водил дружбу с С.Т. Морозовым и С.И. Мамонтовым» (с. 201–203).

Четвертая глава монографии посвящена времени Первой мировой войны. Начавшаяся война, отмечает А.В. Пыжиков, актуализировала тему «вражеского, точнее, немецкого засилья во всех областях российской жизни». Теперь московская буржуазия могла открыто повести атаку «на своего давнего конкурента — немецкий бизнес, тесно связанный с петербургскими придворными, правительственными и банковскими кругами» (с. 208).

Частью этого наступления стала попытка москвичей завладеть Русским торгово-промышленным банком Петрограда. Сначала значительный пакет его акций приобрела группа Рябушинских. Но Министерство финансов помешало полному переходу этого учреждения в руки москвичей. Тогда они стали действовать через подставное лицо — Карла Ярошинского, который решил вовлечь в дело брата царя — Михаила. А.В. Пыжиков ввел в научный оборот интереснейший документ — письмо Н.С. Брасовой великому князю Михаилу Александровичу, в котором та расхваливала Ярошинского и убеждала своего мужа войти в будущее руководство Русского торгово-промышленного банка (с. 396–401).

В русле противостояния «Москва – Петроград» А.В. Пыжиков рассматривает и вопрос о секвестре Путиловского завода, находившегося под контролем Русско-Азиатского банка (с. 219–224). Эту акцию осуществил военный

министр А.А. Поливанов, связанный с политиком-либералом московского происхождения А.И. Гучковым. Однако активным участником атаки на Путиловский завод был и кадет А.И. Шингарев, не имевший отношения к купеческой Москве. Этот пример показывает, что сводить все конфликты этого периода к борьбе Петербурга и Москвы значит сильно упрощать сложную картину исторической реальности. И, разумеется, рассматривая историю Путиловского завода в годы Первой мировой войны, нельзя было игнорировать недавнее фундаментальное исследование В.В. Поликарпова [1].

Последним витком противостояния буржуазии Москвы и Петрограда А.В. Пыжиков называет время после Февральской революции 1917 года. Ключевую роль в свержении Николая II, по мнению автора, сыграли купеческие верхи (с. 279). Они стремились привести к власти великого князя Михаила Александровича, через свою супругу Н.С. Брасову связанного с купеческой Москвой (с. 280–281). Крушение монархии привело к власти Временное правительство, в первом составе которого видную роль играли либеральные политики-москвичи. Они находились в «тесном взаимодействии с революционными силами, учредившими Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов» (с. 283–287). Через него Временное правительство стремилось манипулировать народными массами, вводя в нужное русло революционную стихию.

Однако функция политических помощников Временного правительства очень скоро перестала удовлетворять лидеров Совета. Они захотели играть самостоятельную политическую роль и попытались установить контроль над армией. Из-за этого началась борьба между Временным правительством и Петроградским советом. А.И. Гучков и П.Н. Милюков не могли согласиться с претензиями советских деятелей. Уход этих политиков из Временного правительства «ознаменовал распад политической модели, сформированной в Москве». В борьбу за «контрольный пакет власти» включился еще один самостоятельный игрок в лице российских социалистов (с. 314).

Чтобы вернуть контроль над армией, «москвичи» поддержали создание Союза офицеров. А.В. Пыжиков обращает внимание, что на его съезд прибыли видные деятели партии кадетов — П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев, а также октябрист С.И. Шидловский (с. 309–310).

Тем временем «петербургский деловой мир» перешел от «пассивного наблюдения к усилению своих пошатнувшихся позиций» (с. 316). Петроградская банковская элита (в лице Путилова — Стахеева — Батолина) установила контакт с одним из ключевых членов Временного правительства — Н.В. Некрасовым (с. 323). Прелюдией к их тесному взаимодействию стали выгодные контракты, дарованные банкирам Министерством путей сообщения, которое возглавлял Некрасов (с. 394). Еще одним союзником «питерских финансистов» становится А.И. Гучков, который дал им ударную силу в лице генерала Л.Г. Корнилова (с. 409).

«Корниловской эпопее» посвящена заключительная глава книги. В ее начале А.В. Пыжиков высказывает мысль о том, что союз Л.Г. Корнилова с петроградской финансовой элитой налачился в течение апреля 1917 года «при посредничестве Гучкова» (с. 417). Однако введенные в научный оборот материалы показывают, что А.И. Путилов установил связь с Корниловым через В.С. Завойко [подробнее см.: 4; 5; 6]. Вопрос об отношениях В.С. Завойко и А.И. Гучкова требует дополнительного изучения.

Впрочем, А.В. Пыжиков видит Л.Г. Корнилова не орудием петроградских банков, а самостоятельной политической фигурой. Став главковерхом и имея прочные договоренности с «петроградской буржуазной группой», генерал в августе 1917 года обратился к «московским кругам» (с. 425). Однако Корнилову не удалось преодолеть давнее соперничество «питерского и московского буржуазных кланов». Неудачная попытка Корнилова объединить их стремления обернулась для него самого политическим провалом (с. 448).

Принимая в целом логику А.В. Пыжикова, следует отметить, что такая мощная сила, как партия кадетов, в его исследовании выступает как орудие московского купечества. С этим, разумеется, нельзя согласиться (подробнее об отношениях конституционных демократов и буржуазии см.: [2; 3]). В целом, однако, свежие, хотя и не бесспорные идеи, содержащиеся в рецензируемой книге, несомненно, пойдут на пользу развитию отечественной историографии.

Литература

1. *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик, 2008. 552 с.
2. *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. 227 с.
3. *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6. С. 118–130.
4. *Селезнев Ф.А.* «В государственном управлении вся сила и залог успеха именно в плане и системе его осуществления»: Из показаний ординарца генерала Л.Г. Корнилова прапорщика В.С. Завойко. 1917 г. // Исторический архив. 2011. № 4. С. 115–139.
5. *Селезнев Ф.А.* Окружение генерала Л.Г. Корнилова в апреле – мае 1917 г. (к биографии В.С. Завойко) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 2. С. 15–25.
6. *Селезнев Ф.А.* «Революционное оборончество» как идеология окружения генерала Л.Г. Корнилова (апрель – август 1917 г.) // Journal of Modern Russian History and Historiography, 2014. Volume 7. Issue 1. P. 52–63.

Literatura

1. *Polikarpov V.V.* Ot Czusimy' k Fevralyu. Czarizm i voennaya promy'shlennost' v nachale XX veka. M.: Indrik, 2008. 552 s.
2. *Seleznev F.A.* Konstitucionny'e demokraty' i burzhuaziya (1905–1917 gg.). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2006. 227 s.

3. *Seleznev F.A.* Konstitucionny'e demokraty' i predprinimateli v 1917 godu // Otechestvennaya istoriya. 2007. № 6. S. 118–130.

4. *Seleznev F.A.* «V gosudarstvennom upravlenii vsya sila i zalog uspeha imenno v plane i sisteme ego osushhestvleniya»: Iz pokazanij ordinarcza generala L.G. Kornilova praporshhika V.S. Zavojko. 1917 g. // Istoricheskij arxiv. 2011. № 4. S. 115–139.

5. *Seleznev F.A.* Okruzhenie generala L.G. Kornilova v aprele – mae 1917 g. (k biografii V.S. Zavojko) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2014. № 2. S. 15–25.

6. *Seleznev F.A.* «Revolucionnoe oboronchestvo» kak ideologiya okruzheniya generala L.G. Kornilova (aprel' – avgust 1917 g.) // Journal of Modern Russian History and Historiography, 2014. Volume 7 / Issue 1. P. 52–63.

Ф.А. Селезнев

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2016, № 3 (23)**

Багашвили Инна Ревазовна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (inna.bagashvili@uralchem.com).

Войтенко Антон Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН (cesras@cesras.ru).

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (ershtamaris@yandex.ru).

Журавлев Олег Викторович — соискатель общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (Edeczh@yandex.ru).

Коломейцева Мария Андреевна — кандидат исторических наук, специалист учебно-методического отдела, Московский институт лингвистики (marijaandreeva@mail.ru).

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (malysheva_o56@mail.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Мишанина Елена Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторического степеведения Института степи Уральского отделения РАН (elvmi@mail.ru).

Музафарова Нелли Ильинична — доктор исторических наук, профессор общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (muzafarovan@mail.ru).

Рыжков Евгений Николаевич — начальник аналитического отдела Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ (evgueni_ryjkov@mail.ru).

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (fseleznev@mail.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры контрастной лингвистики МПГУ (marinaio0707@mail.ru).

Authors
of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Historical Studies», 2016, № 3 (23)

Bagashvili Inna Revazovna — postgraduate of department of History of Russia, MCU (inna.bagashvili@uralchem.com).

Voytenko Anton Anatolievich — Ph.D. (History), senior researcher, Centre of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (cesras@cesras.ru).

Ershova Tamara Vitaljevna — Doctor of History, professor of department of History of Russia, MCU (ershtamaris@yandex.ru).

Zhuravlyov Oleg Viktorovich — competitor of university-wide department of History, MCU (Edeczh@yandex.ru).

Kolomeytseva Maria Andreevna — Ph.D. (History), specialist of educational-methodical department, Moscow Institute of Linguistics, (marijaandreeva@mail.ru).

Malysheva Olga Geraldovna — Doctor of History, professor of department of History of Russia, MCU (malysheva_o56@mail.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor, head of department of World History, MCU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Mishanina Elena Vladimirovna — Ph.D. (History), researcher of the laboratory of historical steppe science, Institute of steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (IS UB RAS) (elvmi@mail.ru).

Ryzhkov Evgenij Nikolaevich — head of analytic department, International Institute for Monitoring of Development of Democracy, Parliamentarism and Suffrage Protection of Citizens of Member Nations of Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (evgueni_ryzkov@mail.ru).

Seleznev Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor of department of Foreign Regional Studies and Local History, N.I. Lobachevsky Nizhni Novgorod State University (fseleznev@mail.ru).

Furtsev Roman Vitaljevich — Ph.D. (History), docent of Contrastive Linguistics department, MTTSU (marinaio0707@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 3 (23), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
И.Е. Посоха
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 25.10.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.